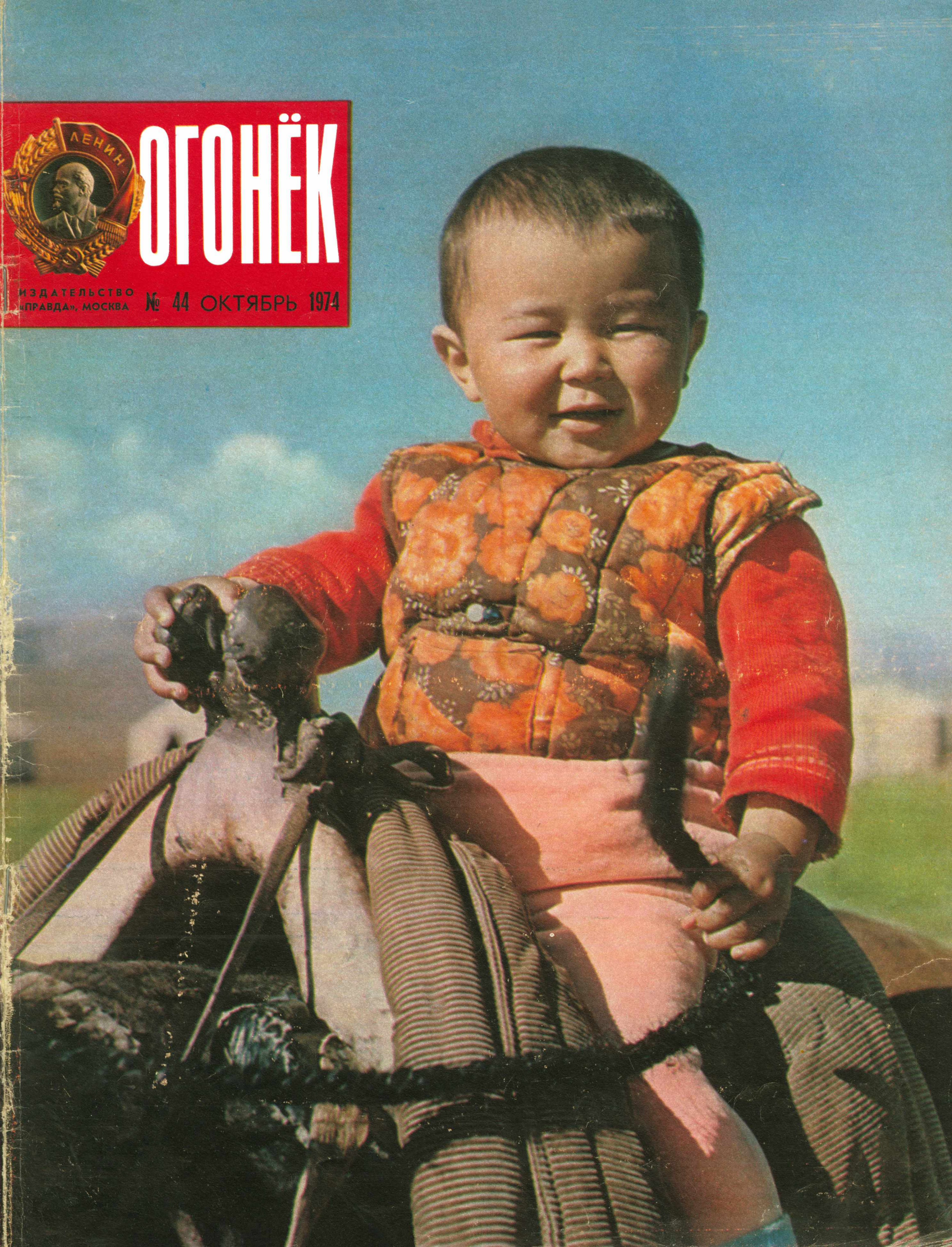

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 44 ОКТЯБРЬ 1974

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 44 (2469)

26 ОКТЯБРЯ 1974

Встреча на Внуковском аэродроме.

30 ЛЕТ ПО

После вручения болгарских юбилейных памятных медалей советским руководителям.

Во время осмотра выставки «Народная Республика Болгария — 30 лет по пути социализма».

Фото А. НАГРАЛЬЯНА и М. СКУРИХИНОЙ.

ПУТИ СОЦИАЛИЗМА

Огромных успехов в развитии экономики, науки, культуры добился болгарский народ за тридцать лет, что прошли со дня победы социалистической революции в стране. Об этих успехах ярко и убедительно рассказывает открывшаяся в Москве выставка «Народная Республика Болгария — 30 лет по пути социализма».

На открытие юбилейной выставки в Москву прибыла партийно-правительственная делегация НРБ во главе с Первым секретарем ЦК БКП, Председателем Государственного совета НРБ Тодором Живковым. На Внуковском аэродроме делегацию встречали Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, секретарь ЦК КПСС И. В. Капитонов и другие официальные лица.

16 октября в Кремле состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева с Первым секретарем ЦК БКП, Председателем Государственного совета НРБ товарищем Т. Живковым. Встреча товарищей Л. И. Брежнева и Т. Живкова продемонстрировала полное единство взглядов КПСС и БКП по всем обсуждавшимся вопросам.

16 октября в Кремле в теплой, товарищеской обстановке глава партийно-правительственной делегации Народной Республики Болгарии товарищ Тодор Живков вручил советским руководителям юбилейные памятные медали «30 лет социалистической революции в Болгарии», которыми награждены члены Политбюро ЦК КПСС, кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС и секретари ЦК КПСС.

Юбилейные медали были вручены товарищам Л. И. Брежневу, Ю. В. Андропову, А. А. Гречко, В. В. Гришину, А. А. Громыко, А. Н. Косыгину, К. Т. Мазурову, А. Я. Пельше, М. А. Суслову, А. Н. Шелепину, П. Н. Демичеву, В. И. Долгих, И. В. Капитонову.

В тот же день в Кремле Первый секретарь ЦК БКП, Председатель Государственного совета НРБ товарищ Т. Живков вручил Димитровскую премию члену Политбюро ЦК КПСС, секретарю ЦК КПСС товарищу М. А. Суслову, награжденному в связи с 30-й годовщиной социалистической революции в Болгарии и за активную общественно-политическую и творческую деятельность в борьбе против старого общества, за торжество дела мира, демократии и социализма.

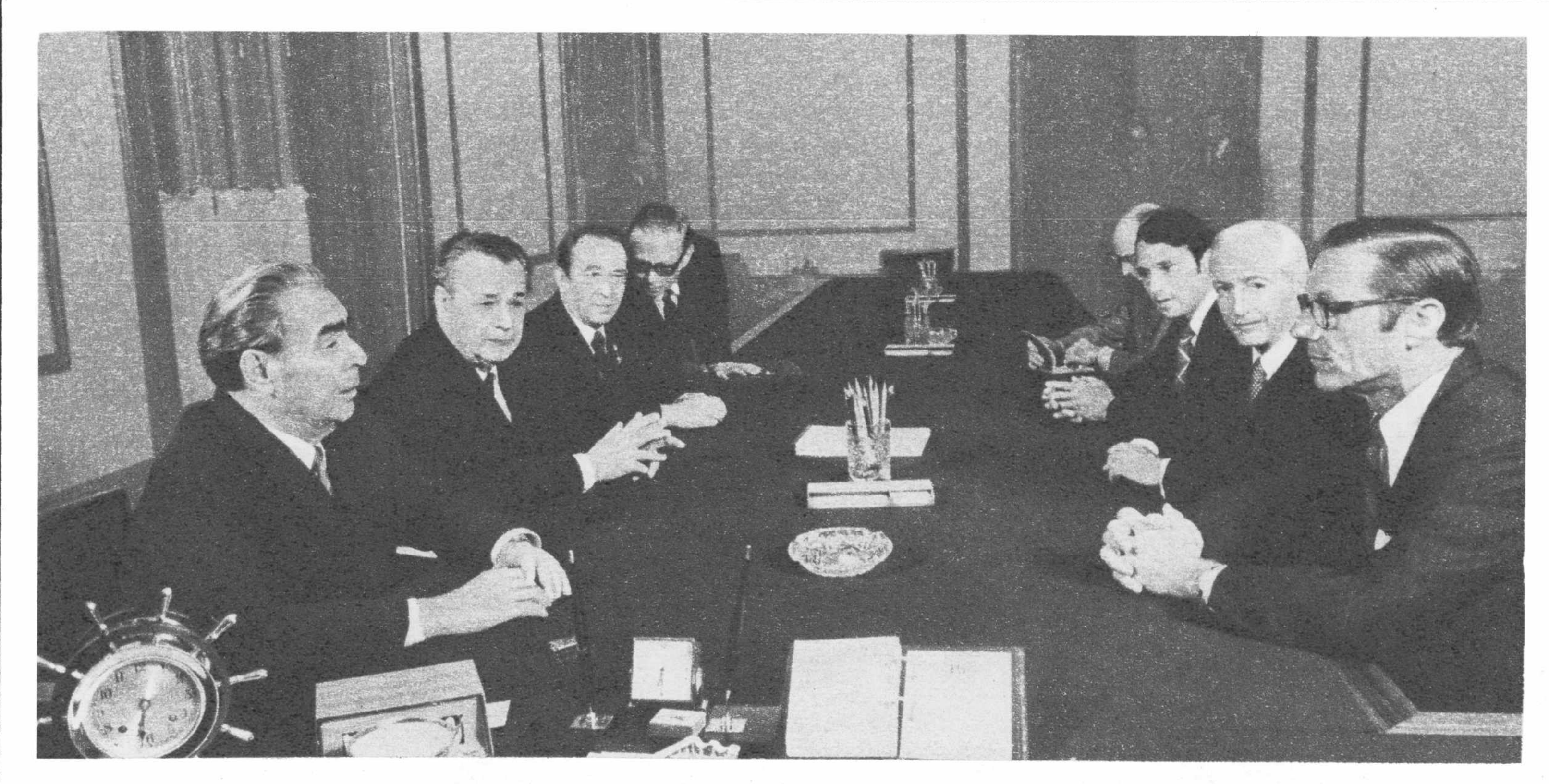
17 октября Первый секретарь ЦК БКП, Председатель Государственного совета НРБ Т. Живков в торжественной обстановке объявил открытой выставку «Народная Республика Болгария — 30 лет по пути социализма».

На открытии присутствовали товарищи Л. И. Брежнев, В. В. Гришин, А. Н. Косыгин, К. Т. Мазуров, А. Н. Шелепин, П. Н. Демичев, В. И. Долгих, И. В. Капитонов, члены партийно-правительственной делегации НРБ и другие официальные лица.

Болгарских друзей приветствовал член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин.

В своем выступлении товарищ Т. Живков отметил: «Строительство социализма в Болгарии и сама наша социалистическая революция девятого сентября 1944 года были бы немыслимы без победы Великого Октября, без наличия Союза Советских Социалистических Республик, без опыта и примера Коммунистической партии Советского Союза».

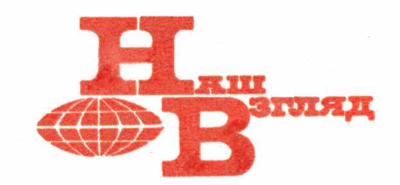
17 октября партийно-правительственная делегация Народной Республики Болгарии во главе с Первым секретарем ЦК БКП, Председателем Государственного совета НРБ Т. Живковым отбыла из Москвы на родину.

15 октября Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев принял в Кремле министра финансов США У. Саймона, находившегося в Москве в связи с проведением второго заседания американо-советского торгово-экономического совета. В беседе, прошедшей в деловой обстановке, был затронут широкий круг вопросов, касающихся отношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки, в том числе развития торгово-экономических связей.

Фото В. Мусаэльяна (ТАСС).

ТОРГОВЛЯ И ПОЛИТИКА

Владимир НИКОЛАЕВ

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

В прошлом году я беседовал в США с президентом компании «Пепсико инк.» Д. Кендаллом, председателем правления американо-советского торгово-экономического совета с американской стороны. Тогда он сказал мне: «Весь мир американского бизнеса переживает сейчас полосу известного подъема, возбуждения и надежд. Это результат улучшения отношений между США и СССР».

С тех пор прошло больше года. Американо-советский торгово-экономический совет успешно развивает свою деятельность. Если в 1970 году объем двусторонней торговли между США и СССР составлял менее 200 миллионов долларов, то в 1973 году он превысил 1,4 миллиарда долларов. Число американских фирм, с которыми советские организации ведут торговлю или обсуждают новые соглашения и контракты, исчисляется сотнями. Заключены первые солидные взаимовыгодные сделки с американскими фирмами и соглашения о научно-техническом сотрудничестве. Советско-американские деловые отношения уже дали примеры долгосрочных проектов, таких, как 20-миллиардный контракт о сооружении в СССР крупного химического комплекса и о взаимных поставках удобрений. Активное сотрудничество видим мы в автомобилестроении, станкостроении, химии и нефтехимии, в производстве ряда потребительских товаров.

В своей речи на обеде по случаю проведения в Москве второго заседания американо-советского торгово-экономического совета Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, в частности, сказал: «Без продвижения вперед в этой области, которая представляет собою как бы материальный фундамент обширного здания советско-американского мирного сотрудничества и добрососедства, многое из того, что уже было создано совместными усилиями в 1972, 1973 и 1974 годах, рискует оказаться ослабленным». Говоря о развитии советско-американского сотрудничества, Л. И. Брежнев привел слова В. И. Ленина, сказанные 55 лет тому назад: «Мы решительно за экономическую договоренность с Америкой,— со всеми странами, но **особенно** с Америкой». Генеральный секретарь ЦК КПСС подчеркнул, что мы намерены последовательно идти вперед этим курсом, которому придаем не только экономическое, но в еще большей степени политическое значение.

Леонид Ильич сказал, что для успешного проведения этого курса требуется взаимность, полное равноправие сторон и отсутствие какой-либо дискриминации. И, разумеется, совершенно неуместны и неприемлемы попытки определенных сил в США ставить развитие торговли с нами в зависимость от их возможности вмешиваться во внутренние дела Советского Союза. «Было бы ошибкой использовать торговлю как рычаг или угрозу»,— заявил еще в прошлом году видный представитель деловой Америки Д. Рокфеллер. Несколько дней назад в своем послании американо-советскому торгово-экономическому совету президент США Дж. Форд писал о том, что он подчеркивал перед американским конгрессом важность предоставления режима наибольшего благоприятствования импорту из Советского Союза.

Предоставление Советскому Союзу со стороны США так называемого «принципа наибольшего благоприятствования» действительно имеет важное значение для дальнейшего расширения торговли между двумя нашими странами. Причем речь идет вовсе не о каких-либо особых льготах и привилегиях для Советского Союза, а всего-навсего о ликвидации дискриминационных таможенных барьеров, стоящих на пути продажи советских товаров в США и являющихся, по сути дела, еще не ликвидированными остатками «холодной войны».

Да, немало предстоит сделать на пути дальнейшего развития делового сотрудничества между СССР и США. Прошедшее в Москве заседание американо-советского торгово-экономического совета позволяет надеяться, что этот процесс развивается в нужном направлении. Немаловажно, что в заседании принял участие министр финансов США У. Саймон и такие крупнейшие представители американского бизнеса, как председатель правления «Оксидентл петролеум корпорейшн» Арманд Хаммер, упоминавшийся выше Д. Кендалл и другие.

Американская пресса широко комментирует речь Л. И. Брежнева по случаю этого заседания. В частности, агентство АП приходит к выводу, что Л. И. Брежнев «произнес в целом весьма оптимистическую речь, в которой выразил надежду на возможность значительного расширения американо-советского торгово-экономического сотрудничества». Генеральный секретарь ЦК КПСС, передает агентство, сравнил состояние советско-американского экономического и торгового сотрудничества с периодом ранней весны. Он заявил, что, как и в природе, в этих отношениях неизбежно наступит лето. Важно только, чтобы этот процесс не слишком затягивался.

Налаживание устойчивых, долговременных, взаимовыгодных экономических отношений между СССР и США — вот благородная задача, отвечающая не только деловым интересам, но и интересам мира и дружбы всех народов.

Работники промышленности! Боритесь за дальнейшее укрепление индустриальной мощи страны! Добивайтесь ускорения технического прогресса, лучшего использования производственных мощностей!

Шире дорогу новой технике и прогрессивной технологии!

Из Призывов ЦК КПСС к 57-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

ВПЕРЕДИ—ГОД ЗАВЕРШАЮЩИЙ

ЦСУ СССР ПОДВЕЛО ИТОГИ ВЫПОЛНЕНИЯ ДЕВЯТИМЕСЯЧНОГО ПЛАНА 1974 ГОДА

В канун Октябрьских торжеств страна получила сообщение ЦСУ СССР об итогах выполнения Государственного плана промышленностью СССР за девять месяцев 1974 года: **перевыполнен план девяти месяцев по объему реализации и производству большинства важнейших видов продукции.**

Плюс 8,2 процента — таков прирост промышленного производства по сравнению с тем же периодом прошлого года. Отрадно узнать, что год определяющий протекает на наших заводах, шахтах, строительных площадках успешно, а продукции отдельных отраслей промышленности стало на 5—12 процентов больше по сравнению с теми же девятью месяцами 1973 года.

Предприятия всех общесоюзных и союзно-республиканских промышленных министерств набрали хороший темп и идут к концу года с превышением графика. Растет и производительность труда — главный показатель коммунистического отношения к своему делу. Миллионы участников социалистического соревнования полны решимости выйти к рубежам уже близкого 1975 года с рапортами о досрочном выполнении напряженных планов и повышенных обязательств. Для этого важно удержать взятый темп, отдавая все внимание совершенствованию технологии производства, ибо соревнуются именно технологии. А итоги девяти месяцев показали, что резервы повышения эффективности производства далеко не исчерпаны. Так, например, недовыполнены планы производства нефтеаппаратуры, тепловозов, тракторных прицепов, зерноуборочных комбайнов, кожаной обуви, стиральных машин...

Успешное выполнение нашей промышленностью плана девяти месяцев позволяет надеяться, что задания четвертого года пятилетки будут выполнены досрочно. Впереди — год завершающий!

Магнитка. Идет металл. Фото А. Гостева.

С. КАЛИНИЧЕВ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

ПРАЗДН

30 лет назад, в октябре 1944 года, последняя пядь украинской земли — село Лавочное, Львовской области,— была освобождена от фашистской нечисти. Города и села республики чествуют ветеранов войны, участники боев за Украину встречаются с рабочими, колхозниками, студентами и школьниками, рассказывают об историческом подвиге советского народа.

17 октября в Киеве торжественно открылся Украинский государственный музей истории Великой Отечественной войны, в залах которого собрано более шести тысяч реликвий, свидетельств немеркнущей боевой славы. Празднику освобождения посвятили свою выставку художники республики, Союз журналистов УССР открыл фотовыставку, кинематографисты показали премьеру полнометражного документального фильма «Огненный путь»...

18 октября во Дворце культуры «Украина» состоялось торжественное собрание представителей партийных, советских, общественных организаций республики, воинов Советской Армии и Военно-Морского Флота, посвященное этому празднику. Среди присутствующих сотни Героев Советского Союза, Героев Социалистического Труда. Здесь собрались рабочие и колхозники, ученые и писатели, генералы и адмиралы, офицеры и солдаты. В зале — Береговой и Попович, Покрышкин и Гризодубова, Родимцев и Лелюшенко, Ужвий и Гиталов, Ладани и Бажан, Патон и Стрельченко — люди, известные каждому.

Рядом со мною — мужчина в строгом черном костюме со звездой Героя Советского Союза на широкой груди. Мы познакомились. Иван Григорьевич Скляров — инженер-железнодорожник из Казатина, бывший летчик-истребитель. В сводке Совинформбюро за 15 декабря 1943 года сообщалось, что старший лейтенант Скляров в течение одного дня сбил 6 вражеских самолетов.

— В жизни не видел такого парада воинской и трудовой доблести,— говорит Иван Григорьевич, обводя взглядом зал.

Громом аплодисментов встречают присутствующие сердечное приветствие Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева, прочитанное членом Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем ЦК Компартии Украины Владимиром Васильевичем Щербицким. Затем товарищ В. В. Щербицкий выступил с большой речью.

Изгнание фашистов с украинской земли началось в героических сражениях под Москвой и Ленинградом, Сталинградом и Курском, на Северном Кавказе и в Заполярье. Победный путь воинских частей, освобождавших Украину, отмечен битвой за Днепр, под Корсунь-Шевченковским, под Ровно и Луцком, Кривым Рогом и Никополем, на реке Молочной и Миусе, под Николаевом и Одессой, в Крыму и под Львовом...

Из двенадцати тысяч Героев Советского Союза, получивших это звание в годы Великой Отечественной войны, около четырех тысяч удостоены этого звания за подвиги, совершенные на земле Украины. Это люди более чем сорока национальностей.

В. В. Щербицкий рассказал о великом пути, пройденном украинским народом в братской семье советских народов за годы войны и послевоенного развития. Он рассказал о неоценимой помощи, которую Украина получала и получает со стороны всех братских республик Советского Союза, и о том вкладе, который она вносит в наше общее дело коммунистического строительства.

В перерыве я познакомился с Марией Михайловной Паливодой — медсестрой из Харькова, отмеченной многими боевыми наградами и в их числе двумя солдатскими орденами Славы. Тридцать один год назад санинструктор Паливода в составе разведроты одной из первых форсировала Днепр в районе Днепропетровска...

— Для меня этот праздник особенный,— сказала Мария Михайловна.— Я встретила здесь старшину своей роты, полного кавалера ордена Славы Алексея Сергеевича Петруковича. А уж он помог увидеться еще с одним нашим однополчанином — Валентином Ивановичем Варениковым. Тогда он был старшим лейтенантом, командовал батареей противотанковых пушек. А теперь и не узнала — генерал-полковник, командующий Прикарпатским военным округом.

Разделить с трудящимися нашей республики радость этого светлого праздника прибыли делегации Российской Федерации, Белоруссии, Молдавии, Польши, Чехословакии, а также делегации Министерства обороны СССР и ЦК ВЛКСМ.

Участников торжественного заседания приветствовали представители рабочего класса, интеллигенции, колхозного крестьянства, комсомольцы и пионеры.

От имени ветеранов Великой Отечественной войны, фронтовиков, бывших партизан и подпольщиков, всех тех, кто мужественно сражался за свободу родной Отчизны, с взволнованной речью к присутствующим обратился дважды Герой Советского Союза Захар Карпович Слюсаренко, с боями прошедший по земле Украины, бывший командир прославленной 56-й гвардейской танковой бригады.

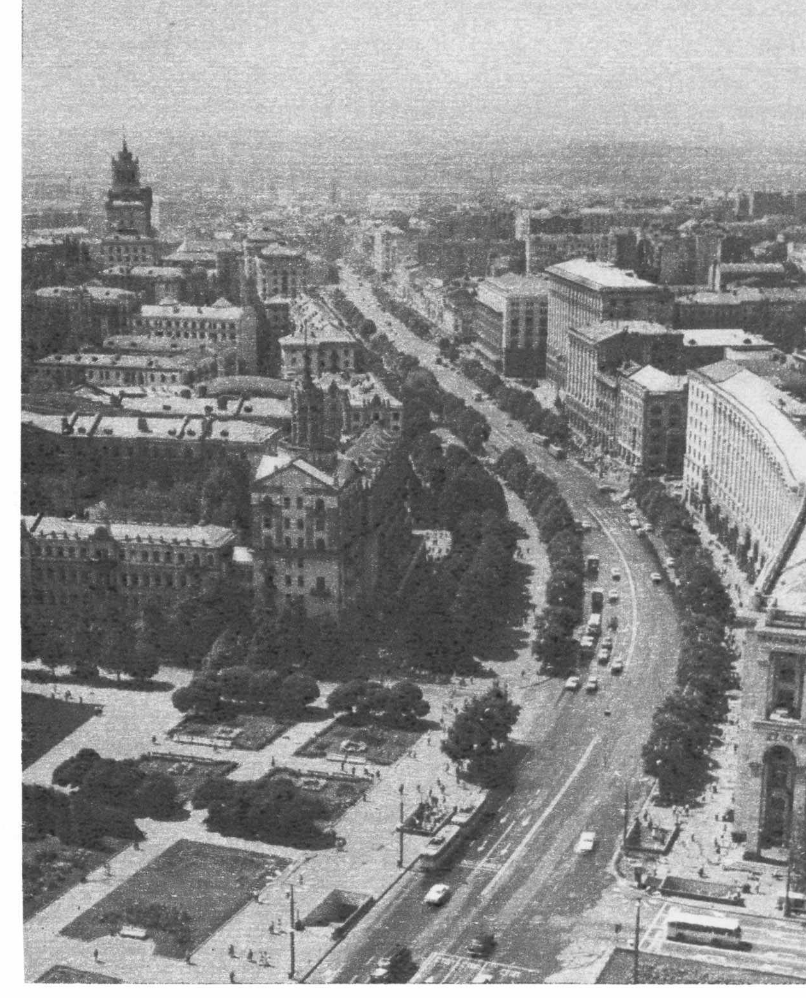
На следующий день от Вечного огня у могилы Неизвестного солдата по улицам Киева прошли в торжественном парадном марше многие тысячи ветеранов войны. Киевляне тепло приветствовали их. В субботу и воскресенье во всех районах украинской столицы проходили народные гулянья, состоялось факельное шествие молодежи.

Цветы ветеранам.

Торжественное собрание, посвященное 30-летию освобождения Советской Украины.

1974 год. Крещатик.

УЕТ УКРАИНА

Форсирование Днепра. Фото А. Шайхета.

1943 год. Крещатик. Советские воины вступают в столицу Украины. Фото ТАСС.

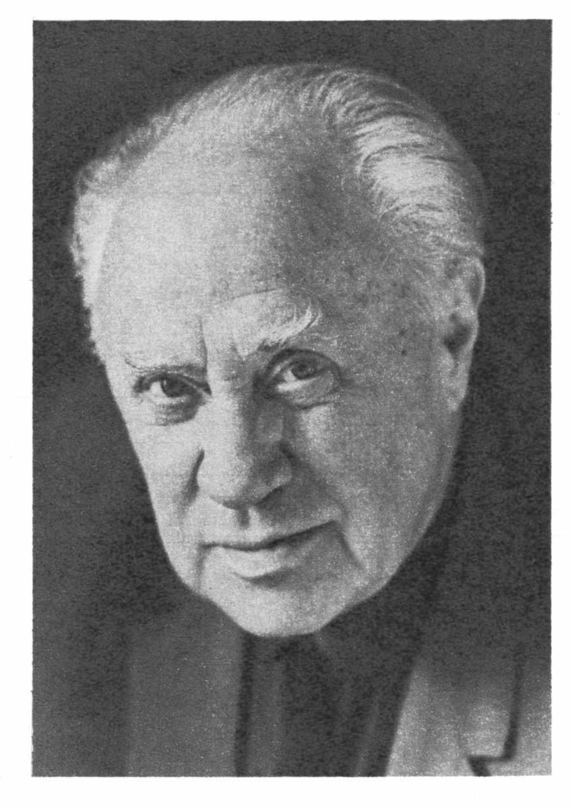

Член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КПУ В. В. Щербицкий и Маршал Советского Союза К. С. Москаленко на открытии Украинского государственного музея истории Великой Отечественной войны.

75 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

М. И. ЖАРОВА

ЗАДУШЕВНЫЙ ТАЛАНТ

Не в этом ли таинство искусства, что оно вечно? Не в этом ли таинство художника, что он всегда молод? Время не властно над чудом творчества, над теми, кто одарен природой и стремится к радостному утверждению на земле прекрасного.

К таким художникам принадлежит Михаил Иванович Жаров. Трудно назвать в нашем театре и кинематографе более популярное имя. Жаров во всех ликах остается Жаровым. Ибо такова и житейская и сценическая природа его индивидуальности, такова природа его художнического обаяния, обаяния крупной человеческой личности.

Сменялись поколения, шло время, и в театр и в кинематограф приходили новые люди, новые художники, а искусство Жарова ничуть не старело. Вспомните «Путевку в жизнь» или «Человека в футляре», где Жаров снимался с Н. Хмелевым и О. Андровской, или совсем недавнюю работу артиста в фильме «Деревенский детектив»,— и в прошлом и сегодня Жаров истинно современен, ибо всегда, во все долгие годы творчества он остается одинаково верным высокому стилю социалистического реализма.

Учился Жаров у Ф. Комиссаржевского, брата знаменитой актрисы Веры Федоровны, в Театре-студии Художественно-просветительного союза рабочих организаций. Так вот в этом ХПСРО, где воспитывали синтетических актеров, Жаров оказался одним из самых «синтетичных». Он умел, кажется, все, что может уметь актер. Быть акробатом и куплетистом, клоуном и статистом... Молодость его была фантастической. И балет, и цирк, и опера, и пантомима. Даже рядом с великим Шаляпиным запечатлела его уникальная лента «Псковитянки». Совсем юный, семнадцатилетний, с огромной бородой опричника — все равно его сразу узнаешь, не спутаешь ни с кем...

В Малый театр Жаров пришел с богатым житейским и сценическим опытом. Великий русский режиссер А. П. Ленский афористически точно определил стиль работы актера Малого театра: на сцене должно быть все «видно, слышно и понятно». В совершенстве владеет Жаров этим трудным и высоким искусством простоты и ясности. Как бы ни были сложны — психологически и социально — создаваемые актером характеры, ничем не замутненная правда жизни прежде всего берет вас в плен, покоряет, приобщая к естественной радости творчества.

Считается, что Жаров — художник одной, хотя и неисчерпаемой, темы. Русский народный характер с его широтой и размахом, удалью и мудростью, неистребимым жизнелюбием и душевной нежностью исследован им до глубин сокровенных. И хотя Жаров принадлежит к актерам, всегда и во всем узнаваемым, разнообразие его сценических и кинематографических созданий поразительно.

Кто не помнит его Меншикова в фильме «Петр I»? Другого Меншикова не представлял себе и сам Алексей Толстой, настолько неуемно, расточительно щедр был Жаров в этой роли.

А в театре — Мурзавецкий в «Волках и овцах» и Храпов в «Вассе Железновой», Лебедев в «Иванове» и Ковалев в «Самом последнем дне». Огромен внутренний диапазон. Богата и разнообразна его творческая палитра. Но всегда прежде всего во всех его работах покоряет нас неповторимое жаровское. А жаровское — это чудо простоты. Простоты не простой, а мудрой, в которой, казалось бы, все понимаешь, а разгадка ее — всегда впереди.

Талант Жарова — задушевный талант. Может быть, одной из самых проникновенных работ художника, где эта черта его дарования раскрылась наиболее полно, стал, на наш взгляд, образ отставного солдата Митрича в спектакле Малого театра «Власть тьмы». Словно постаревший, уставший от невыносимо тяжелой жизни русский богатырь — его Митрич. Обмякли, ссутулились его некогда могучие плечи. Суров его облик, невеселая дума хмурит седые брови. Но сохранил Митрич нетронутой, юной свою отзывчивую на все доброе душу, пронес он этот горячий огонек через жизнь, не загрубел, не очерствел сердцем... Вспомните его сцену с Анюткой, когда рассказывает он ей о девчонке Сашке, которую подобрали солдаты в деревне и так полюбили в своей неприютной, суровой жизни... Вспомните, как теплеют его глаза, как ползут по лицу частые добрые морщинки. Как нежно поглаживает он рукой подушку, низко опускает голову, смущаясь нежданных слез... Пронзительно по душевной боли и любви к простому человеку исполнение Жаровым этой роли.

Народный артист. Это — звание. Для Жарова — это его суть, его назначение, его призвание. Ибо он народный по самой природе своего таланта. Вспомните его глаза. В любой роли — и добрые, и грустные, и гневные, и вдруг такие мечтательные, что, кажется, о вашей судьбе, о будущем каждого — и молодого и пожилого зрителя — думает сердцем своим, мудрым и нежным, большой русский, истинно народный художник.

Г. ЮРАСОВА

ДРУЖИМ С СОВЕТСКОЙ КНИГОЙ

40 процентов всей переводной литературы, издаваемой в Венгерской Народной Республике,— произведения советских авторов. Около 11 тысяч наименований составляют список советских книг, вышедших в Венгрии с 1945 по 1973 год. В свою очередь, в СССР издано около 900 произведений 135 венгерских писателей и поэтов. Они опубликованы на 34 языках тиражом свыше 30 миллионов экземпляров. Эти цифры назвал на состоявшейся на днях пресс-конференции государственный секретарь министерства культуры Венгерской Народной Республики Ференц Молнар.

Культурные связи между нашими народами имеют давнюю и богатую историю.

В июне 1945 года — через два месяца после освобождения — возникло Венгеро-Советское общество культурных связей. Опыт социалистических преобразований, накопленный СССР, достижения советской культуры оказали неоценимую помощь народу, избравшему путь социализма.

Советская литература, воспитавшая не одно поколение героев, переведенная на многие языки, ведет борьбу за нового человека, утверждает социалистический образ жизни. «Поднятая целина» Шолохова издавалась в Венгрии более 10 раз, а тираж произведений Горького составил рекордную цифру — миллион триста тысяч экземпляров. Из 740 изданий, появившихся в прошлом году, 75 — работы советских авторов. Вышли из печати первые тома «Библиотеки советской литературы». В честь 30-й годовщины со дня освобождения Венгрии готовится публикация серии «Победа», которая будет посвящена борьбе против фашизма. В будущем году в Будапеште намечено издать большим тиражом многотомную библиотеку мировой литературы, чтобы лучшие творения всех времен и народов имелись в каждом доме. Достойное место в этой серии займут и выдающиеся произведения советских писателей. А 4 апреля 1975 года, в День освобождения, выйдет первый номер ежемесячного журнала «Советская литература», который будет знакомить венгерских читателей с новинками литературы братской страны.

Интенсивно развивается сотрудничество и других «творческих цехов». В прошлом году в ВНР было показано 36 советских фильмов — пятая часть всех зарубежных кинолент. На афишах венгерских театров нередки имена советских драматургов, режиссеров, актеров. С успехом проходят гастроли театральных и художественных коллективов.

1975 год, юбилейный, год 30-летия свободной Венгрии, пройдет под знаком еще более тесного венгеро-советского сотрудничества и сближения братских культур.

Б. ЛАБУТИН

Молодые жители Будапешта — частые гости Дома советской науки и культуры.

Фото из журнала «Венгерские новости».

Почетный член заводской бригады заслуженный артист РСФСР Б. Горбатов с рабочими.

Фото А. Пичугина.

Рабочие московского завода «Компрессор» гордятся своей дружбой с артистами прославленного Малого театра. Двое из них — народный артист СССР В. Хохряков и заслуженный артист РСФСР Б. Горбатов — являются почетными членами коллектива, выступают перед своими друзьями. А рабочие часто посещают спектакли, где заняты их любимые мастера сцены.

Недавно артисты театра выступили в заводском Доме культуры с большой концертной программой, посвященной юбилею Малого театра — одного из старейших театральных коллективов страны.

Ю. ИГНАТОВ,
редактор многотиражной газеты «Машиностроитель»

Николай
ЕРЕМИН

УЧИТЕЛЬ

Он
гусиное перо
превратил в перо Жар-птицы.
Он сказал,
что в нас гнездится
доброта, а не добро.

Неприкрыты и просты
все шаги его и мысли,
будни, праздничные числа,
дом, тетрадные листы...

Лебединый дальний гул
оторвал его от дела.
Он забыл, где трость воткнул,
а она — зазеленела.

* * *

Нам было суждено: сорвать в тайге жарки
и выйти на простор — от сопок к Енисею...
Тонуло солнце в нем, но майские жуки
летели в темноту, свернуть рискуя шею!
Нежданно и легко нам счастье вдруг далось
и золото цветов — без тени укоризны...
Всего четыре дня жаркам гореть пришлось,
но света этих дней хватало на две жизни.

г. Красноярск.

ГДЕ ЖЕ БУРЯ?

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер

В последнем отчете мы обещали читателям, что буря не за горами. Но бури все нет: двенадцатая партия закончилась после оживленной игры вничью. Началась пятая шахматная неделя, на которой присутствовал президент ФИДЕ М. Эйве. Когда президент появился в пресс-бюро, он подвергся атаке многочисленных журналистов. Разумеется, вопрос номер один — проблема Фишера. Журналисты спросили Эйве: «Вы приехали на финал турнира претендентов или на матч на первенство мира?», «Будет Фишер играть или нет?» Но как ни старались корреспонденты добиться определенного ответа, они его так и не получили. И не могли получить, потому что угадать планы чемпиона мира невозможно.

Обозреватель «Огонька» решил не терзать президента мучительными вопросами и лишь попросил Эйве ответить, почему Фишер так настойчиво хочет играть матч не до шести, а до десяти выигрышей. Эйве дал любопытное объяснение.

— По-моему,— сказал он,— причина настойчивости Фишера объясняется тем, что он больше двух лет не играет в шахматы. За такой срок, разумеется, он не разучился играть, но, конечно, растренировался. Поэтому Фишер боится, что может на короткой дистанции проиграть. Тем более, что Карпов убедительно победил Спасского, а Корчной — Петросяна. Если же он сможет играть до десяти побед, то успеет разыграться и войти в форму...

Грандиозная битва развернулась в 13-й партии матча А. Карпов — В. Корчной. Опасные моменты возникали то у одних ворот, то у других. Впервые в этом матче можно было видеть Карпова в более сильном цейтноте, чем Корчного.

С большим интересом ожидалось доигрывание этой партии. Многим казалось, что наконец-то Корчному удалось схватить Карпова и что перелом в матче наступил. Поклонники Карпова были обеспокоены отложенной позицией, но они верили в искусство защиты молодого гроссмейстера.

Доигрывание протекало исключительно напряженно. Корчной в этой многострадальной партии (тринадцатой!) четыре раза попадал в цейтнот! Казалось, что вот-вот оборона Карпова будет сломлена. Но нет, у Корчного ничего не получилось. Был момент, когда требовался еще один-единственный ход, чтобы проходная пешка Корчного превратилась в ферзя, но добиться этого ему не удалось.

Гроссмейстеры шли на «рекорд»: 96 ходов! Однако до сотни все же не дотянули. Эта интересная партия была отложена вторично, и впервые в этом матче гроссмейстеры согласились на ничью по телефону.

Через 18 часов, измученные, усталые после предыдущей партии, Карпов и Корчной заняли снова места за шахматным столиком и приступили к четырнадцатой партии. В седьмой раз Карпов начал игру королевской пешкой, в пятый раз диалог велся на «французском языке». Не думаю, что быстрая ничья явилась результатом усталости гроссмейстеров. Просто возникла позиция, в которой они не могли ничего придумать.

Таким образом, после 14 сыгранных партий мы имеем целую дюжину ничьих. Многовато! В одной серии их восемь. Табличку «Белые выиграли» зрители видели в последний раз в шестой партии.

Долго ли будет продолжаться ничейный дождь? Шахматные синоптики разводят руками.

ГОСТИ «ОГОНЬКА»

«Панорама» — так называется иллюстрированный еженедельник, который издается тиражом пятьсот тысяч экземпляров в польском городе Катовице. Главный редактор «Панорамы» Станислав Соколовский и редактор партийного издательства Катовицкого воеводства Ирена Соколовская побывали недавно в Советском Союзе. Гости «Огонька» совершили поездку в Ташкент, Бухару и Самарканд. В редакции «Огонька» состоялась теплая встреча с польскими коллегами.

На снимке: польские гости в редакции «Огонька».

Фото Г. Копосова.

«ПОЙДЕМ БЕЗ УКЛОНЕНИЯ ЗА ЩЕПКИНЫМ...»

М. И. ЦАРЕВ,
народный артист СССР

Должен ли я сразу, с самых первых слов сказать о том, как все мы счастливы сегодня,— каждый из нас, актеров Малого театра, какую радость и гордость испытываем в эти дни, когда Советская страна и весь прогрессивный мир, все люди доброй воли, любящие и ценящие подлинное искусство, отмечают стопятидесятилетний юбилей нашей сцены... Я очень хорошо знаю: какие бы слова мы ни говорили в ознаменование великой даты, все равно они покажутся невыразительными, бледными по сравнению с чувствами, переполняющими наши актерские сердца.

Поэтому в ответ на просьбу «Огонька» я, наверное, обязан, будучи еще и директором Малого театра, прежде всего напомнить о самом главном — об истории нашей сцены, одной из старейших в России: назвать с благоговением имена людей, до конца отдавших благородному служению на этой сцене свой талант и самую жизнь.

Для многих москвичей Малый театр стал святыней, предметом поклонения уже в самое первое время своего возникновения.

Рождение Малого вовсе не случайно совпало еще и с многими другими, весьма важными событиями нашей отечественной истории, ознаменовавшими собою решительный подъем национального сознания и освободительной мысли России. Это — появление пушкинского гения, поэзии декабристов. Это и самое восстание на Сенатской площади, отзвуки которого пошли по стране, волнуя умы и сердца народа, задавленного крепостниками, но смутно мечтавшего об иной, лучшей жизни...

Отторгнутый «господами» от культуры и знания, «подлый» народ жил, трудился и умирал, не имея никаких человеческих прав. Но вовсе не случайно, по-моему, основоположником гуманнейших, жизнеутверждающих творческих традиций Малого театра, живых поныне и навсегда, предстал перед просвещенным миром того времени русский человек, вышедший из самых низов тогдашнего общества, крепостной крестьянин из-под Курска.

Имя великого Щепкина, удивительная его биография, конечно, известны всем. Однако вспомним, что привез провинциального актера Михаила Щепкина в Москву писатель Загоскин, автор «Юрия Милославского»; увидев игру актера на Роменской ярмарке, он тут же восторженно сообщил в дирекцию императорских театров о том, что открыл артиста «чудо-юдо»! Так оно и было... И если Ломоносов стал русской Академией, то Щепкин обозначил собою появление Театра, выражающего творческую душу русского народа.

Ступив на сцену Малого, Щепкин прожил здесь всю свою жизнь; об этом написано много книг. Собственные же его «Записки» до сих пор волнуют нас глубиной переживаний «крепостного человека графа Волькенштейна» — первого актера России.

Подобно Шевченко, художник и мыслитель театра, Щепкин был выкуплен из рабского состояния по подписке. Напомню, однако, что и самый выкуп был, по существу, актом бессердечным: купчая по небрежности какого-то канцеляриста оставила Щепкина по-прежнему крепостным и в то же время лишала его вместе с семьей права на пропитание... Беззлобно рассказывая об этом казусе в своих «Записках», Михаил Семенович сперва горестно размышляет: как же, мол, удастся ему теперь прокормить огромное семейство — тринадцать человек; а потом успокаивает себя: «Ну, думаю, у меня жена мастерица жить, сестры будут помогать, бог даст, как-нибудь проживем, а в будущем, что бог даст. **И еще добросовестнее начал заниматься моим делом** и более **подумывать о том, что играешь»...**

Признаться, до сих пор я не могу спокойно перечитывать эти поразительные строки. Меня трогает не одно только терпение и бескорыстие Щепкина, стойкая привычка его к лишениям, но еще и подчеркнутый, как видим, самим актером глубинный смысл этих, будто бы простодушных, будничных размышлений. Ведь тут подспудно звучит и вера в свои силы и надежда актера на успех главного, заветного дела его жизни — дела сцены, дела Театра... Мы также можем заметить, что Щепкин ведь говорит о нем как о первейшей своей заботе, наиболее значительной для него даже среди остальных, житейских, весьма и весьма насущных, одолевающих его забот о куске хлеба.

Актерское дело, убежденно считал Щепкин,— это не какое-то пустячное занятие, не праздная забава. А именно **дело**, которое артист сознательно ставит во главу угла всего своего человеческого существования. И оно требует относиться к нему не «спрохвала», не легкомысленно, а со всей необходимой серьезностью, **добросовестностью...** Как всякое дело трудового, работящего человека на Руси, оно немыслимо без сноровки, прилежания, даровитости, а уж тем паче, если дело это касается сцены, театра... Ведь именно в щепкинское время театр становится, по меткому определению Гоголя, **кафедрой**, формирующей гражданскую мысль, общественное мнение... Крупнейшие мыслители, художники, поэты и писатели, музыканты, деятели театра должны были вместе со Щепкиным в первую очередь «подумывать» о **содержании** и **направлении** своего творчества, о том, «что играть», о чем говорить с народом **со сцены**.

Я опять-таки не скажу читателям ничего нового, напомнив, что Малый театр блистательно решил эту поистине огромную, эстетически и идейно неоценимую задачу своей эпохи.

Став «Домом Щепкина», Малый театр действительно сумел привлечь к себе и объединить вокруг себя первейшие таланты России, сделать их своими единомышленниками. Именно в это время театр программирует масштабные образы жизни, утверждает сценический реализм, высокую художественную правду; борется за демократическое, прогрессивное направление творчества как незыблемую основу всей своей деятельности.

Актерские создания самого Щепкина, как и его соратников, впервые в истории русской, да и не только русской, а мировой сцены показали людям человеческую жизнь во всей ее сложности страстей, донесли до зрителя глубину переживаний и чувств «простого» человека, раскрыли его боль и страдания... Человечность и гуманизм, с одной стороны, а с другой — неподкупная обличительная мощь, представая в образах, делали императорский театр противником неправедных порядков русской империи, противником царизма.

В 1913 году, когда прогрессивная Россия отмечала 50-летие со дня смерти великого артиста, директор Малого театра — и сам прекрасный актер — А. Южин выступил перед труппой Малого со страстным призывом: «Пойдем без уклонения за Щепкиным, которого благословили на его подвиг Пушкин и Гоголь!»

Этот завет по-прежнему вербовал своих поборников, своих рыцарей среди актеров. Они принимали его как эстафету и с честью несли дальше традиции Малого театра... И наконец пришло время, когда Малый театр не только произносит с благодарностью имя своего законодателя, но открыто и свободно учится у него, развивает и движет дальше его великие творческие открытия.

В училище имени М. С. Щепкина приходит наша будущая смена — актерская молодежь Советской страны — и с первых же дней усваивает главнейшую щепкинскую заповедь: «Трудись, разрабатывай данные богом способности... не отвергай замечаний, а вникай в них глубже; и для проверки себя и советов всегда имей в виду натуру; влазь, так сказать, в кожу действующего лица...»

Могу только одно сказать: идут годы, растут новые поколения, меняются вкусы и самый облик театров и зрителей, но главную истину, открытую для актера Щепкиным: «имей в виду натуру»,— никто не в силах «отменить». Она абсолютна...

За Грибоедовым и Гоголем на сцену Малого театра пришла драматургия А. Н. Островского. Ей обязан наш театр новой силой творческого сценического, художественного воплощения щепкинских заветов. Необходимая народу «мысль просвещенная» живет в драматургии Островского широко и свободно — в неумирающих образах, острых конфликтах. Своими пьесами великий русский драматург создал на подмостках Малого новый, поистине народный, необходимый народу театр.

Став также и «Домом Островского», Малый театр получил возможность еще крупнее, убедительнее, ярче показывать зрителю подлинную жизнь народа. Без души, без сердца, без знания этой жизни теперь уже вовсе невозможно было играть на сцене.

И. Репин.

ПОРТРЕТ
М. С. ЩЕПКИНА.

Государственный
академический
Малый
театр

В. Комаров. ПОРТРЕТ А. П. ЛЕНСКОГО.

Центральный государственный театральный музей имени А. А. Бахрушина

Александр Николаевич Островский недаром считал театр «школой нравов». От театрального же училища он справедливо требовал единой системы воспитания, которая помогала бы действительно глубокому усвоению традиций... Островский уверял, что если традиции «хороши, правильны, не имеют в себе ничего условного, чисто художественны, тогда труппа является инструментом совершенным, о каком только могут мечтать драматические писатели, каких бы они талантов, стран и веков ни были».

Так и играла труппа Малого театра пьесы русской и мировой классики, внося в них свои традиции, свое мастерство, свои, выношенные ею, чувства высокой гражданственности, проповедническую страсть.

Все это помогало дальнейшему укреплению Малого театра как цитадели русского передового, прогрессивного искусства. Недаром в годы упадочничества реакционные «модные» декадентские круги травили труппу, попрекая ее спектакли, ее корифеев не чем иным, как верностью благородным заветам великих основоположников... Но Малый театр не сдавался — вел борьбу, отстаивая свои высокие принципы в искусстве сцены.

Среди нас и сейчас еще есть представители старейшего поколения актеров Малого, которые хорошо помнят день, когда в 1923 году праздновался столетний юбилей со дня рождения А. Н. Островского. На улицы Москвы вышла почти вся труппа во главе с А. А. Яблочкиной, А. А. Остужевым, П. М. Садовским... Артисты несли перед собою огромное голубое знамя; на нем крупная надпись: «Островскому — Малый театр. Шире дорогу, Любим Торцов идет». И снова это было клятвой верности... Напомню, кстати, что тогда же театр заложил памятник А. Н. Островскому. Великолепно исполненный скульптором Андреевым, он находится у входа, его все видят и знают... Кажется, будто и сегодня охраняет он старейшую русскую сцену от всего пришлого, фальшивого, как верный страж реалистических традиций...

А на торжественном заседании в честь юбилея выступил тогда со своей знаменитой речью об Островском, о значении его творчества А. В. Луначарский. Он призвал: «Назад к Островскому!»,— но означало это: вперед, к постижению глубин жизни, правды жизни! К воплощению ее святая святых — образа человека-созидателя, истинного героя, представителя лучших черт своего народа.

С тех пор прошло еще пятьдесят лет. Но мы ни на один день не забываем об Островском! Он и поныне живет у нас на сцене, как равноправный наш современник. И с каждой новой постановкой мы сами, и, разумеется, наши зрители, обретаем в нем советчика и друга; учимся у него и новым глубинам сценического мастерства и познанию новых граней жизни.

Еще в середине шестидесятых годов А. Н. Островский настойчиво добивался создания кружка актеров, который стал бы школой сценического искусства, центром русской артистической мысли и творческих дискуссий,— короче, именно тем, что мы теперь имеем в лице Всероссийского театрального общества. Энтузиастами кружка были еще тогда, при Островском, ведущие актеры Малого: Пров Садовский-первый, Н. Музиль, а позднее — М. Н. Ермолова, Г. Н. Федотова, О. О. Садовская, знаменитая уже «провинциальная» актриса П. А. Стрепетова, М. И. Писарев, Н. Х. Рыбаков и другие...

Страстным пропагандистом драматургии Островского был Пров Михайлович Садовский-первый и другие, носившие эту славную фамилию актеры. Уже на моей памяти в Малом театре был торжественно отпразднован в 1939 году столетний юбилей династии Садовских. С огромным успехом сыграл тогда народный артист Пров Садовский роль Фамусова...

Династия Садовских держала славу Малого театра и в третьем поколении. Наверное, стоит напомнить, что первый Пров Садовский пришел в Малый театр представителем провинциального театра, — той голодной, бродячей актерской братии, которая, смолоду претерпев несказанные мытарства, все же порою добивалась признания... Родоначальник этой династии сначала имел единственного строгого учителя, имя которому — жизнь. Зато уж потом учителями Прова Садовского в Малом стали великие Щепкин и Островский.

Внимание, трудолюбие и, конечно, великие природные способности делали всех Садовских любимцами зрителей. По стопам Садовских шла и вся та лучшая часть артистических сил Малого театра, которая стремилась к вдохновенной правде воплощения, высокому реализму на сцене. Последователями и продолжателями Садовских стали Шумский, Самарин, Ленский — наши замечательные предшественники. Они уже были наставниками многих здравствующих и поныне мастеров Малого.

Высокоодаренная натура, артист, как говорится, божьей милостью, Александр Павлович Ленский был человеком высоких нравственных принципов, художником огромного творческого диапазона. Блистательный исполнитель разнообразнейшего репертуара, он весь свой талант и все дарование отдавал театру и школе, выступая и как актер и как педагог. Он был виднейшим русским артистом, к примеру, великолепным исполнителем роли Отелло, а кроме того, и **настоящим** первым режиссером Малого театра, отлично понимающим режиссерские задачи как задачи прежде всего созидательные, идеологические... В своей режиссуре он всегда доискивался до глубин замысла драматурга, добиваясь в каждой постановке остроты идейного звучания.

Осуждая праздность, распущенность, как порождения буржуазного строя, Ленский своими спектаклями смело прокладывал в театре дорогу для пропаганды идей свободы и равенства... Любимая ученица А. П. Ленского Вера Николаевна Пашенная часто о нем рассказывала... В годы учения в школе Малого театра она многое восприняла от Ленского; он был ее непосредственным педагогом и особенно высоко ценил в ней способность к крупным жизненным обобщениям, умение проникать в социальный смысл образов.

Я сам во многих пьесах играл вместе с Пашенной. И именно поэтому мог наблюдать за ее работой, где «игра» и вся сценическая манера актрисы были мне особенно интересны. Да и все мы с волнением наблюдали удивительную способность Пашенной зримо проживать на сцене жизнь своих героинь, со всеми их чувствами и стремлениями, глубоко и точно понимаемыми ею «изнутри». На редкость сильно и ярко сказывалось это в классических работах актрисы, прежде всего в исполнении роли Любови Яровой.

Малый театр, В. Н. Пашенная, все ее товарищи по спектаклю, ставшему этапным, были в стране первыми, кто сумел вложить огромную силу душевного признания и любви к героям Революции, показать их во всем непридуманном человеческом великолепии.

Именно в этом плане становились особенно ценными и многие другие свершения и сценические открытия наших мастеров, обращенные к образам молодой советской драматургии.

Вслед за пьесами Тренева пришли в Малый театр новые произведения о советской жизни, советских людях, все увереннее стал завоевывать свое место на сцене образ современника. И как, скажем, для той же В. Н. Пашенной было счастьем прикоснуться к подлинно коммунистическому идеалу советских ее героинь, так и все мы радовались столь же искренне, встречая героев, утверждению которых театр с любовью отдавал свои лучшие творческие силы. Тут наш опыт, поистине бесценный опыт Малого театра,— об этом в день столь большого юбилея сказать можно без ложной скромности — вновь как нельзя лучше пригодился сцене, молодому советскому сценическому искусству. Уже многие и многие театры страны шли по пути социалистического реализма; гремел МХАТ, новую молодую славу обретала старая — почти такая же старая, как Малый театр,— Александринка, где я начинал свой путь актера.

Учился я в школе, существовавшей при этом театре (теперь это известнейший в мире Академический театр имени Пушкина в Ленинграде). И будучи совсем еще юным студентом, постоянно слышал от своего учителя Юрьева имена знаменитых актеров Малого — Щепкина, Садовских, Ленского, Ермоловой...

Впрочем, они были всеобщим нашим достоянием! Мы их боготворили, поклонялись им... О них говорили повсюду, о них много писали... И, конечно, было почти невероятным событием, если кто-то вдруг говорил: я их видел!.. Хочу сказать, что такое счастье неожиданно выпало в юности и на мою долю. Когда в Москве праздновался юбилей Марии Николаевны Ермоловой, отмечавшей 50-летие своего служения театру, неожиданно для себя я тоже был удостоен несказанной чести — быть среди посланцев театрального Петрограда, отправлявшихся в столицу с делегацией — приветствовать первую народную артистку республики.

Никогда не забуду того дня, всех волнующих его мгновений. Это был подлинный праздник. В нем объединилось и зрелое, накопившее огромные силы русское искусство сцены и молодое советское театральное искусство, мощно утверждавшее себя под знаком служения Родине и революции... Подобного праздника — по силе впечатления — я до того дня никогда не знал, не видел... Вот и сейчас, через много лет, эти воспоминания чрезвычайно живо воскрешают чувство восторга, пережитого нами, когда на сцене во всем величии достоинства и гордого мужества своей героини, Марии Стюарт, появилась Ермолова — живое воплощение страдания и любви...

Среди моих самых дорогих реликвий я бережно храню портрет Марии Николаевны с надписью: «2 мая 1920 года»,— это был день после юбилейного спектакля, когда я пришел с визитом в дом на Тверском бульваре; теперь там находится музей Ермоловой... Как же я был потрясен возможностью прикоснуться к руке великой актрисы, услышать уже не со сцены, а совсем рядом голос Марии Николаевны, слова обращенного ко мне привета,— выразить все это невозможно!.. Я уезжал из Москвы с сердцем, переполненным радостью и гордостью, с мечтой — увы, не сбывшейся — хоть когда-нибудь оказаться на сцене подле этой великой волшебницы русского театра.

С тех пор прошли годы. Я уже был москвичом и довольно опытным артистом, когда неожиданно для себя получил приглашение от Прова Михайловича Садовского на роль Чацкого в Малый театр. И вот наступил еще один, незабываемый для меня день; я вышел из-за кулис на ту самую сцену, где в дни моей мечтательной юности впервые увидел великую Ермолову в ореоле ее славы.

Радость, счастье и страх испытал я тогда, священный страх... Ведь и мне отныне предстояло продолжать на этой сцене дело, начатое Ленским, Шумским, Самариным, Южиным, Садовскими — всеми, кто принял эстафету от самого Щепкина...

Впрочем, сомнений не было у меня даже и тогда... Было только огромное, неодолимое желание не уронить, сберечь дорогое каждому русскому человеку звание артиста Малого театра. С тех пор и навсегда верность «Дому Щепкина», его традициям стала целью и смыслом моей собственной жизни.

В памяти живы встречи со всеми великими талантами Малого, утверждавшими на сцене реалистическое искусство... Остужев, Массалитинова, Яблочкина, Турчанинова, Рыжова, Гоголева, Климов, Степан Кузнецов, Сашин-Никольский, Зражевский, Владиславский, Ильинский, Жаров, Светловидов, Зубов, Шатрова... Всех не назовешь... Артисты — живые люди, их смена на сцене — увы! — идет по непреложным законам самой жизни. Идет день за днем, не останавливаясь, принося театру и зрителям молодое, новое...

И Малый все так же радостно, светло продолжает вбирать это новое, молодое... Побеждает же в этой бесконечной смене только то, что исполнено великого смысла и отвечает самому главному завету искусства: служить родному народу, думать о нем, быть ему верными, выражать его цели и стремления, помогая строить и воплощать в жизнь коммунистические идеалы.

Мы стремимся к этому! И мы счастливы, когда во время спектакля видим перед собою со сцены взволнованный, радостный зрительный зал, живущий с нами одной жизнью, дышащий единым дыханием.

МОСКВА — ТРИАНГЛПАРК

Успешно развивается многогранное советско-американское сотрудничество. В частности, советские и американские специалисты ведут совместные исследования по проблеме «Гигиена окружающей среды».

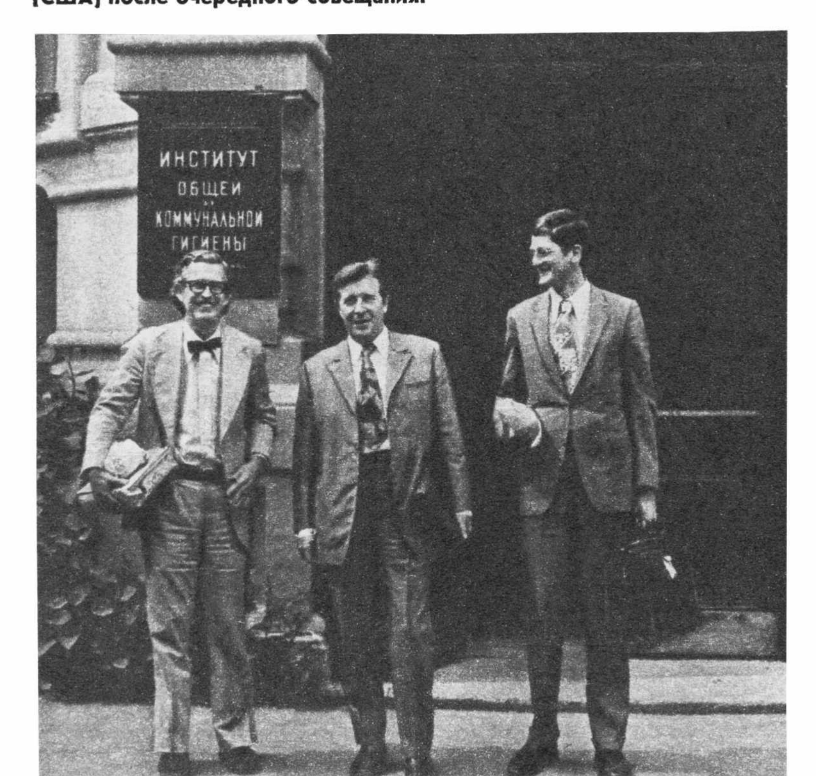
Выросший на берегу Каспия город Шевченко нуждался в питьевой воде с самого рождения: в море можно было лишь купаться, а за спиной города на сотни километров вглубь простиралась пустыня. Возить воду танкерами? Это годилось как временная мера, не более. Бурить артезианские скважины? Пробовали: подземная вода, как и морская, оказалась перенасыщенной солями. И потому город вместе с первыми кварталами жилых домов начал строить опреснительные установки.

Но и опреснители решали только часть проблемы: дистиллированная вода для питья малопригодна. И не в том лишь дело, что она безвкусная, это бы еще полбеды. Питьевая вода должна содержать определенный набор солей и микроэлементов, в которых нуждается организм человека. Казалось бы, чего проще: взять и смешать разные воды? Но трубы не выдерживали перепадов концентрации солей, ржавели, разрушались, вода портила белье, посуду и, главное, угрожала здоровью. Необходимо было найти оптимальное совмещение двух источников воды. Решить задачу могли только врачи. Ее поручили лаборатории опресненных вод Института общей и коммунальной гигиены имени А. Н. Сысина Академии медицинских наук СССР.

В институте учли, что Шевченко — первый, но далеко не последний город, где может понадобиться морская (или океанская) вода. Поэтому разумно было, решая конкретную задачу дня, одновременно позаботиться и о будущем, к тому же вовсе не столь отдаленном. (Кстати, забегая вперед, отметим, что в программу советско-американских разработок включена проблема опреснения при строительстве новых городов в сложных климатических условиях, в том числе в пустыне и на Крайнем Севере.) Сотрудники лаборатории под руководством молодого кандидата наук Юрия Рахманина, начав поиск оптимальных режимов водоснабжения города на Каспии, принялись исследовать и другие способы опреснения воды.

А заодно и очистки. Коль скоро полностью избавиться от загрязнений воды и воздуха отходами промышленности невозможно, то, значит, надо точно знать, в каких пределах они безвредны для среды обитания и здоровья человека. Определив нормы, можно требовать их соблюдения от промышленности. Именно такой реалистический подход всегда отличал советскую гигиеническую науку. И потому же, особенно если учесть степень загрязнения североамериканского континента, в совместных разработках с советскими специалистами оказались заинтересованы их заокеанские коллеги.

Слева направо: профессор Д. Ролл (США), директор института имени А. Н. Сысина профессор Г. Сидоренко (СССР) и доктор Ф. Шамбра (США) после очередного совещания.

Дело в том, что задача у врачей общая — добиться, чтобы воздух, которым дышит человек, и вода, которую он пьет, были чистыми, вкусными и абсолютно безвредными. Задача-то едина — подходы к ее решению были разными. Прежде американские гигиенисты стремились определить биологическое влияние на организм среды в целом. Но она уже загрязнена. Как же вычленить в общем загрязнении отдельные факторы, как понять, что конкретно, какие химические (и прочие) компоненты и в какой мере наносят вред здоровью? Путь для этого один — последовательно, одно за другим оценивать влияние каждого вещества, по отдельности и в комплексе.

Научные концепции о предельно допустимых концентрациях — ПДК — вредных веществ в окружающей среде и научное обоснование гигиенических нормативов, ставших затем основой санитарного законодательства, были разработаны в нашей стране еще в сороковые годы.

Каждый норматив — итог длительных исследований. Вначале на животных: задача эксперимента — определить такие концентрации вещества в воде или воздухе, которые не оказывали бы никакого вредного действия на мозг, почки, кровь, железы внутренней секреции и другие органы и системы организма. А затем, определив порог действия, врачи устанавливают ПДК еще ниже — на вообще не действующих уровнях. Потому что добавки вредных веществ, попавших в воду или в воздух, не должны оказывать не только прямого, но даже косвенного влияния на организм, не менять запаха вдыхаемого воздуха, цвета и вкуса питьевой воды.

Огромную работу провели врачи за прошедшие годы. Первые санитарные нормативы в ранг закона были возведены вскоре после войны. А сегодня в список узаконенных ПДК включено около 140 веществ, выбрасываемых в воздух (плюс 25 при комбинированном действии), и более 420 поступающих в водоемы. Ничего подобного не знает гигиеническая практика других стран. Достаточно сказать, что в США утверждены нормативы лишь для 6 соединений, поступающих в атмосферу.

— В начале зимы прошлого года делегация советских гигиенистов провела в США две недели,— сказала нам профессор Е. И. Кореневская.— Интерес к нашей работе был повсеместным. Вот один пример: на специальном симпозиуме в научном центре Трианглпарке меня попросили сделать доклад о системе советских мероприятий по охране окружающей среды. Готовясь к поездке, я такого доклада делать не предполагала, но пришлось уступить настоятельным просьбам хозяев.

В нынешних совместных исследованиях заинтересованы не только обе стороны, но, надо думать, и гигиенисты других стран. Прежде всего потому, что сегодня определение каждой ПДК занимает уйму времени, а в промышленности, что ни год, появляются сотни новых химических (и прочих) соединений. Значит, помочь могут лишь методики ускоренной оценки их опасности.

Например, токсическое действие любого химического соединения вначале обязательно проверяется в эксперименте на животных. Отменять этот этап определения ПДК никто не собирается. Но в какой мере данные, полученные на животных, можно переносить на человека? Если бы удалось выявить общие закономерности, облеченные в строгие математические формулы, то они существенно ускорили бы получение каждой новой ПДК.

Другая задача. Понятно, что влияние того или иного загрязнителя зависит от его дозы — концентрации в воде или в воздухе,— времени и характера воздействия на организм. Зависимость-то есть, но какая? Можно ли выразить ее количественно, с помощью математического аппарата? Очевидно, можно, но именно это и требуется доказать.

Объединение опыта и усилий — залог быстрого продвижения к цели. Скажем, влияние одного и того же вещества проверяют в советских и американских лабораториях на разных животных или на одних и тех же животных, но влияние разных соединений. Или в одной лаборатории животное дышит загрязненным воздухом все двадцать четыре часа в сутки, а в другой — в пределах четырех — восьми часов, но соответственно более «грязным».

— Эти и многие другие исследования,— сказала в заключение Евгения Ивановна, — объединили специалистов разных институтов. В нашей стране эту работу возглавляет, как головной, Институт общей и коммунальной гигиены имени А. Н. Сысина Академии медицинских наук СССР, в США — Национальный институт гигиены окружающей среды, расположенный в научном центре Трианглпарк, штат Северная Каролина. Результаты экспериментов регулярно публикуются в научных журналах обеих стран, их авторы обсуждают итоги и дальнейшие планы в очных встречах — на симпозиумах и конференциях. Первые такие взаимные визиты в прошлом году оказались, по признанию обеих сторон, весьма полезными...

Один из частых и заинтересованных гостей Советского Союза — директор Национального института гигиены окружающей среды профессор Дэвид Ролл. Мы позвонили ему в Трианглпарк и попросили оценить предварительные итоги совместной работы за прошедшие два года.

— За время, прошедшее с момента подписания советско-американского соглашения о сотрудничестве в области охраны окружающей среды,— сказал Д. Ролл,— создана международная научная основа для осуществления согласованных мероприятий, цель которых — заметное оздоровление окружающей среды и эффективная охрана природы. За последние годы не только специалисты, но и самые широкие круги общественности отчетливо осознали, к каким серьезным последствиям может привести нарушение экологического равновесия на нашей планете. Поэтому объединенные усилия Советского Союза и Соединенных Штатов в борьбе за улучшение взаимоотношений между человеком и природой не могут не радовать. Я и мой коллега профессор Р. Саскинд прекрасно сработались с советскими учеными. В процессе совместных исследований было высказано много интересных идей, сделано немало открытий. Я считаю, что сотрудничество с советскими учеными будет плодотворным и дальше, а совместные поиски в области охраны окружающей среды пойдут на пользу народов Советского Союза и Соединенных Штатов Америки.

В. ДУНАЕВ, М. ХРОМЧЕНКО

В разведку.

«ОГОНЕК» НА БАМе

ПО ТАЕЖНЫМ ТРОПАМ

А. ПОБОЖИЙ,
начальник изыскательской экспедиции института «Мосгипротранс»

Фото В. КУЗНЕЦОВА.

Гилюй разливался на глазах, бурлил, пенился, яростно наскакивал на крутые берега, отгрызая от них огромные куски. Каменистая коса, служившая вертолетной площадкой, таяла быстро.

— Если через час не будет вертолета, сидеть нам здесь, пока не спадет вода: другой площадки нет, вокруг мари,— сказал Александр Алексеевич Побожий.

Но вертолет все же пришел. Командир Константин Жицкий посадил свой «МИ-4» с точностью до сантиметра. Мы улетаем навсегда и прощаемся с лагерем, палатки которого спрятались под кронами сосен. А через несколько дней и вся изыскательская партия, погрузив нехитрые пожитки в вездеход, пойдет на восток, и за ее спиной останется много раз промеренная, просчитанная, отмеченная пикетами ось будущей дороги. И все, что вокруг — река, озеро, болото, мари, — ляжет на карты. Этот участок трассы будет как в тисках: с одной стороны строптивый Гилюй, с другой — болотина. Чтобы обезопасить будущую дорогу, изыскатели приняли решение — реку взять в бетон, поставить подпорную стенку. Дорого будет стоить эта работа, но другого выхода нет! Прежде чем принять такое решение, инженеры-изыскатели перебрали десятки вариантов, и этот оказался все-таки самым экономичным.

Изыскатели... Многим кажется: ну что тут особенного — прошли люди по тайге, выбрали поудобнее маршрут, разместили трассу, и делу конец. Но так, увы, никогда не бывает. И хоть идет изыскатель в тайгу с уже готовым, разработанным в институтах направлением будущей дороги, природа вносит свои суровые коррективы. Первоначальный, «кабинетный», проект строится по топографическим картам и данным аэрофотосъемки, и, шагая по маршруту, изыскатель привязывает трассу к местности, дает строителям точные координаты. А на месте все оказывается гораздо сложнее.

...Мы летим в Тынду, туда, где в тайге работает экспедиция «Мосгипротранса». К концу года изыскатели обязаны сдать строителям рабочие чертежи на 225 километров восточного участка Байкало-Амурской магистрали. О том, как трудно даются первые шаги на этом участке, рассказывает старейший изыскатель на БАМе, начальник экспедиции Александр Алексеевич Побожий, человек, на счету которого тысячи километров железных дорог — в Сибири, Средней Азии, на Дальнем Востоке, в Монголии...

В. КУЗНЕЦОВ

О Байкало-Амурской железнодорожной магистрали уже известно многое. И то, что новая магистраль протянется из Восточной Сибири до берега Тихого океана, что в местах, где она должна пройти, недра хранят железную руду, редкие металлы, золото, асбест, что в Чульмане почти на поверхность выходят мощные пласты коксующихся углей, что несметное количество леса перестаивает здесь и гибнет на корню...

Почему же так долго этот огромный район страны — часть Восточной Сибири, Забайкалья, Амурской области и Хабаровского края — оставался без железной дороги? Почему до сего времени было построено лишь 700 километров этой магистрали от Тайшета до Лены и 450 от Комсомольска-на-Амуре до Советской Гавани? Ответ станет ясен, если взглянуть на карту.

На пути строителей стоят Байкальский хребет, скалистые берега северной оконечности Байкала, Северо-Муйский хребет, хребты Каларский, Удокан и Дуссэ-Алинь. Горы и тайгу прорезают Лена, Киренга, Вилюй, Олекма, Зея, Селемджа, Бурея и Амгунь — большие реки, несущие свои воды в Ледовитый и Тихий океаны. Еще нигде в мире не строили железнодорожных магистралей такой протяженности в столь сложных условиях. Даже Транссибирская дорога до Владивостока проложена там, где меньше вечной мерзлоты и мягче климат.

И строительство и изыскания трассы БАМа необычайно трудны. Здесь нет ни дорог, ни троп. Редкие поселки, приютившиеся на берегах рек, разделены сотнями километров тайги: не зря эту грандиозную стройку называют теперь школой мужества.

Сейчас выбрано только направление трассы. Предстоит еще сложное проектирование всех сооружений дороги, ее окончательная прокладка. Работа над проек-

Начальник партии Виктор Иванович Затыкин и молодые специалисты ведут расчет маршрута.

том БАМа разделена между разными коллективами, и нам, институту «Мосгипротранс», досталась средняя часть трассы.

Экспедиция института, закончив в 1973 году изыскания на линии Бам—Тында и передав ее строителям, получила новое задание: проложить трассу от поселка Тындинского в сторону Комсомольска-на-Амуре до пересечения с рекой Норой. На этом почти шестисоткилометровом участке магистраль пересечет множество горных перевалов, бурных рек, подойдет к будущему водохранилищу Зейской ГЭС.

На всем протяжении этой трассы землю на глубину до девяноста метров сковала вечная мерзлота.

...20 марта заместитель начальника экспедиции, в прошлом фронтовик-десантник, Николай Андреевич Перминов повел первый транспорт из Тындинского на восток. Восемь вездеходов, гремя траками, пробивали первую зимнюю дорогу до Кудулинского перевала.

Снежные вершины Станового хребта, сияя белизной, служили маяком каравану. Морозная тайга была неприветлива. Реки промерзли местами до дна, и вода, не найдя выхода, вырывалась на поверхность, образуя мощные наледи. Вездеходы шли где по руслам попутных рек, а где сквозь таежные сугробы. На третьи сутки караван вышел в долину реки Кудули.

В самом ее верховье водители вездеходов заметили свежие следы волчьей стаи. Это было хорошо: волки уходили к перевалу, и пять километров изыскатели шли просто по их следам. Но вот волки, судя по всему, свернули в погоне за дикими оленями. Дальше легчайший и кратчайший путь надо было искать самим. Трудно было даже представить, что придет время — и по этим глухим, первозданным местам будут мчаться составы...

Да, это было самое начало. По следам, проложенным вездеходами, на перевал пробились колонны автомашин с горючим, техникой, снаряжением и продовольствием для изыскательских партий.

Когда все необходимое было доставлено, начался второй бросок — еще дальше, на восток. Его было поручено осуществить опытному начальнику изыскательской партии П. С. Баулину.

В этом рейсе участвовало 12 вездеходов. Петр Степанович безошибочно вел их через водоразделы и скованные льдом реки, по марям, через лесные чащи. Ночевать приходилось в снегу у костров, спали не раздеваясь, чтобы с утра снова двигаться на восток. На этот раз было пробито еще сто километров зимника.

Так изыскателям приходится готовиться — только лишь готовиться — к тому, чтобы начать прокладку трассы для будущей железной дороги. Каждый километр требует труда, риска, а иной раз и отваги.

...Пришла весна. Изыскатели вышли на трассу. 19 апреля в долине реки Гилюй старший инженер партии Я. С. Ананенков и рабочий Борис Можаркин забили первый пикет. Работа нашей экспедиции на Байкало-Амурской магистрали началась. Быть может, потом историки вспомнят эту дату...

Через пять дней стали прокладывать трассу и другие партии. Работали по колено в мокром снегу, к палаткам не раз подходила волчья стая. Словно альпинисты, ползали по скальным косогорам, пикет за пикетом намечая трассу.

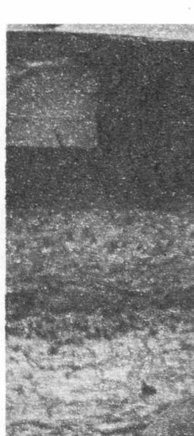
...У нас много пишут о работе геологов. Об изыскателях трасс железных дорог известно меньше. Мало кто знает, что именно изыскатели проводят экономическое исследование с учетом полезных ископаемых, выбирают направление дороги, приближая ее к тем районам, где она больше всего нужна. На пути любой трассы, и особенно Байкало-Амурской магистрали, много препятствий. Как обойти их? Появляется множество вариантов, отстоящих друг от друга нередко на сотню километров. Какой из них выгоднее? Ответа ждут от изыскателей. Решили одну задачу — тут

Гидролог С. Д. Буянов.

Планерка.

же появляется другая. Надо определить, где будут станции, разъезды, поселки железнодорожников, мосты и водопропускные трубы, где заложить карьеры для нужд строительства... Кажется, нет конца проблемам, которые должны решать изыскатели.

Такова она, наша профессия. Сложно? Да. Трудно? Да. Но мы не знаем более увлекательной работы. Мы мечтаем о том, чтобы по нашим следам пошли тяжеловесные поезда с углем, нефтью, лесом. Мечтаем, что и в глухой тайге вырастут города, поселки и заводы, что в комфортабельных вагонах поедут тысячи людей и будут любоваться природой, которая подчас так мучила нас. Называйте, если хотите, нашу мечту романтической, но это реальная мечта.

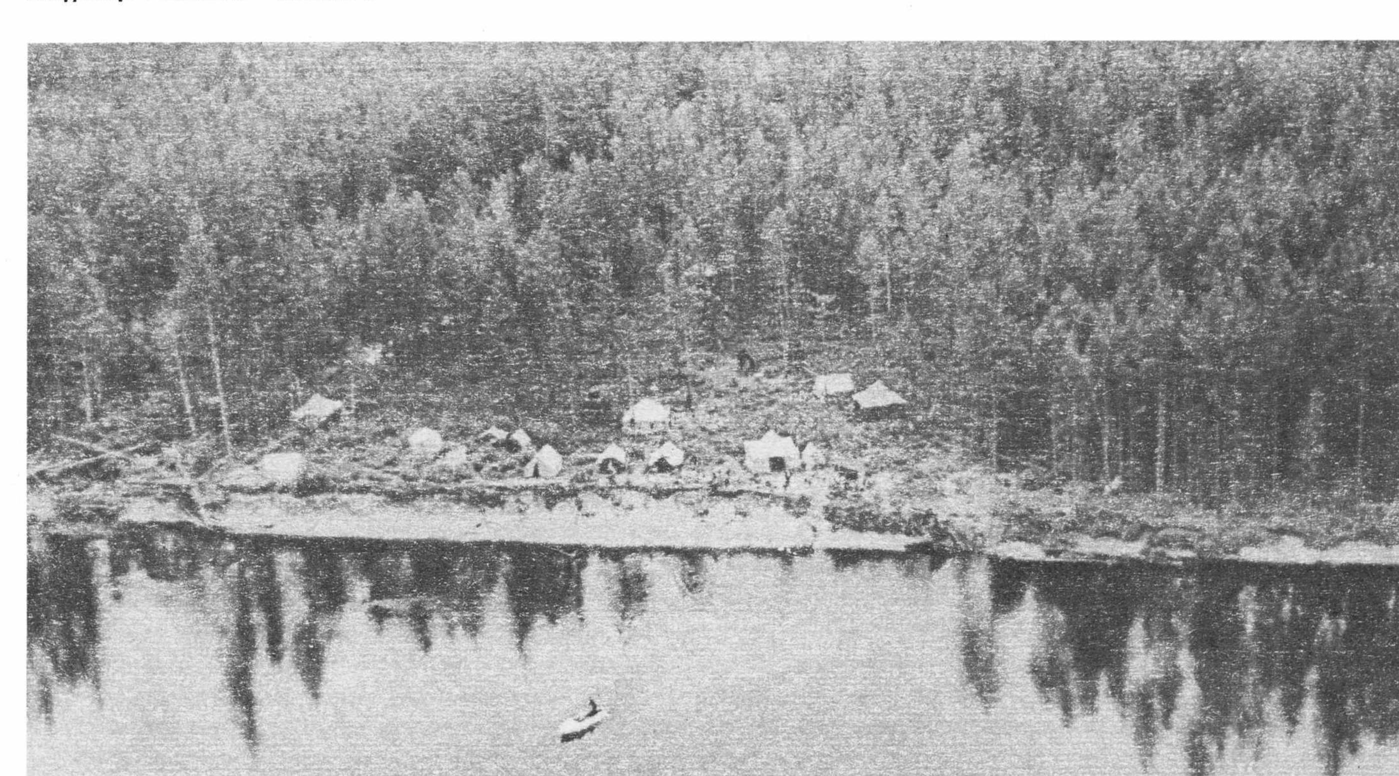
Много лет продлятся работы на трассе Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, а потом нас позовут к себе новые дали — может быть, самые северные районы Дальнего Востока и Якутии, а может быть, и другие...

Лагерь изыскателей.

Инженер Владимир Лейкин.

Владимир Фомченко — изыскатель.

Аалы ТОКОМБАЕВ, народный поэт Киргизии

СИЯНИЕ ЖИВОЙ ВОДЫ

Настоящая поэзия начинается с вершин, как реки и облака. Правда, восхождению на эти вершины предшествуют годы напряженной работы, годы поисков своих путей восхождения.

Таков путь в большую Поэзию одного из ведущих советских поэтов, зачинателя киргизской советской литературы — Аалы Токомбаева. Уже в книге стихов «О Ленине», изданной в 1927 году, Токомбаев наметил свои поэтические пути слияние автобиографического материала с биографией страны. Это книга лирики, очень искренней и очень пафосной. То же самое можно сказать и о книгах «Цветы труда» и «Своими глазами», во многом определивших характер и образ всей киргизской поэзии послеоктябрьского периода.

Для стихов А. Токомбаева характерны напряженность интонаций и достоверная конкретность, идущая от традиций героического эпоса, особенно «Манаса».

Вершиной творчества поэта явился роман в стихах «Перед зарей», который он писал более тридцати лет. Это — сказание о народе, ищущем правду, сказание о людях, обретших свою землю.

Герою Социалистического Труда, народному поэту Киргизии, академику Аалы Токомбаеву 7 ноября исполняется 70 лет. В дореволюционной Киргизии день рождения в документах не отмечался. Поэт сам назвал своим днем рождения 7 ноября. «Я рожден эпохой Октября», — говорит Токомбаев.

Владимир ЦЫБИН

ПОТОМКАМ

Потомки, я прошу у вас на миг вниманья —
Хочу найти в сердцах ответ и пониманье.

Когда вы в Ленинград помчитесь
на «Стреле»,
Не забывайте: вы — на раненой земле.
Мелькают за окном то вдалеке,
то близко —
То в поле, то в лесу простые обелиски.

Здесь был когда-то бой. Здесь каждый
был — солдат.
И каждый — чей-то сын, и каждый —
чей-то брат.

Все были — как один. Винтовки и шинели.
Все били — как один — по грозной
черной цели!

Никто не отступил. Все — братья
по судьбе.
Безмолвная земля их приняла к себе.

Тут остановок нет, тут поезд мчит стрелою.
Но встаньте хоть на миг: кругом лежат
герои.

Каленые штыки. Солдатские сердца.
На этом рубеже стояли до конца.

Они тут навсегда, чтоб мы не забывали
О том, как в те года победу добывали.

Задумайтесь, друзья, над тяжкой их
борьбой.
Задумайтесь потом и над своей судьбой.

Мы вечно быть должны солдатам
благодарны.
За то, что наши дни светлы и лучезарны.

Потомки, вам дарю я этот скромный стих,
Чтоб помнили о нас, чтоб помнили о них.

МАТЬ-ОТЧИЗНА

Слышу: «Отчизна»,— думаю: «Мать»,
Дом начинаю я вспоминать.
Слышу: «Мать», а в душе — Отчизна,
Светлый образ в душе лучится.

Жизнь, любовь, язык — благодать —
Щедро даруют Отчизна и мать.
Сколько бы я ни трудился — мало,
Жизнь за вас я готов отдать.

Сами страдали, а нас растили.
Нет границ доброте и силе...
Вам готов я вечно внимать.
Мать — Отчизна. Отчизна — мать.

ХУДОЖНИКУ

Художник-друг, скажи, откуда
Такая мощь в тебе взялась?
Неостывающее чудо...
Воспламеняющая власть...

Кто зоркость дал тебе и ясность
И кто подвигнул на труды?
О лучезарных красок страстность,
Сияние живой воды!

Напевы сердца разливает
Ликующее мастерство.
Смотрящий не подозревает,
Что стал он пленником его.

Оно захватывает властно,
И видит каждый — неспроста.
И торжествует громогласно
Сквозная солнечность холста!

Она поет, она смеется,
Она — чем дальше, тем сильней,
И ничего не остается,
Как снова устремиться к ней.

О неживое, но живое,
Пронизанное синевою!..
Я этим жаром опален
И, кажется, уже влюблен.

Как тайну эту объясните?
Спросите у ее творца,
Где взял он золотые нити,
Летящие через сердца?

ЭКСПРОМТЫ

1

Мы для полета мысли рождены
И все-таки порой удивлены
Приметами стремительного века:
Лишь трое суток лету до Луны!

2

Премудрым мнить себя готов
Лишь тот, кто знает очень мало.
Постигший знания веков,
Вдруг видит: это — лишь начало.

3

Под солнечным лучом — нет ничего
чудесней! —
Я чувствую себя моложе и сильней.
Жизнь, ты — моя арба, в которой еду
с песней,
А труд — моя камча, и я гоню коней!

Перевел с киргизского Марк ВАТАГИН.

ПАРТИИ КИРГИЗИИ—50 ЛЕТ

ЗОЛОТОЙ СКАКУН

Николай БЫКОВ, фото Дмитрия БАЛЬТЕРМАНЦА,

специальные корреспонденты «Огонька»

Время солнечным крепконогим иноходцем пролетает по земле киргизов. Стук его копыт то взлетает над оснеженными перевалами, то повисает над сумеречными безднами, то сливается с грохотом горных потоков. Скачет иноходец, скачет, будто летит, пластаясь над закрученной тропою. Годы, события, людские жизни, большие и малые, сменяют друг друга. И только горы, великие седые горы Киргизстана недвижны. Горы все видят, все помнят. Само Время, солнечный, крепконогий иноходец, устав от вечного бега, пасется на их зеленых склонах. Память гор — история киргизов, встретивших свой советский золотой юбилей.

Горы, горные дороги, горные реки и долины в горах — вот что такое Киргизия. Потому и главная, впечатляющая жителя равнины встреча на дорогах Киргизии — это встреча с ними, с великими вершинами Ала-Тоо. Потому и дела людские здесь мерят особой меркой — дело должно стать вровень с горной высотой, мысль должна быть сродни полету горной птицы.

Путешествие по Советской Киргизии в канун ее пятидесятилетия было движением от горы к горе. От одного человеческого сердца к другому. И всю дорогу думалось: что же из сегодняшнего, повседневного останется в памяти гор! И кто! Память гор — чьи дела, чьи имена сохранит она!

* * *

Об истории киргизов, о пути, пройденном за последние полвека, о преобразующей силе социалистической революции на древней земле Киргизстана рассказал нам перед дальней дорогой первый секретарь Центрального Комитета КП Киргизии товарищ Турдакун Усубалиев.

— Годы, десятилетия, равные векам... История Киргизии — это история возрождения к новой жизни ранее забитого нуждой, бесправного народа. Победа ленинских интернациональных идей — вот объяснение исторического перелома.

Киргизская пословица гласила: «Где развел костер, там и жилье, где привязал коня, там и пастбище». Таков был жизненный уклад кочевого народа до самого Великого Октября. Юрта, глинобитная мазанка, кошма, казан, примитивное земледелие, поголовная неграмотность, постоянные кочевки — приметы недавнего прошлого. Обратите внимание на дороги, на города и обновленные поселки с оригинальной планировкой и типовыми застройками. Куда бы вы ни заехали — всюду теперь электричество, радио, школы. В республике создана своя промышленность. Ныне Киргизия производит автоматические линии, электронные приборы, металлорежущие станки, сельскохозяйственные машины, товары широкого потребления. Республика занимает первое место в стране по добыче ртути. Киргизская сурьма является эталоном качества на мировом рынке. За годы предыдущей, восьмой пятилетки национальный доход в республике увеличился почти на пятьдесят процентов.

Особое место у нас занимает бурно развивающаяся гидроэнергетика. ГЭС — не только электричество, это еще и водохранилища, резервуары воды для мелиорации. Сейчас уже шестьдесят пять процентов всех посевов мы размещаем на поливных землях. Они дают, если говорить о стоимости продукции, более девяноста процентов дохода! Всего же построено около тридцати тысяч километров оросительных каналов. Я понимаю, цифры могут увлечь, они настолько разительны и красноречивы, что в силе заслонить человека, творца всего сущего на земле.

Так вот, о людях. Киргизы гордятся своим героическим эпосом «Манас». Какие же мощные крылья должны быть у песни о героизме советских людей, наших современников! Еще полвека назад не было киргизов-учителей. До сих пор киргизский народ с уважением произносит имена тех, кто первым принес в его край слова ленинской правды, имена большевиков И. И. Едренкина, А. И. Иваницына, И. С. Меркуна, Н. И. Логвиненко. Киргизы горды тем, что командующим Туркестанским фронтом, героем гражданской войны был их земляк М. В. Фрунзе. Народ не забудет имен первых своих революционеров — большевика Табалды Жукеева, а также тех, кто стоял у истоков новой жизни в Киргизстане,— И. Кабекова, А. Уразбекова, К. Сарыкулакова, Б. Исакеева, Д. Садаева, Х. Джеенбаева. И. Айдарбеков возглавил в октябре 1924 года ревком Киргизской автономной области.

Более трехсот тысяч сынов Киргизстана защищали с оружием в руках Советскую Родину на далеких от родных гор фронтах Великой Отечественной войны. Более семидесяти солдат и офицеров были удостоены звания Героя Советского Союза. В летописи войны увековечено имя Героя Советского Союза Чолпонбая Тулебердиева, повторившего подвиг русского брата Александра Матросова. Среди героев-панфиловцев, закрывших своими телами дорогу к Москве в сорок первом году, были и киргизы, а Дуйшенкулу Шопокову за подвиг в том бою было присвоено звание Героя Советского Союза...

Вот что хранит народная память, память солдат и строителей, учителей и чабанов.

И сейчас киргизы, все трудящиеся республики — а у нас живут русские, украинцы, узбеки, татары и представители других национальностей — учатся, строят, умножают стада коней и овец. Современная Киргизия первой в Средней Азии освоила производство силовой полупроводниковой техники. У нас самый большой в стране электроламповый завод. Вступил в строй самый крупный в Советском Союзе цех электролиза сурьмы, где полностью автоматизированы многие трудоемкие процессы. Строящаяся Токтогульская ГЭС одна даст вдвое больше электроэнергии, чем вырабатывали ее все электростанции дореволюционной России, а ведь это лишь вторая ступень проектируемого каскада. Мы третьи в стране по производству и заготовке шерсти...

Экономическая отсталость Киргизстана с помощью братских советских народов, сестер-республик преодолена в кратчайший исторический срок. А ведь киргизы начинали с нуля!..

Не меньше гордятся киргизы и успехами в области духовного, культурного развития. Тут важнейшей чертой коммунистического строительства является двуединый процесс в развитии национальной культуры — ее сближение с культурами братских народов, их взаимообогащение. Остановлюсь только на взаимоотношениях с русским народом, с его культурой, искусством. Русский язык — мост, переброшенный революцией к безбрежному океану научной, экономической, социально-политической, художественной литературы, к культурным богатствам, созданным человечеством. В конце концов и наш бессмертный эпос «Манас» стал известен миру в русском переводе. Благодаря русскому языку стали популярными во многих странах произведения наших писателей, в том числе и произведения лауреата Ленинской и Государственной премий Ч. Айтматова, переведенные на языки Европы не с киргизского, а с русского языка. Коммунисты Киргизии твердо помнят, что залог успешного развития национальной культуры и искусства — в тесном творческом общении с другими республиками.

На знамени Киргизской ССР — два ордена Ленина и орден Дружбы народов. Эти награды Родины трудящиеся республики рассматривают и как высшую оценку вклада в дело строительства коммунизма и как доверие на будущее. А в будущее нас, киргизов, ведут широкие, прочные, надежные дороги!

ПТИЦА ПУТЕВОДНАЯ, ПЕСНЯ

Поблагодарив товарища Т. Усубалиева за рассказ о республике и за напутствие, мы отправились в путешествие по Киргизии. Стремительно замелькала цифирь спидометра...

В книге Т. Усубалиева «Ленинизм — великий источник дружбы и братства народов» приведена выдержка из предреволюционного энциклопедического словаря «Гранат»: «Киргизы го-

ворят, что некогда над землей летала песня, и в тех местах, где песня летала низко над землей, там люди выучились петь песню. Всего ближе к земле летала песня над киргизскими степями, и благодаря этому киргизы — первые песенники на свете...»

Песня и сегодня — путеводная птица в долинах и горах Киргизии.

Дороги Киргизии пролегли вдоль русел рек, они обычно бегут — стремя в стремя — рядом с бурным потоком. Вслед за ним или навстречу. Мы быстро промчались по залитой солнцем Чуйской долине, мимо Токмака. Свернули в Боамское ущелье, подивились мужеству киргизских женщин, практически вручную построивших здесь одноколейку в годы Великой Отечественной войны... Но вот горы вновь раздвинулись, мы въехали в портовый город Рыбачье — и сразу же ударила по глазам ослепительная лазурь Иссык-Куля. Великое море киргизов!.. Легенда, гордость, сказочная реальность, чудо природы... Всех самых восторженных слов достоин Иссык-Куль. Это и лаборатория и всесоюзная здравница. Озеро поднято в ладонях гор на высоту, превышающую полторы тысячи метров! Воды в нем почти вдвое больше, чем в Аральском море, а по глубине Иссык-Куль уступает лишь Байкалу да озеру Танганьика. Солнце поднимается из глубин Иссык-Куля, и тогда озеро напоминает плавку кипящего золота. А когда под вечер происходит обязательная пересменка ветров улана и санташа, то озеро застывает, и южные горы отражаются в отвердевших водах, и хочется пройти по ним, несморщенным, аки посуху.

Пляжи, грязи, санатории, лечебный бассейн, биостанция Академии наук. Отдых, рыбалка, научный поиск... Мы побывали на фруктовом полюсе Иссык-Куля — на плодово-ягодном участке государственного сортоиспытания и там встретили человека, имя которого, несомненно, сохранит память гор. Федору Федоровичу Ионову за шестьдесят, он на пенсии, но каждый день работает в большом саду. Это энергичный и быстрый на дело человек. Сад — его детище. Была каменная осыпь, казалось бы, мертвая неудобь, — и вот сомкнулся кронами молодой сад. Здесь проходят испытания сорта, созданные селекционерами республики, страны, многих стран мира! Идет соревнование, самозащита, самоутверждение новейших сортов яблонь, груш, алычи, слив, абрикосов, персиков. Например, сорт алычи «кзыл-пионер» списали из-за чрезмерной урожайности — аж ветви трещат осенью под тяжестью сочных плодов!.. Сад этот — осуществленная мечта старейшего в Киргизии мичуринца Федора Федоровича Ионова.

— Когда-то наука здесь бывала наездами,— бросает на ходу стремительный Федор Федорович.— Теперь наука в Киргизии — любимое детище, а скорее всего, коллега, верный товарищ по работе.

До сих пор я знал испытателей кораблей и самолетов, испытателей приборов, а вот Федор Федорович испытывает сорта новых плодоносителей и ягодоносителей! И еще он, сам не зная того, испытывает рядом работающих — на трудолюбие, на верность науке. Одни не выдерживают, другие выходят из зеленого пекла с честью. Высокогорный сад на камнях — это же так непросто...

МАМА ТААЛАЙБЮБЮ

Двумя днями позже, когда мы перевалили за перевал Долон и спустились на высоту три тысячи метров, нам открылось еще одно озеро — Сон-кёль. Озеро как бы приподнято над зеленой равниной просторнейших альпийских пастбищ. После снежной пурги Долона через несколько часов пути по ранней зиме мы увидели вдруг два солнца золотого Сон-кёля, одно повисло над гладью воды, второе всплывало из ее лиловых глубин. Черные журавли заходили на посадку. Пахло дымом и близким жильем. Взлаивали где-то собаки, собиравшие овец на ночевку. Одолев на городской «Волге» более шестидесяти километров бездорожья по южной полуподкове Сон-кёля, мы оказались в культурном центре Кочкорского района — это западный берег озера.

Десять палаток (библиотека, медпункт, общежития), юрта-магазин, автоветлечебница, автолавка, автобус для артистов, юрта-гостиница... Песни из радиодинамика, оживление на «улице», детский смех и плач. На Сон-кёле и в его окрестностях пасут овец и лошадей хозяйства четырех районов. Подобные центры создаются для медицинского и культурного обслуживания чабанов, табунщиков и членов их семей. Люди древнейших профессий теперь не так уж и оторваны от мира: с ними обязательные транзисторные радиоприемники, а рядом «оседлый» культурный центр с библиотекой, магазином и аптекой. Такие центры — как бы аккумуляторы человеческого тепла. Чабан нет-нет да и спустится к берегу озера, к друзьям и знакомым, к книгам и свежим газетам. Попьет он в тесном кругу кумыса, послушает песни в исполнении труппы Кочкорского народного театра — и снова скачет по долгим зеленым склонам, где его ждут не дождутся верные сторожевые псы и равнодушные барашки.

Ночь в богатой орнаментами, коврами и подушками юрте-гостинице прошла за расспросами, рассказами, разговорами. Душа собравшейся компании — симпатичная и веселая Таалайбюбю Качкинчиева. Она успевала и самовар поставить, и кумыс предложить, и рассказать о числе отар, о новинках медицины, о событиях на отгонных пастбищах. Таалайбюбю... Летала песня над землей! Покачивались язычки пламени в стеклянных минаретах керосиновых ламп, сплетались и расплетались тени слушающих и хохочущих постояльцев гостиницы. Тут и председатель Совета джайлоо, и заведующий отделом культуры райисполкома, и инструктор Нарынского облисполкома, и главный ветврач области, и наш гид, выносливый Билим Карагулов, и табунщики, пригнавшие кобыл на вечернюю дойку. Как давно они знают гостеприимную мудрую Таалайбюбю, а слушают ее рассказ будто впервой.

Она коммунистка, член райкома партии. Таалайбюбю по профессии — акушерка. За четверть века приняла не менее двух с половиной тысяч новорожденных. Сотни мальчиков и девочек называют Таалайбюбю мамой — так учат молодые родители, которым помогла однажды в горах смелая, сильная Таалайбюбю. У нее самой шестеро. Я записал всех, потому что только перечисление имен и достоинств детей в устах Таалайбюбю звучало, как песня! Старшего сына назвали Бакытбек, что значит — крепкое счастье. Со Счастья и началось. Бакытбек на пятом курсе педагогического института в Пржевальске. Потом родилась дочь Светлана. Она студентка третьего курса 2-го Московского медицинского института. Мать вздохнула украдкой — в Болгарии дочка, на семинаре секретарей вузовских комсомольских организаций, потому и не приехала на каникулы к берегам Сон-кёля; значит, еще ждать зиму.

— Биохимиком будет...

Дочь Айнура учится во Фрунзе в Киргизском государственном университете, она станет биологом. Светлана поманила. И только Рахатбек нарушил традицию. Этот непоседа и певун рискнул поехать в художественное училище — столичное! И его приняли, и он остался там учиться искусству одарять людей песней и танцем. А сейчас где-то ездит по стойбищам с песнями — это его студенческая практика.

— Упрямый, в письмах пишет, что поедет в Московскую консерваторию. И в кого он только уродился?..

А еще есть Самарбек, и вот шестая — Айгуль, тонкий лунный цветок рядом растет. Глаза быстрые, норовят все увидеть и запомнить. И эти двое, наверное, уедут...

Таалайбюбю потом рассказала и о муже, о главном враче участковой больницы Келдибеке Саадаеве. Келдибек очень хотел учиться, но пошли дети — один за другим, и он не решился уехать. И все же после черноглазой Айгуль жена его отпустила во Фрунзе.

— Я тогда кормила шестерых детей и одного студента,— смеется Таалайбюбю.— Завтра его увидите, он вернется от дальних чабанов...

Они, конечно, счастливы. Имя «Таалайбюбю» и означает что-то вроде «радости» или «долгожданной удачи». Так говорил еще отец своей маленькой смышленой Таалайбюбю.

— Отец меня назвал так в день вступления в колхоз — в тридцать первом году. Он был бедняк, один из организаторов колхоза. Ему трудно было. Отец ездил в Москву, и сам Калинин дал ему первый трактор и первый грузовик для колхоза. Отец был потом председателем, а умер в годы войны — сердце не выдержало тяжести горя и забот... Его люди помнят.

И Таалайбюбю будут помнить все, кто слушает ее по вечерам в большой праздничной юрте на Сон-кёле, все молодые женщины, родившие первенцев в горах, и ребятишки, которые, подрастая, зовут ее мамой.

Таалайбюбю награждена орденом Октябрьской Революции и орденом «Знак Почета», а также многими медалями, в том числе и «Медалью материнства».

Хозяйка вынесла семилинейные лампы из юрты, и мы погрузились в темень и тишину. За округлой войлочной стеной гостиницы шумно вздыхали лошади. В дымоход заглядывали звезды, не по-городскому крупные и яркие, очень близкие. Они покачивались, как августовские яблоки, в такт тихо поющему ветру гор: «Таа-лай-бю-бю»...

А утром мы снова увидели два солнца Сон-кёля. Одно всплывало над водой, обгоняя цепочку черных журавлей, а второе стремительно погружалось в холодные воды. Табуны убегали, стуча по замерзшей белой траве, в горы. И мы поспешили в дорогу. Золотой скакун — Время, он торопил: нас ожидал Кара-Куль, поселок строителей Токтогульской ГЭС.

СКОЛЬКО ИХ, ФЕРГАНСКИХ ДОЛИН!

Всесоюзная ударная комсомольская стройка... Пишут о строителях уникальной высокогорной ГЭС много и охотно. «Впервые в мировой практике»— то и дело слышишь в Кара-Куле.

Мы обогнули на машине Кетмень-Тюбинскую долину, сделав петлю километров сто,— эти гектары, золотящиеся пока стеблями кукурузы, уйдут под воду. Токтогульское водохранилище будет хранить девятнадцать миллиардов кубов воды — цифра астрономическая! Уже в нынешнем году намечалось собрать достаточно паводковой и нарынской воды, чтобы дать первые обороты первым агрегатам станции. Как намечали, так и сделали, но... воду снова спустили вниз по течению, в бассейн реки Сырдарьи, которая обеспечивает тысячи поливных гектаров хлопковых и рисовых плантаций соседних Узбекистана и Казахстана. «План не догма»,— объясняет начальник «Нарынгидроэнергостроя» Зосима Львович Серый. Надо,— значит, надо. Я так его понимаю: коллектив строителей двенадцать лет мечтал об этом — пустить агрегаты в день 50-летия Киргизской ССР! Но ледники и снежные вершины иссякли еще в прошлое знойное лето, а нынешнее лето в Узбекистане и на юге Казахстана выдалось таким сухим, а паводковых вод в верховьях киргизского Нарына было так ничтожно мало, что под угрозой оказался урожай хлопка и риса четвертого года пятилетки. Слетелись в Киргизию союзные министры, представители правительств и специалисты соседних республик, судили-рядили и пришли к единственно разумному в данной ситуации варианту: взорвать закрытые на века водоотводящие тоннели и дать воду братьям, узбекам и казахам! Стоимость спасенного урожая хлопка-сырца и риса почти

Бригадир монтажников Борис Кацефан. Перекрыл таежный Енисей, теперь покоряет высокогорный Нарын...

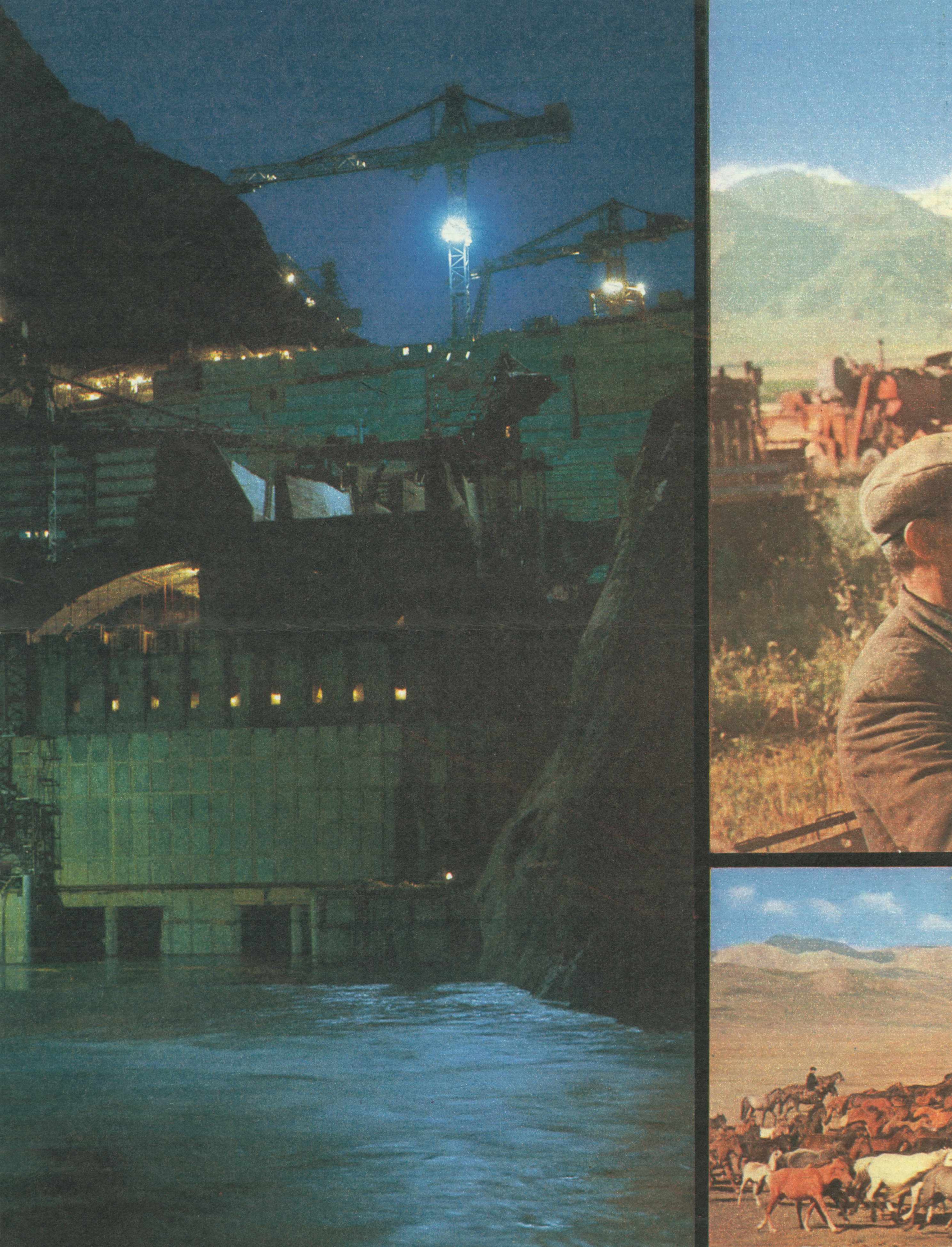
На развороте вкладки: бетонная узда строптивому Нарыну.

Хорош юбилейный урожай в колхозе имени Жданова, Кочкорского района. Абдыкаим Кангельдиев (справа) — лучший колхозный комбайнер.

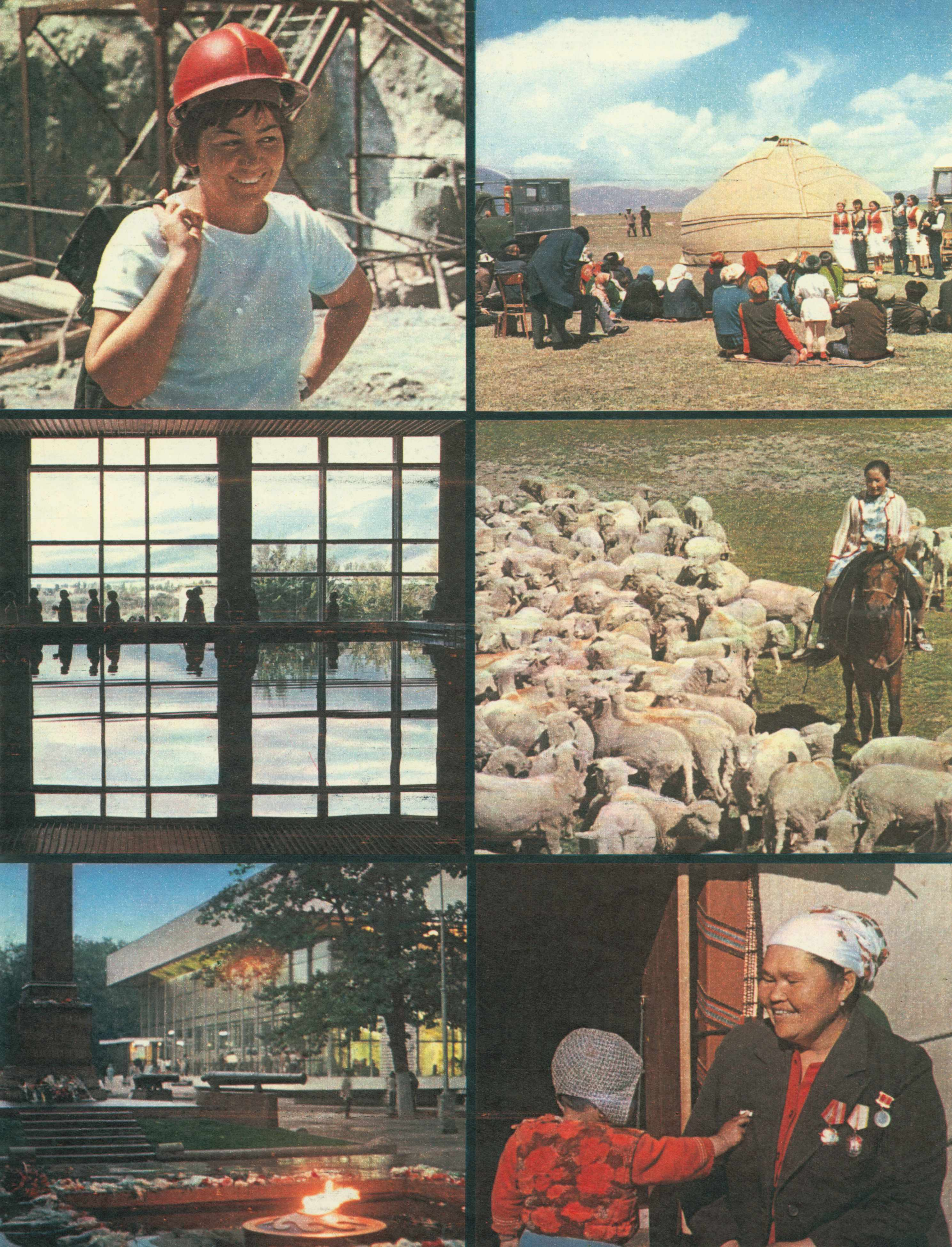
Горячим вихрем проносятся по берегам Сон-кёля табуны лошадей новокиргизской породы.

I II III IV V

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 1 2 3 4 5 6 7 8 9 20

втрое превышает стоимость строительства гидроэлектростанции. Игра стоит свеч!

Горы живут, работают, рассказывают.

Аил, в котором родился великий акын и первый революционный демократ Киргизстана Токтогул Сатылганов, мы видели, но жителей уже не застали. Люди переехали в новый белокаменный красавец город Токтогул, выстроенный в шестидесяти километрах от гидроузла. Видел ли закованный в кандалы акын наш день? Верю, что видел — и там, в Сибири, и на долгих дорогах страданий и борьбы. И все-таки он не мог знать, что будут, будут на земле и Токтогульское море и такой вот город его имени.

Узок и страшен каньон в створе гидроузла. Полторы тысячи метров... Тысячелетняя работа строптивого Нарына. Прежде чем пустить людей на место строительства будущей плотины и здания ГЭС с его начинкой, пришлось героям стройки обрушить, взорвать, спустить со стен ущелья десять миллионов кубометров камней! 10 000 000... И по сегодня высоченные, хотя и не столь уж мрачные стены ущелья словно в паутине камнеловушек. Их ставили, крепили люди новых профессий: скалолазы-монтажники, скалолазы-плотники, скалолазы-инженеры...

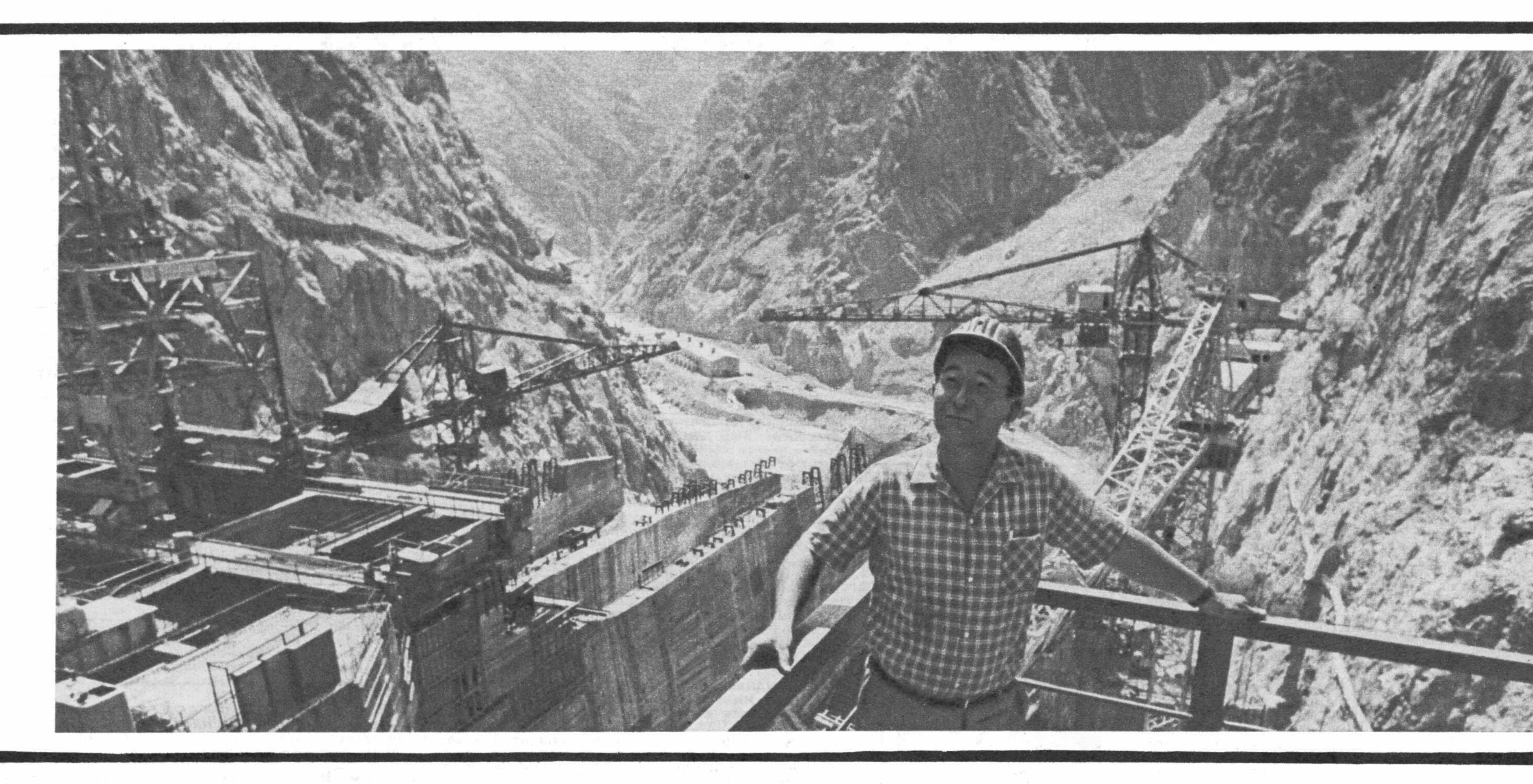
Бетонная плотина поднимется на 215 метров.

«Осталось положить семьдесят один метр бетона»,— сказал нам прославленный бригадир комплексной бригады Сеяр Феттаев. Бригада еще в июле выполнила свою пятилетку.

Сеяр рассказывал, что токтогульцы укладывают бетон по собственному методу, которым они по праву гордятся: «Впервые в Советском Союзе!» Один из авторов предложения — главный инженер стройки Леонид Азарьевич Толкачев. «Без пяти минут доктор!» — сказал Сеяр о главном инженере. Суть метода? Бетонную смесь подают на автосамосвальных тележках собственной конструкции без применения кранов и эстакад. Причем бетоновозы идут по только что уложенному бетону. Он постоянно охлаждается водой, а над всей бетонируемой поверхностью обязателен шатер... Плотина растит сама себя. И все выше и выше, метр за метром, уминая бетон под себя, поднимаются комсомольцы из бригады Сеяра Феттаева.

А когда ирригационно-энергетический узел будет действовать, страна получит столько дополнительного хлопка, что создастся впечатление, будто у нас не одна, а две Ферганских долины. Электроэнергия, текущая по ЛЭП-500, плюс еще одна Ферганская долина! Вот что такое новый Токтогул, город имени поэта.

С горных вершин мы спускались в долины — из царства снегов в зеленый мир, где стояла в те дни тридцатишестиградусная жара. Но сначала проскочили вслед за отарами овец двухкилометровый тоннель на перевале Тюзашу (3 585 метров), потом был затяжной спуск по гигантскому серпантину в семьдесят семь петель... И наконец, снова удивительный, единственный в своем роде город Фрунзе! Город-парк, наполненный песнями сотен холодных арыков.

Сеяр Феттаев — это его бригада уже выполнила свою пятилетку.

Хронометрист Римма Рахимова: «Романтика — движущая сила моего поколения, она нам строить, и учиться, и жить помогает».

Лечебный бассейн санатория «Голубой Иссык-Куль».

Один из уголков неповторимо прекрасного города Фрунзе.

Настоящие «кочевники», эти веселые артисты из Кочкорского народного театра!..

Юная Гульджамал Абасканова — чабан комсомольского призыва. Вместе с отцом, своим подручным, Гульджамал пасет отару ак-талинского колхоза «Коммунизм».

Вот она, гостеприимная и мудрая Таалайбюбю Качкинчиева, кавалер ордена Октябрьской Революции.

* * *

...Время — золотой скакун. А теперь уже началась бешеная скачка впечатлений. Одна картина сменяла другую: сырты Ак-Сая, через камни скакал молодой, невзнузданный Нарын в верховьях, тонул в тени прибрежных деревьев Кёкёмерен, звала остаться навсегда роскошная долина Чичкана... И люди, люди, встречи, завязавшиеся знакомства, пиалы кумыса, плывущие из рук в руки. И табуны крепконогих, крепкоспинных диковатых лошадей новокиргизской породы. Огненно-гнедой вихрь!

Киргизстан, страна свободных киргизов... Лети, далеко лети, золотой скакун!

РАССКАЗЫВАЮТ В НАРОДЕ

Чингиз АЙТМАТОВ,
народный писатель Киргизии,
лауреат Ленинской премии

Можно представить себе, какая скучная память оставалась бы от минувших времен и поколений, не будь на свете легенд. Предельно лаконичные по форме, они заключают в себе заповеди и наставления, необыкновенные приключения, трагедии и комедии.

Люди любят и охотно слушают живые предания старины. В легендах — быль и небылицы прошлого, географические и исторические комментарии к местным достопримечательностям; в легендах — философия и фантастика, поэтика и символы своего времени.

Легенда — это к тому же национальная мечта народа, его опознавательный знак.

Здесь представлено несколько киргизских легенд, но и при этом, я думаю, читатель сможет составить представление о характере и духе киргизских преданий.

Об охотнике Камбаре и комузе

Охотник Камбар — легендарный основоположник киргизской музыки. Легенду о нем рассказывал Мураталы Куренкеев — выдающийся мастер народной музыки.

Жил в киргизских горах охотник по имени Камбар. Смелый и храбрый это был человек. На охоте приходилось ему встречаться даже с барсом. Но он выходил победителем из любого поединка.

Много дорог прошел Камбар, самые глухие тропки были ему известны. А еще знал он повадки звериные, по голосам умел различать птиц и животных.

Ни одной птицы не убил Камбар. Любил он подолгу слушать, как они поют, и среди тысяч голосов умел отличать одну птицу от другой.

Однажды, пробираясь сквозь густые лесные заросли, Камбар неожиданно услышал тонкий звук, которого ему не приходилось прежде слышать. Оглянулся охотник и ничего не заметил. Он обошел все вокруг, но с какой бы стороны ни подходил, слышал все тот же непонятный звук. Камбару показалось, что поет неизвестная ему птица. Звук то замирал, то возникал вновь и каждый раз повторялся мелодичными переливами.

Решил Камбар вспугнуть ту птицу и резко свистнул. Но звук не затих. Тогда Камбар пронзительно закричал — так, как обычно кричат охотники, преследуя зверя. Но бесстрашная птица не испугалась громкого голоса и продолжала петь.

А тут подул ветерок. Вздрогнули ветки деревьев, зашелестели листья, и мелодия полилась такая красивая, какую никогда в жизни Камбару не приходилось слышать.

Тогда он решил влезть на дерево: может быть, оттуда удастся увидеть чудесного певца?

Скинул Камбар с себя одежду и полез наверх. Добрался он до самой вершины и снова ничего не увидел. Лишь по-прежнему в ушах его звенела удивительная мелодия.

И вдруг он заметил тонкую нить, протянутую между двумя деревьями. Ветерок раскачивал ее, она вздрагивала, натягивалась и при этом звенела, издавая чудесные звуки.

Еще больше удивился Камбар. Он внимательно рассмотрел поющую нить и заметил, что это была длинная высохшая жилка. Вероятно, белка или какой-нибудь другой зверек неудачно прыгнул, наскочил на острый сук, распорол себе брюшко, и тонкая кишка протянулась от одного сучка к другому.

Снял Камбар эту необыкновенную находку, старательно смотал ее и отправился домой.

Вечером Камбар решил испытать свою находку. Протянул он ее через всю юрту. Но сколько ни натягивал, мелодии не получалось.

Тогда Камбар вернулся в лес и срубил то дерево, с которого снял эту тонкую нить. Смастерил Камбар из того дерева комуз и в три ряда укрепил на нем найденную жильную нить.

Провел Камбар пальцем по первому ряду, и зазвучала мелодия. Провел по второму ряду, и показалось ему, что звук стал мягче. Провел Камбар пальцем в третий раз, и красивее прежнего полились звуки. Тронул он сразу три ряда, и словно услышал журчание ручейка. Еще раз провел по струнам, и горное эхо отозвалось.

Долго играл Камбар на комузе, что смастерил своими руками, долго водил пальцами по жильным струнам. И чем больше играл, тем больше людей слушало его музыку.

Много с тех пор лет прошло. А комуз все поет и поет. И ту мелодию тоже не забыли. Камбарканом зовут ее теперь. В знак уважения к первому киргизскому музыканту.

Таш-Рабат

В 80 километрах от селения Ат-Баши и в 18 километрах от Торугартского тракта в живописном ущелье Кара-Коюм находятся развалины величественного караван-сарая Таш-Рабат — одного из редких памятников древнего среднеазиатского зодчества. Об этой постройке из камня сохранилось предание.

В давние времена жил могущественный хан, у которого было два сына. Оба радовали отцовское сердце, и старик так и не знал, кому отдать предпочтение.

Однажды призвал хан старшего и сказал ему:

— Я уже стар, и недалек тот день, когда власть в ханстве полностью перейдет к тебе. Но чтобы я мог спокойно умереть, покажи, сын мой, на что ты способен.

Прошло некоторое время, пришел старший сын к отцу.

— Велико и богато наше ханство,— начал он.— Но оно могло бы быть еще богаче.

Хан удивленно посмотрел на сына, ничего не сказал и приготовился слушать дальше.

— Да, еще богаче,— повторил сын.— Я бы снарядил в чужие земли караваны наших товаров, а потом пригласил бы купцов приехать к нам. Пусть караваны проходят и по нашей земле. И еще я бы построил такой караван-сарай, в котором каждый нашел бы кров и гостеприимство.

— Ну, что ж, будь по-твоему.

Вскоре старый хан умер. Отдал старший сын все почести умершему и отправился с караваном в чужие земли, а когда возвратился, начал готовиться к встрече купцов из других земель.

Задумал он построить такой караван-сарай, который бы простоял тысячу лет. Собрал он со всех концов своей страны самых известных мастеров, и началась работа. Много лет возводился каменный караван-сарай. И вот наконец построили. Всех, кто видел его, поражал он своей красотой и величием. Ширина стен была не меньше, чем у любой крепости, помещения были просторными, а главный купольный зал имел три сводчатые ниши.

Слава о Таш-Рабате — так назывался караван-сарай — разнеслась повсюду. Многие купцы сворачивали с других дорог к Таш-Рабату, чтобы насладиться его гостеприимством.

С каждым годом все больше богател хан, да и подданным его кое-что перепадало.

Но вот умер он, и ханом стал его младший брат. Давно уже мечтал он о другой славе. Собрав отряд воинов, нападал на мирные караваны, грабил их, а в караван-сарае складывал награбленное.

Неизвестно, сколько бы все это продолжалось, но соседние ханы пошли на него войной.

Засел хан со своими воинами в караван-сарае, но не помогли ему толстые каменные стены. Сильнее его оказался противник. Погибли воины, погиб сам хан, а от Таш-Рабата остались одни развалины, как немой укор хану-грабителю.

О еже

В прошлом у киргизов многие животные считались священными. Им поклонялись, о них рассказывали легенды. Так, в старину почитали ежа. Вот какая легенда сохранилась о нем.

Однажды, в давние времена, черт рассердился на весь мир и затмил солнце. Собрались все обитатели земного мира и стали сообща думать, как прогнать черта. Долго все спорили, визжали, свистели, рычали, пока не вспомнили про ежа.

Был в то время еж гладким, как бархат, а мясо его считалось самым вкусным. И всякий зверь охотился за ним. Особенно доставалось ежу от мышей.

Но хотя он был маленьким и беззащитным, среди зверей еж слыл мудрым и рассудительным. И так как без совета ежа обойтись не могли, решили послать за ним самых уважаемых — льва и тигра.

Нашли они ежа и попросили явиться на совет.

Ответил еж послам, что он бы не прочь пойти на совет, да только опасность слишком велика: его всякий может обидеть, а то и просто съесть. Вот если бы ему шкуру другую дали, он тотчас явился бы.

Возвратились лев с тигром к обитателям земного мира и передали просьбу ежа. После долгих споров решили дать ему новую шкуру, а для большей безопасности понатыкать в нее иголок.

Явился еж в новой своей шубе. Тут все и пристали к нему, как прогнать черта, чтобы солнце снова светило.

— А вы устройте черту испытание,— сказал еж.— Если он действительно всемогущ, то пусть из песка сделает кожу, а из масла — дратву и к полудню сошьет ичиги.

Дали черту такую задачу, но сколько тот ни старался, не смог сделать из песка кожу, а из масла дратву и сшить ичиги. Пришлось ему освободить солнце от тьмы. С тех пор и начали почитать ежа.

Сам еж перестал всех бояться. Наоборот, многие остерегаются его иголок. А для мышей он стал страшнее кошек.

Собрал Дм. БРУДНЫЙ

Рисунки Вл. ДОБРОВОЛЬСКОГО.

Кубанычбек МАЛИКОВ,
народный поэт Киргизии

ДУШОЮ ПОСТИГАЮ ОТКРОВЕНЬЯ

ПОРТРЕТ НА СКАЛЕ

В день перекрытия Нарына к скале был прикреплен портрет Токтогула.

Идет народ вдоль берега реки.
Ползут несметные грузовики.
Сегодня течь Нарын заставят люди
Теченью вековому вопреки.
Как будто с места тронулась земля.

Богатыри сегодня у руля.
Работают машины-исполины,
Глаза мои и сердце веселя.

Такого здесь вовеки не бывало:
Вот круто развернулись самосвалы,
Они подходят к берегу реки
И в воду опрокидывают скалы.
Какие глыбы! С доброго быка!
С шипеньем принимает их река
И вздрагивает глухо от ударов.
Уже сомкнутся скоро берега!

Висит над стройкой небывалый гул.

И высоко на левом берегу
Стоит портрет седого аксакала —
На битву смотрит мудрый Токтогул.

И кажется, что это не портрет,
Что в гости к нам явился сам поэт,
Сейчас он нам расскажет, что скопилось
В его душе за много долгих лет.
С портрета улыбается старик.
Готова перемычка! Славный миг!
И наш акын сияет, восхищенный:
Ведь он к такому ритму не привык.
Потом мрачнеет. Грустно старику:
Немало видел на своем веку,
Но вот при жизни не пришлось увидеть,
Как поворачивают вспять реку.
Мы все на стройке, дорогой Токо.
Порою нам бывает нелегко.
Но сил своих, как видишь, не жалеем,
Мы, твои дети, видим далеко.
Родной Токо, смотри сюда, смотри —
В труде мы от зари и до зари.
Мы именем твоим назвали стройку,
А ты наш труд стихами озари!
Отец, ты дни свои провел в борьбе,
Ты никогда не думал о себе,
Всего себя ты отдавал народу.
Народ поставил памятник тебе.
Родной Токо, люблю тебя, как сын!
Да не забудется в веках акын.
Пускай прославит дорогое имя
Наш памятник — плотина из плотин!

6 января 1966 г.

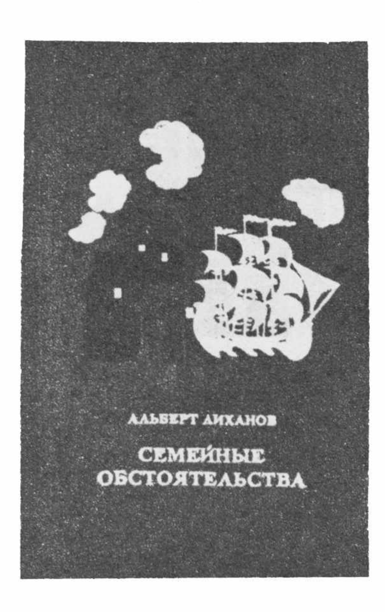
ДЖАЙЛОО

Когда лютует серый ливень,
А белый град арчу сечет,
Когда потоками, бурливо,
Отчаянно вода течет,
Тогда — и вы поверьте слову —
Прекрасно летнее джайлоо!
В горах наш дом. К горам душою
Навек прирос любой киргиз.
У нас табунщик и зимою
Заквасит золотой кумыс.
Не пробовали вы такого —
В нем запахи цветов джайлоо!
Когда метели завывают,
В горах работа нелегка,
Но люди здесь не унывают —
Горит румянец на щеках.
Табунщики всегда здоровы,
Как все, кто вырос на джайлоо.
Упорны снежные атаки.
Но им, лихим, наперекор
Киргизы берегут отары
И не покинут грозных гор.
Пускай погода здесь сурова —
Никто не убежит с джайлоо.

ПЕРВАЯ ШКОЛА

Я помню, здесь унылая лачуга
Торчала, как бельмо, давным-давно.
Но место ей, как для большого друга,
В моей душе навек отведено.
На земляном полу была солома,
И были животы порой пусты,
Но здесь над нами воспаряло слово —
Мы слушали его, разинув рты.
Сидели в валенках и в старых шубах,
Читали нараспев за слогом слог.
В озябших пальцах, трудовых и грубых,
Учитель наш едва держал мелок.
Хотели мы скорее стать борцами
За новый путь, за новый, светлый мир.
Мальчишечьими страстными сердцами
Владел родной учитель, наш кумир.
Ушли незабываемые годы,
И домика того давно уж нет.
Но не пропали дорогие всходы —
В сердцах оставили горячий след...
Когда, согнувшись над стихотвореньем,
Я поглощен внезапным озареньем —
И ветер наполняет паруса! —
Я вспоминаю светлые мгновенья —
Душою постигаю откровенья —
Учитель открывает нам глаза!

Перевел с киргизского
Марк ВАТАГИН.

ЭКЗАМЕН НА ВЗРОСЛОСТЬ

Роман «Лабиринт» и две повести — «Чистые камушки» и «Обман» вошли в новую книгу Альберта Лиханова «Семейные обстоятельства». Ее главные герои — подростки, на долю которых выпадает очень рано сделать шаг во взрослость, сделать выбор: сказать или промолчать, видя неправоту самых близких людей.

Отец Михаськи из «Чистых камушков», фронтовой разведчик, старшина, увешанный наградами, вернулся домой. Нет слаще музыки для Михаськи, чем звон отцовских орденов и медалей, когда мальчишка об руку с отцом вышагивает по улице. Но вот кончился праздник встречи, пришли будни. Отец много работает, солдатские руки стосковались по работе. Даже вечерами отец дома не отдыхает, паяет, лудит посуду соседям. Однако разве можно брать деньги со старушки, которая неведомо как, на какие гроши воспитывает внучек-сирот? А отец, не задумываясь, берет ее два рубля.

Лиханов умеет на малой площади резко, беспощадным светом высветить характер человека,— действительно, как много сказала об отце Михаськи эта броская деталь...

Дальше — больше. Переступив некую незримую черту, отец все больше уходит в сторону от прямой дороги, по которой надо бы идти в мирной жизни фронтовику. Он устраивает свою жену в открывшийся коммерческий магазин. Михаська слышит нехорошие разговоры соседей, ловит презрительные взгляды. Михаська поднимает бунт, бежит из дому. Как еще может он высказать свое несогласие с линией жизни отца?

Через несколько дней он вернется домой. Но теперь уже отцу предстоит выбор: или начать действительно новую жизнь, или потерять сына.

Герои «Семейных обстоятельств» не повторяют друг друга в этом экзамене, который им устраивает жизнь. Нет, каждый сдает экзамен на зрелость самостоятельно, у каждого свои трудности и свой ответ. Одно лишь роднит этих ребят: принципиальность, правдолюбие, честность во всем, даже в заблуждениях.

Верится, что из них вырастут прямые, смелые люди.

Книга Альберта Лиханова «Семейные обстоятельства», на наш взгляд, заметное явление в юношеской литературе. Многое почерпнут для себя из этой книги те, кто готовится к «взрослой» жизни и кому, в свою очередь, предстоит сдавать экзамен на взрослость.

Владимир ОРЛЕСОВ

Альберт Лиханов. Семейные обстоятельства. М., «Молодая гвардия», 1974, 528 стр.

ПОРОХОМ ИДЕМ В ТЕБЯ, ЗЕМЛЯ

Феликс Овчаренко ушел из жизни три года назад. Он прожил свои 39 лет так: выбрал профессию журналиста, редактировал газету уральских комсомольцев «На смену!» и журнал «Молодая гвардия», был комсомольским и партийным работником, писал статьи и книги.

«В сантиметре от сердца» — последняя, посмертная его книга. Она вобрала дневник и письма Овчаренко к родным, заметки для себя, две незавершенные повести и лучшие его критические работы. При недавнем подведении итогов Всесоюзного литературного конкурса имени Николая Островского книга «В сантиметре от сердца» названа среди лауреатов.

«Обостренность памяти. Обостренность чувства преемственности. Обостренность личной ответственности перед теми, кто завещал нам высоко нести идеалы свободы и справедливости, нетленный дух борьбы за честь и независимость Родины, красное знамя Революции» — так определял Овчаренко один из ведущих мотивов сегодняшней советской литературы, и этот же самый мотив полнит его книгу.

В последние годы свое ярко публицистическое перо Овчаренко гранил прежде всего как критик. Сам он полушутя признавал: «...моим критическим опусам недостает тщательного эстетического разбора». Зато ему не занимать было требовательности к поэтам и писателям — своим сверстникам и современникам, когда речь шла о назначении их творчества — служить «великим целям века». Здесь его не смущали ни литературные ранги, ни ссылки на усложненность и постоянную усложняемость мира, которыми тот или иной автор пытался оправдать расплывчатость своих позиций. Особенно непримирим был Овчаренко в тех случаях, когда за трескучими строками, призванными якобы выразить заинтересованность прошедшей и настоящей судьбою Родины, он обнаруживал один лишь неподдельный интерес — к собственному гипертрофированному «я» автора.

Овчаренко, как и всему его поколению, не пришлось отстаивать свои убеждения в кровавом бою. Но право жить в мире, завоеванное нашей Отчизной неисчислимыми жертвами, среди которых жизнь, отданная отцом Овчаренко,— все это обязывало сына быть самому готовым к новым сражениям и готовить к ним других, держать свой критический «порох сухим».

Этим, видимо, следует объяснить необычный образ, найденный Овчаренко для проникновения в сущность поэзии (как критика, поэтическое творчество привлекало его внимание с наибольшей силой) двух великих своих соотечественников: «Маяковский и Есенин — это сегодня, кажется, уже окончательно доказано нашей литературоведческой наукой — вовсе не антиподы. Они как две отточенные грани обоюдоострого меча. Просто одно из этих лезвий чаще было обращено в сторону врага. А другое в силу этого ближе было к кольчуге, под которой учащенными рывками колотилось живое сердце Родины. Стоит затупиться одной из заточенных сторон меча — и он уже не меч».

Такой же любовью к своей великой земле и непреклонностью дышит книга Овчаренко. Его первая повесть «В сантиметре от сердца» — это рассказ о ребенке, которому война приоткрылась только самой узенькой щелкой страданий и непоправимых бед, но и их с лишком хватило, чтобы прорасти в его сердце священной ненавистью к пожару войны. «Я несу на плечах сына» — воспоминания о пролетевшей кратким мигом жизни с отцом. Герой повести вырос, но отцовский пример беззаветного служения правому делу все ярче светит его душе.

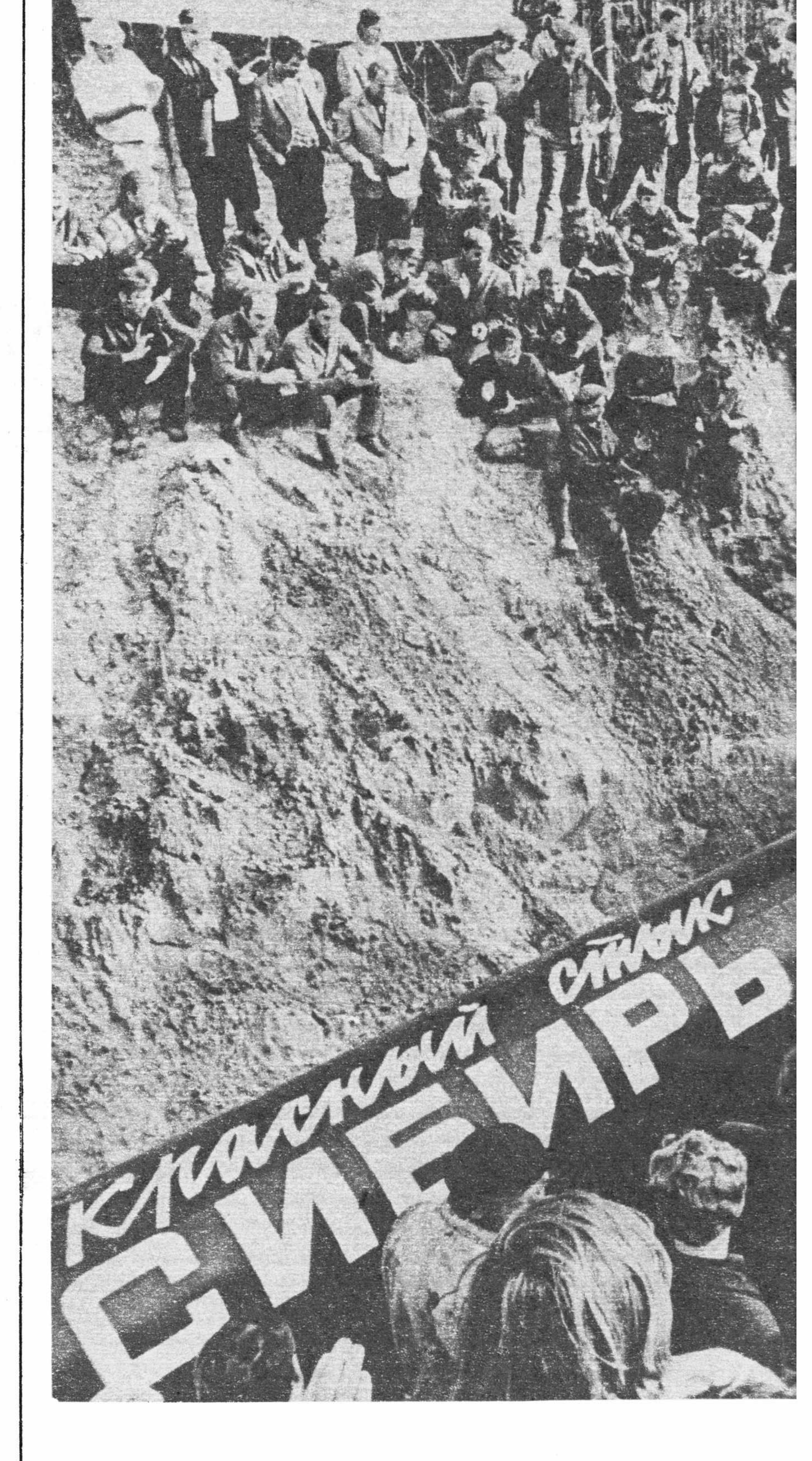
Овчаренко — это видно из его дневника — с юношеских лет мечтал написать книгу, Книгу с большой буквы. И потому он не вынес эти повести на суд читателей: он был строг не только к другим, но и с самим собой. Он постоянно ставил себе новые и новые задачи, и если не успевал решать их все до конца, то в первую очередь потому, что не умел не подставить свои плечи под новый груз вопросов, на которые так щедра жизнь.

И потому мы вправе закончить строками стихотворения А. Межирова, трепетно перенесенными Феликсом Овчаренко на страницы одной из своих статей,— стихотворения об умирающем комбате. Смертельно раненный командир в полубреду... Последние, еле слышные слова...

Молвит умирая: или — или,—
Долг — стоять, но право — отойти.
Егерей эсэсовцы сменили,
А у нас резерва нет почти.
Слева полк эсэсовский, а справа...
Не договорил...
Навечно смолк...
Есть у человека — долг и право...
Долг и право...
Долг и право... Долг..

Д. ИВАНОВ

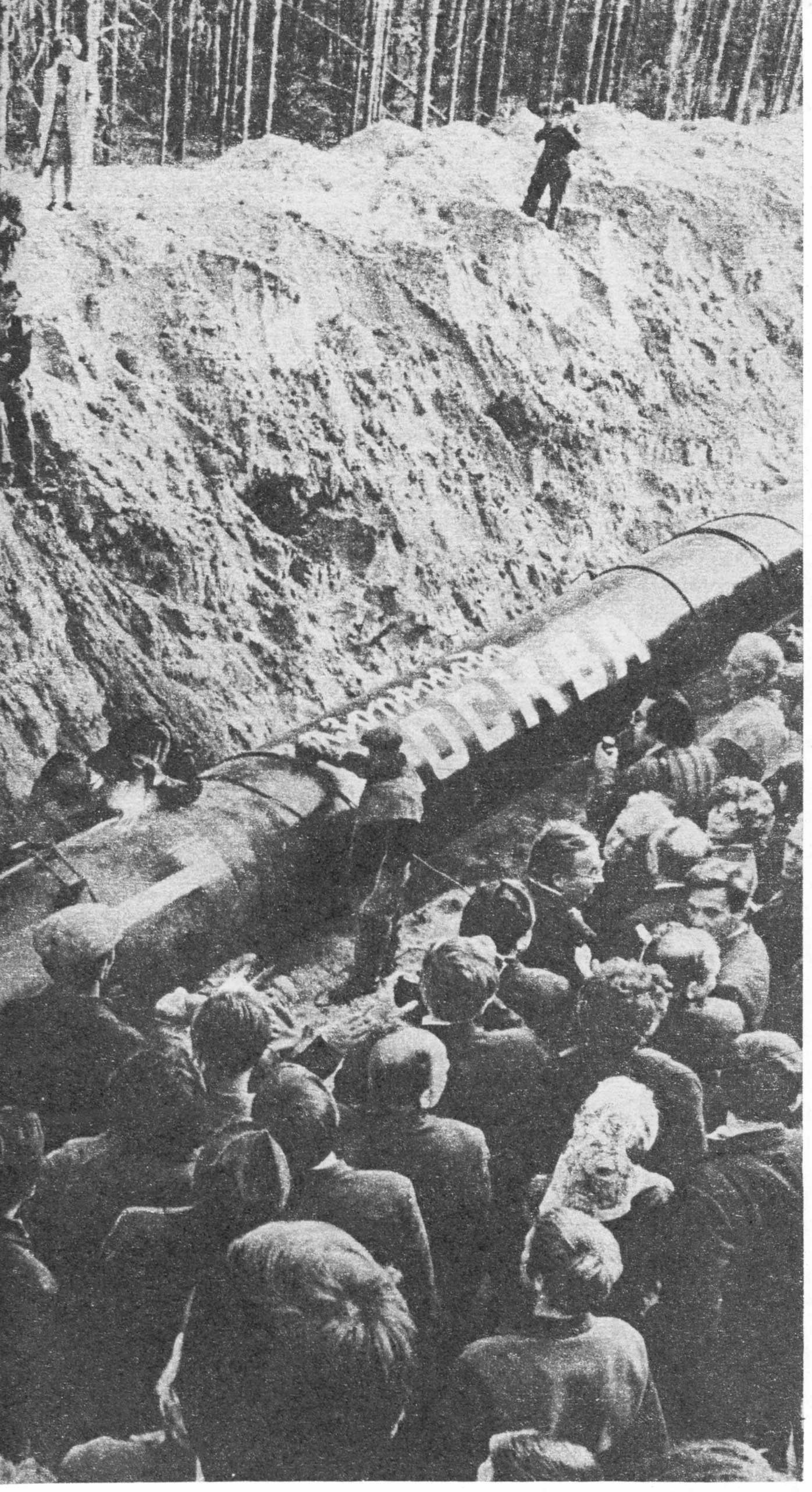
Феликс Овчаренко. В сантиметре от сердца. М., «Молодая гвардия», 1974, 352 стр.

КРАСНЫЙ

Глухие мещерские болота. Непроходимые леса. Бездорожье... Три тысячи километров от Сибири до Москвы прошли строители нового газопровода, миновали десятки речек и рек, пересекли шоссейные и железные дороги, но самым сложным участком на трассе оказался именно этот, рязанский отрезок. Потому-то и решено было укладывать здесь трубы в последнюю очередь, общими силами.

...Последние секции труб опущены в траншеи. Наверное, эти леса никогда еще не видали столько народа сразу — строители газопровода собрались там, где должен быть сварен последний стык. Уже известно, что право «красного стыка» завоевали в соревновании лучшие электросварщики А. Борисов, С. Утегенов, Т. Карпов и А. Якимов. Мож-

Торжественный момент: сварен последний шов!

Один из лучших электросварщиков — Тимофей Карпов.

СТЫК

Фото М. САВИНА

но понять их волнение: завершен многомесячный труд, подводится итог всем обещаниям, всем обязательствам по досрочному завершению строительства. Торжественно, не спеша мастера берутся за сварочные аппараты. Долгая минута... и взрыв аплодисментов: есть «красный стык»!

Теперь сплошная стальная нитка труб связала далекое сибирское месторождение Медвежье со столицей. Скоро газопровод должен вступить в эксплуатацию, и тогда по нему ежегодно будет поступать в столицу 15,5 миллиарда кубометров газа.

Б. СМИРНОВ

Они завоевали право сварить «красный стык»: электросварщики А. Якимов, С. Утегенов, А. Борисов (на переднем плане) и начальник лучшего на трассе участка Герой Социалистического Труда Николай Николаевич Ракитин.

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ДА НЕ СУДИМЫ БУДЕТЕ

Римма КОВАЛЕНКО

РАССКАЗ

Анечка очнулась, подняла вверх бровки, теперь они придавали лицу отрешенное, смиренное выражение.

— Послушай, Евгений, ты, как все молодые люди, относишься к старшим с предубеждением. Матери твоей всего сорок один год. Это по нынешним временам даже не третья, а всего вторая молодость...

Не надо его утешать, не надо обманывать. Вот почему она так расстроилась, что он заявился без телеграммы. «Люблю тебя. Ты самое драгоценное, что есть у меня в жизни». А этот Никанор, он не драгоценное?

Назавтра он не мог вспомнить, как очутился в тот вечер на другом конце города в квартире Аркадия Головина. Наверное, мать и Анечка ушли в театр, иначе они бы его не выпустили. Аркашка спал. За длинным столом сидело несколько мужчин. Бабушка и мать Аркадия мыли на кухне посуду. Мать ворчала:

— Полсотни кинули, как коту под хвост. Нет чтобы благородно поговорить, расспросить человека, как служилось, совет дать для настоящей жизни. Глаза налили и каждый про свое, кто в лес, кто по дрова.— Она скосила глаз в комнату, достала из мешка с картошкой поллитра, налила в стакан и поставила перед ним.— С возвращеньицем, что-то ты грустный, не догулял, видать.

Женьку развезло от водки, он смеялся, слушая, как Аркашкина мать ругает засидевшихся гостей, потом разговорился.

— Мы с Аркашкой хотели в Чебоксары на стройку тракторного завода поехать. Наших шесть человек поехало.

— Как же это они поехали? Матери все глаза проплакали, дожидаясь, а они что же — на эту стройку мимо дома сиганули?

— Вы про всех матерей одинаково не судите. Моя, например, пока я служил, замуж вышла.

Аркашкина мать покачала головой, но это был жест не осуждения, это означало: бывает же.

— И хороший человек?

— Хороший... Она из-за него всю жизнь страдала. Я еще маленький был, когда он появился. Автомобили дарил. Я его с детства возненавидел.

— Что же он, семейный был?

— В том-то и дело. Жена три года назад умерла. Я в армию ушел, а они, значит, в загс, не теряя момента.

Аркашкина мать, забыв про посуду, опустилась на табуретку и задумалась. Потом очнулась, выскочила к гостям и закричала там так, что Женька вмиг отрезвел. Она кричала, что надо бы им пить не в порядочном доме, а прямо в вытрезвителе, чтобы не доставлять милиции хлопот. Что жизнь ее пропала через эту проклятую водку, что они ей всю душу выели и ни одного светлого дня у нее не было. И если Аркашка не будет дураком и уедет на стройку, то она в тот же день соберет вещи, слава богу, груз беден — в одной руке унести,— и уедет с сыном, и не вспомнит их поганые рожи.

За столом осталась, видимо, близкая родня, потому что никто не обиделся. В ответ нестройные голоса запели: «На побывку едет молодой моряк...» Аркашкина мать вернулась на кухню обессиленная, но с чувством выполненного важного дела, села напротив Женьки и сказала:

— Ну, досказывай.

Он не знал, что досказывать, он все сказал.

— Так он женился на матери и занял, выходит, твое место?

Случайно она попала в яблочко, хотя имела в виду совсем другое.

— У него своя квартира. Поменялся, теперь живет в нашем доме.

Аркашкина мать удивилась:

— Так ты радуйся. Мать-то свою жилплощадь тебе оставит.

И тут Аркашкина бабка, которая за все это время не проронила ни слова, тихонько, как мышь, скребла сковородки, вдруг подала голос:

Окончание. См. «Огонек» № 43.

— Выродится такой ублюдок и потом ходит по квартирам судить мать.

Женька дернулся, как от удара. Бабка была сгорбленная, вокруг головы у нее лежала искусственная коса, сплетенная из желтых ниток. Она была матерью Аркашкиного отца, и поэтому Аркашкина мать называла ее на «вы».

— Не лезьте не в свое дело, мамаша.

Но старуха сделала вид, что не слышит.

— Вот народи своих детей,— она подошла к Женьке, и он испугался, что она схватит его своими сальными, в черных крапинках после сковородок руками,— народи их, купи им штаны, ботиночки. Себе не купи, им купи. Кусок из своего рта вырви и им сунь. А потом скажи им: идите, дети, по чужим дворам, славьте родителя, расскажите, какой он дурак.— Она вдруг заплакала, провела ладонью по щеке и оставила на ней черный след, повернула голову к невестке, и тут Женька услышал такое, о чем никогда не задумывался:— Они из армии явились! А мы что, разве не явились? Мы тоже на этот свет, как они, явились, тоже люди...

* * *

Они повидали почти всех своих одноклассников. Ходили вместе, устало улыбались, слушая, кто, где и как устроился. Про себя считали: одни устроились, другие пристроились. Аркашка долбил: «Я, Женька, не буду отпуск догуливать. Поеду в Чебоксары. Как только ребята письмо пришлют, что общежитие есть, сразу еду». Женьке тоже хотелось в Чебоксары. Но в нем жила еще армия, помнилась тоска по дому, и он боялся, что в Чебоксарах вновь вспыхнет эта тоска. И еще была Зина. Семь дней еще не прошло. Он не звонил ей и не виделся. Узнал, что она недавно ушла с фабрики, поступила в технологический институт.

Катя Савина не развелась со своим очкариком. Женька встретил ее в сквере на скамейке, рядом с детской коляской. Катя читала журнал, в коляске спал щекастый ребенок, из-под одеяла торчали ноги в ботинках, на подошвах налипла земля.

— Год и два месяца,— сказала Катя,— зовут Пашкой. Павел — редкое имя, правда?

Он хотел спросить, как зовут очкарика, но спросил другое:

— Ну, и что дальше?

— Ты про жизнь? А кто это когда знал или знает?

— Учишься?

— И учусь, и работаю, и еще вот этого деспота выращиваю. На тебя, Женька, хорошо армия повлияла. Ты каким-то другим стал.

— Каким же?

— Не знаю. Менее гордым, что ли.

Ему не понравились ее слова.

— А ты не изменилась. Очкарика, наверное, своего затерзала разговорами.

— Очкарика своего я люблю. Слыхал про такое? Про любовь?

— Слыхал. Ты мне вот что скажи: еще детей рожать будешь?

— Нет.

— Почему?

— Мать жалко. Ведь на ней еду.

После разговора с Катей осталось хорошее чувство. Хорошо, когда человек откровенен, не выпендривается, и еще хорошо, что ты имеешь право говорить с ним, как с другом, потому что знаешь его с первого класса. И еще он подумал о том, что молодость — самое странное время. Вот Катька родила Пашку. Полюбила, вышла замуж и родила. А могла бы и не выйти замуж. Герка Родин работает на заводе, говорит: надо было после восьмого идти, протирал штаны на этой парте самых прекрасных два года. Сашка Югов где-то с экспедицией на Севере. Всех по своим местам растыкала жизнь. А может, не по своим? Странно и страшно то, что жизнь твоя зависит иногда от тебя. Поеду с Аркашкой в Чебоксары — и будет у меня одна жизнь, засяду за книги, поступлю в институт — другая жизнь. Женюсь на Зинке — третья. Так что же из трех? А может, из ста? А есть одно-единственное?

* * *

— Мне так горько,— говорила она,— что ты от меня сейчас дальше, чем тогда, когда действительно был далеко. Я всю жизнь хотела быть тебе другом, а потом матерью. Может быть, в этом была моя ошибка. Я слишком была современной. А любовь матери и эгоизм детей — старинные чувства, их формировали тысячелетия.

— Что ты от меня хочешь?

— Это тоже извечный вопрос. Все матери хотят, чтобы их дети были хорошими, добрыми, умными, чтобы они были лучше их.

— Почему же ты не сделала меня таким?

— Если б ты сам себя слышал... Я старалась. Видимо, тот человек, которого ты ненавидишь, помешал мне. Мне надо было посвятить тебе всю свою жизнь.

— Но ты не посвятила. А если бы посвятила, я бы, наверное, просто не выжил. Ты и так много лет жила моей жизнью.

— И ты в этом упрекаешь меня?

— Да. Ты учила со мной уроки, была всегда третьей в моей дружбе, ты даже в армии воспитывала во мне любовь к себе, писала письма командиру части. И в результате всего во мне произошло вот что: если моя жизнь принадлежит целиком тебе, то взамен подавай свою. А ты всю не отдавала. Вот почему я ненавидел твоего Никанора.

Она поднялась, подошла к зеркалу, расчесала густые каштановые волосы и сказала не зло, как от чего-то освобождаясь:

— Пошел ты к черту. Мне надоел этот бесплодный разговор. У тебя действительно своя жизнь. Что будешь делать?

— Я поеду в Чебоксары. Там стройка. Строят завод тракторов. Мы с Аркашкой ждем вызова. Кстати, я бы хотел об этом поговорить с Никанором.

Она подошла к нему,— он был выше ее на голову и смотрел на нее сверху вниз.

— Произошло одно непредвиденное обстоятельство: Никанор не хочет тебя видеть. Он не жил твоей жизнью, у него нет к тебе родительских чувств, и обида у него на тебя по этим причинам железная.

— Ты как будто даже рада?

— Нет. Сколько я буду жить, сердце мое самой больной болью будет болеть только по тебе. И прощать и оправдывать тебя самой щедрой мерой буду на этом свете тоже только я.

— Ты так красиво и складно говоришь, даже обидно, что у меня с детства иммунитет к твоим словам.

— Никанор говорит: даже у самых великих педагогов собственная практика не всегда совпадала с теорией.

— Ну, если говорит Никанор...

* * *

— Алло! Зина?

— Да.

— Это я, Женька, здравствуй.

— Здравствуй.

— Ты слыхала, что я вернулся?

— Да.

— Давай встретимся. Где?

— А зачем?

— Опять «зачем»? Повидаться.

— Зачем нам видаться?

— Ну, ладно. Один вопрос: у тебя кто-нибудь есть?

— Поняла. Нет.

— Ты меня еще любишь?

Зина положила трубку.

Он пошел к ней домой. Увидел подъезд, который столько раз спасал их от холода, и заволновался. В подъезде был телефон-автомат, он позвонил и сказал, что пришел к ней, стоит в подъезде. Она ответила: «Сейчас спущусь». И она действительно спустилась, снизошла. Накрашенные ресницы, модное пальто с двумя рядами мелких пуговиц. Прошли по двору, вышли на улицу.

— Зина, я бы, конечно, так не унижался, но дело в том, что я уезжаю. Хочу разобраться, что у нас произошло. Мы ведь не ссорились.

— Я с тобой поссорилась,— сказала Зина,— навсегда.

— Почему?

— Обиделась.

— На что?

— На все. Начну перечислять, до конца жизни не закончу.

— Ну хоть что-нибудь?

— За два года ты не прислал ни одного письма.

— Я не люблю писать. Есть такие люди. И потом у нас все расклеилось сразу после выпускного вечера. Там что-нибудь произошло?

— Нет. Это очень трудно объяснить.

— Жаль, я считал, что ты моя первая любовь.

— Это ты моя первая любовь, а у тебя ее не было. У тебя будет сразу шестая.

— Почему шестая?

— Потому что очень не скоро жизнь из тебя сделает человека.

— Армию прошел, на стройку еду, а подруга дней моих суровых считает меня подонком. Ты даже не спросила, куда я еду.

Зина остановилась, засунула руки в карманы пальто, подняла голову.

— А ты меня о чем-нибудь спрашивал? Почему после выпускного я пошла на фабрику? Что у меня дома тогда было? Как я жила? Вот и мне совсем неинтересно, куда ты едешь и что с тобой будет. И еще этот вопрос: «Ты меня еще любишь?» Меня, меня... Я вообще таких не люблю. И больше не смей, первая любовь, передо мной появляться.

Она пошла от него быстрым шагом, он смотрел ей вслед и увидел, как она вытащила из карманов руки и побежала. Может быть, ей показалось, что он догоняет.

* * *

Стоило отлучиться на два года, как все корабли пошли своим собственным курсом. Можно, конечно, об этом не думать, утешаться лихой фразой: «Я сжег свои корабли». В конце концов, кто проверит, сжег ли ты их, или они сами умчались на всех парусах от твоего берега.

Добили ребята. Пришло долгожданное письмо: «Ты, Аркадий, пока не говори Женьке, с общежитием плохо. Нам дали только потому, что явились мы в полной выправке, пригрозили, что пойдем в райком. Но через два месяца гарантируют. Так что пусть Женька пока не спешит. А ты приезжай, перебьемся».

— Не понимаю,— сказал Женька,— почему же ты перебьешься, а я нет?

Аркадий пощадил:

— Одного все-таки легче пристроить, чем двух.

Он не знал, зачем поехал к Анечке. Увидел знакомый номер трамвая, влез в него, а потом уже понял, что едет к ней. Анечка обрадовалась: «Евгений, Евгений...» Под столом, посреди комнаты лежала собака, белая, в рыжих подпалинах. Смотрела в сторону, а хвост ходил ходуном, отбивая дробь на паркете.

— Она тебя полюбила,— сказала Анечка,— видишь, как хвостом молотит?

Он не зря пришел. Есть все-таки на свете живые существа, которые любят, не выясняя, хорош ты или плох, любят просто потому, что полюбили.

— Чья? — спросил Женька.

— Скальский оставил. Совершенно неожиданно вызвали на съемки в Казань.— Анечка вздохнула, это был вздох отчаяния. — Евгений, с этой собакой у меня с утра до вечера сплошной тихий ужас. Щенком она стоила сто рублей, а теперь и представить невозможно сколько. Самое ужасное то, что у нас с ней разные скорости. Боюсь, что она мне все-таки выдернет руку вместе с поводком и убежит. И потом ей надо отдельно варить. Она ест вареное мясо. Я варю через день полкило...

Анечка жаловалась, и конца этому не было видно.

— Деньги он хоть оставил, ваш Скальский? — перебил Женька.

В Анечкиных глазах мелькнул страх, как будто Скальский там, в своей Казани, услышал его безобразный вопрос.

— Евгений...

Он понял, что Скальский оставил деньги.

— Скажи, Анечка,— сказал он,— что мне делать? Как жить дальше?

Анечка не удивилась. С такими вопросами к ней уже обращались. И у нее был поэтому ответ, в который она сама верила и не понимала, почему его сразу не берут на веру другие.

— Как жить? Надо стараться быть кому-нибудь нужным.

Женька ей тоже не поверил.

— Стараться... Я согласен, что человек должен быть нужен другим. Но стараться... Что ж получается: уважьте, сделайте милость, разрешите мне вам быть полезным?

...Пройдет не день и не два, прежде чем Женька поймет, что для счастливой жизни перво-наперво надо быть кому-нибудь нужным. И не вспомнит он, что эту мудрость подарила ему когда-то Анечка. Мудрость нельзя подарить. Ее каждый добывает сам.

КАК ДЕХКАНЕ СЕЛИ НА ТРАКТОР

На этой фотографии запечатлен первый выпуск трактористов в Коканде в 1925 году. Я заведовал этими курсами и одновременно преподавал.

В то время при некоторых хлопкоочистительных заводах были созданы тракторные отряды, состоявшие из 20—30 машин марки «Фордзон», закупленных в США. Это были четырехколесные тракторы, мощность которых составляла всего двадцать лошадиных сил. Но они были в какой-то мере универсальны: обрабатывали посевы, приводили в движение насосы для полива. Мне приходилось руководить такими тракторными бригадами. Механизаторов не хватало. И когда сезон уборки хлопка был закончен, мы тут же при заводе организовали курсы обучения трактористов.

Трудностей было много. Я не знал узбекского языка, а многие из моих учеников не знали русского. Не было никаких учебных пособий, большинство учеников были неграмотны. Но недавние дехкане были полны решимости во что бы то ни стало овладеть наукой механизаторов. И это было главное. В течение «мертвого» сезона, когда хлопкозавод стоял, было подготовлено тридцать молодых трактористов.

С тех пор прошло 49 лет. Сейчас мне трудно вспомнить всех, кто изображен на фотографии. Во втором ряду (сидят) слева — механик Петров (в полосатом халате и тюбетейке), правее — я (в белой фуражке), затем заместитель директора хлопкозавода (фамилии не помню); инженер-механик Г. Д. Кацен; следующий — директор хлопкозавода (фамилии не помню); затем переводчик Умар Сейдаллин. Между Г. Д. Каценом и директором хлопкозавода стоит (в белой блузе и белой фуражке) механик Соловьев. Может быть, многие из этого первого выпуска трактористов в городе Коканде сейчас живы, и им будет приятно увидеть себя, какими они были в те годы.

Хочется заметить, что если 49 лет назад мы покупали тракторы в США, то теперь американцы сами приобретают у нас тракторы «Беларусь».

Золотой юбилей республики совпадает с моим собственным: нынешней осенью мне исполняется 85 лет. Последние годы я живу в городе Алмалыке, Ташкентской области. Сейчас — пенсионер.

С. ОХОТНИКОВ

Алмалык.

НА БЕРЕГУ СНЕЖЕДИ

Я родился в деревне Кальна, что стоит на берегу тихой речушки Снежедь. А совсем неподалеку от нас, в Спасском-Лутовинове, расположена усадьба И. С. Тургенева, окруженная пойменными лугами. Здесь же и знаменитый Бежин луг.

Идешь по нему и живо представляешь себе, как когда-то на берегу вот этой тихой, заросшей желтыми кувшинками Снежеди коротал ночь у костра знаменитый писатель, слушая рассказы крестьянских детей, пасущих в ночном лошадей. А потом о красоте и очаровании Бежина луга он поведал всему миру. Много красивых уголков и на территории бывшей усадьбы писателя, бережно сохраняемой его потомками.

Когда в тридцатые годы здесь проходили реставрационные работы, выяснилось, что баня, существовавшая во времена И. С. Тургенева, исчезла. Сохранились лишь эскизы, наброски чертежей. Вот тогда реставраторы и обратились к моему отцу с просьбой как можно точнее восстановить эту, казалось бы, незамысловатую постройку. Плотников в округе было много, но, судя по наброскам, углы тургеневской бани были сложены не совсем обычно. Отец же мой, Зайцев Андрей Кузьмич, в то время считался плотником первой руки.

Баня отцовской рубки стоит и по сей день.

Н. ЗАЙЦЕВ,
действительный член Географического общества СССР

СЕМЕЙНЫЙ АНСАМБЛЬ

Семерых детей воспитали Мамед Киши и Агджаханум Джанановы. И у всех одно увлечение — музыка. Поэтому и называют в поселке Бюльбюля дом этой семьи «поселковой филармонией».

Мамед Киши увлекается музыкой с детства. Он искусный музыкант, мастерски играет на нагаре (азербайджанский музыкальный инструмент). Унаследовал эту любовь к музыке и его сын Айдын. Он окончил музыкальное училище и сам теперь преподает. Большой популярностью пользуются в Бюльбюля его песни «Белое золото», «Девушки», «Рейхан».

Дочери Таира, Тамилла и Эльмира составляют вокальное трио. В их домашнем репертуаре азербайджанские, грузинские, индийские, немецкие, иранские, арабские, армянские песни. С особой гордостью исполняют они сочинения своего брата.

Рахиля, Земфира и Хатира — аккомпаниаторы в семейном ансамбле.

...Вечер. Тихо в Бюльбюля. Откуда-то слышны звуки настраиваемых инструментов. Это идет репетиция в доме слесаря, депутата поселкового Совета Мамеда Джананова.

После выступления семейного ансамбля по Московскому телевидению местный почтальон стал частым гостем в их доме. Пишут совсем незнакомые люди, благодарят за песни и музыку, желают успехов.

Свой ансамбль музыкальная семья назвала именем младшей дочери Мамеда — «Хатира». Главный руководитель — сын Айдын — студент Азербайджанского института искусств имени М. Алиева.

Ансамблю — десять лет. Джанановы участвовали во всесоюзных смотрах, неоднократно награждались почетными грамотами за выступления на заводах и фабриках, в колхозах и совхозах, домах культуры и в воинских частях.

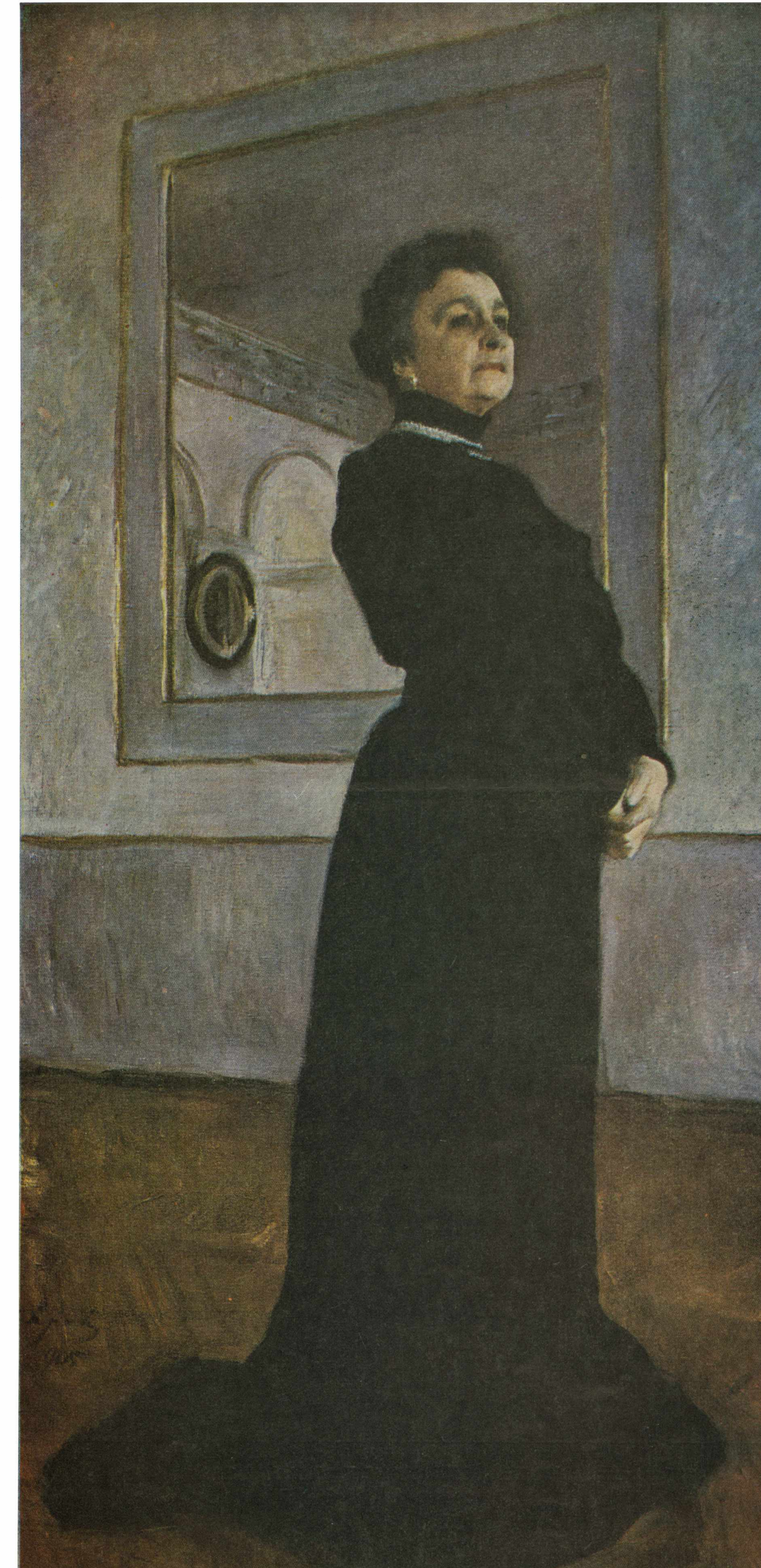
Муса АСЛАНЛЫ,
инженер Бакинского ремонтно-механического завода.

ПОЧТА • ПОЧТА
«ОГОНЬКА»
ПОЧТА • ПОЧТА

В. Серов.

ПОРТРЕТ
М. Н. ЕРМОЛОВОЙ.

Государственная
Третьяковская
галерея

С. Григорьев. НАРОДНАЯ АРТИСТКА СССР В. Н. ПАШЕННАЯ.

Государственный академический Малый театр

Юрий **ЖУКОВ**

ГОЛОС МИНУВШЕГО

Вот уж, по правде говоря, никак не ожидал я, что «Одиссея штабс-капитана Васильева», опубликованная в «Огоньке» в прошлом году, вызовет отклики свидетелей и участников описанных в ней трагических событий. В самом деле, без малого шестьдесят лет минуло с той поры, как Русский экспедиционный корпус, посланный царем в помощь своим западным союзникам по первой мировой войне, пережил свою горькую, мучительную судьбу. Не многим его участникам удалось прорваться обратно на родину через кровоточащие рубежи фронтов интервенции и гражданской войны. Да и само по себе время, неумолимое время вырубило почти что под корень поколение той эпохи...

И вдруг приходят письма. Да, письма тех, кто всем смертям назло прошел сквозь железные ураганы трех войн: первой мировой, гражданской и Отечественной. Кто бережно сохранил в своей памяти пережитое. Кто, откликаясь на повествование о злоключениях штабс-капитана Васильева, считает своим долгом поделиться воспоминаниями о таких далеких, но вместе с тем близких сердцу и душе событиях. И вот на моем письменном столе растет и растет стопка писем с воспоминаниями, пожелтевшими от времени фотографиями и открытками, более полувека пролежавшими в семейных архивах.

Я снова и снова перебираю эти бумаги, и до меня как бы доносится из дальней глубины идущего к своему завершению двадцатого века тихий, но явственный голос минувшего. Голос, раздумчиво повествующий о тяжкой доле русского солдата, заброшенного на чужбину царской империей в последние годы ее бытия и оставленного там, о его верности воинскому долгу, о его неистребимой любви к отчизне, о вере в революцию, о непоколебимой решимости любой ценой пробиться домой, к Ленину, чтобы помочь ему в борьбе...

Один из ветеранов Русского экспедиционного корпуса, Милованов, живущий ныне в Ташкенте, прислал мне уникальную библиографическую редкость — сборник произведений солдат и офицеров этого корпуса «На чужбине», напечатанный во Франции более полувека тому назад,— на его обложке трогательное примечание: «Чистый сбор с продажи книги поступит на увековечение памяти русских воинов, умерших на чужбине 1914—1919».

В предисловии сказано: «Это просто человеческие документы, в которых безыскусственно и просто отразились думы и переживания русских людей на войне, в плену, в чужих краях».

Невозможно без волнения читать бесхитростные, глубоко искренние и взволнованные воспоминания о пережитом, написанные, что называется, по горячим следам. Какая тоска по родине сквозит в их строках, как тянутся к России, охваченной революцией, эти люди в серых шинелях, как сильна в них вера в будущее, рождающееся там, на родной земле!

Вот взволнованные и во многом пророческие раздумья Владимира Герасимовича, озаглавленные «В день праздника победы»,— они написаны в день, когда Франция торжествовала победу над поверженной Германией:

«...Франция празднует сегодня новый национальный праздник, праздник победы.

Умолк уже грохот смертоносных орудий, и триумфально ликуют теперь победители.

Города разукрашиваются флагами, иллюминируются. Устраиваются народные игры, происходят парады войск, манифестации различных союзов и обществ, открываются балы, произносятся торжественные речи и торжественные обещания. Много пишут, волнуются, говорят...

Но пройдет этот пыл момента, и потечет снова та же жизнь. Серая, черствая, будничная...

В эти моменты несутся наши мысли туда, далеко-далеко, к дорогой нашей родине-матери; туда, где беспредельные горизонты, где бесконечные просторы полей да лугов; туда, где деревянная родная изба дороже нам здешних каменных, но чуждых дворцов, где журчанье родного ручья дороже нам здешней симфонии...

В Россию!

Подобно грандиозной реке, на которой когда-то стояли тысячи плотин, сдерживавших ее течение, она теперь выступила из всех своих берегов и в своем стремительном движении затопила все, что было на ее пути.

Пройдут годы. Плавно пойдет по новому, ей нужному руслу народная река. Появятся новые, народные школы, которые принесут здоровые плоды просвещения. Появятся новые лица, свежие, энергичные, сильные, честные. В лучах просвещения, в сфере высокой культуры будут облагораживаться, обогащаться духовно поколение за поколением. Народ определит лучшие свои идеалы. Будет шириться работа для блага всех и для блага каждого.

Вот это и будет настоящий Праздник победы...»

А вот стихи Ефрема Берестова, пусть неумелые, неуклюжие, в чем-то наивные, но какая душевная сила и какая гордость за победившую в России революцию кроются в них:

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
(В окопах, 1917 г.)

Как колокольный звон, к окопу от окопа
Плывет волнение: народ воскрес, воскрес!
Он начинает жить. С тоской глядит Европа
На смелые дела, на быстрый ход чудес...
Все пальцем тыкали на рабскую Россию,—
Взгляните на доверчивый народ,
Покорно идущий, как вол, понурив выю,
За следом путаным нечестных воевод.
Но разразился гром над ветхим русским домом,
То был спасительный, величественный гром,
И вырвался народ и с жаром незнакомым,
Со страстным рвением он строит новый Дом.
И станет наш народ разумным и великим,
Учителем земель. Испытанный мудрец,
Великомученик с простым и добрым ликом,
Он привлечет к себе премножество сердец.
Путеводителям блуждающей Европы
Россия к новому движенью даст толчок,
И передастся он чрез русские окопы
К соседям западным, к народам на восток...

Тем, кто, быть может, не читал «Одиссею штабс-капитана Васильева», я напомню, что речь идет о судьбах сорока трех тысяч пятисот сорока семи русских солдат и семисот сорока пяти офицеров, которые были переброшены в 1916 году по просьбе правительств Англии и Франции царем Николаем Вторым на франко-германский фронт и на балканский фронт в районе Салоник и доблестно сражались там против армий кайзера. В обмен на русское «пушечное мясо» французское военное командование слало царю вооружение. И вот когда грянула революция, солдаты, поддержав большевиков, потребовали, чтобы их вернули на родину. Никакие уговоры спешно прибывших из Петрограда представителей Временного правительства на них не действовали. Не запугивали их и расстрелы.

Лишь офицеры, вышедшие из буржуазных и помещичьих семей, заявили о верности Керенскому, а затем Колчаку и Деникину. Солдаты же, прорываясь через все и всяческие заграждения, стремились на родину. Был среди них, между прочим, и смелый кавалер ордена Георгия пулеметчик Родион Малиновский, будущий маршал и министр обороны Советского Союза. Были и многие другие, которым суждено было стать красноармейцами гражданской и солдатами Отечественной войн...

Перечитывая нынче письма тех, кто, откликаясь на «Одиссею штабс-капитана Васильева», вспоминает о пережитом, я невольно подумал о том, какое большое значение имеет этот голос минувшего для понимания души советского человека, прошедшего такой сложный, трудный, но и славный путь, для истории этого пути, наконец, для воспитания тех, кто идет на смену нашему поколению. Вот почему я решаюсь предать гласности полученные мною отклики. Приведу их здесь такими, какими они написались, нисколько их не приглаживая и не приукрашивая, во всем своеобразии их стиля.

«Я ТОЖЕ БЫЛ В ЧИСЛЕ КРАСНЫХ СОЛДАТ, РАССТРЕЛЯННЫХ В ЛА КУРТИН»

Уважаемый тов. Жуков! Я очень рад за ваше описание в журнале «Огонек» «Одиссея штабс-капитана Васильева». Я ведь тоже был в числе красных солдат, расстрелянных в лагере Ла Куртин в 1917 году.

Расстреливали нас офицеры и солдаты, преданные старому режиму[1], подобные описанному вами штабс-капитану Васильеву. Мы называли их «Синяя армия». Многое вы узнали от Васильева, но он все же не рассказал вам, как гоняли русских солдат по африканским крепостям и по пустыне Сахаре.

Спасибо вам за то, что вы напомнили о судьбе Русского экспедиционного корпуса. Я уже думал, что все позабыто,— ни звука не было ни в газетах, ни по радио, ни по телевидению. А ваша «Одиссея» воскресила в моей памяти все события минувшего.

Журнал «Огонек» я не получаю, но мне передал вырванные из него страницы с вашим рассказом один знакомый. Из какого номера их вырвали, он даже не знает.

Спасибо за все. С приветом к вам

Яков Иванович БУШУЕВ.

Мой адрес 607925, Горьковская область, Починковский район, с. Учуево-Майдан.

---

[1] Речь идет о расправе с революционно настроенными солдатами 1-й особой бригады, которая была изолирована в военном лагере Ла Куртин. В течение четырех дней, с 16 по 19 сентября 1917 года, лагерь подвергался артиллерийскому обстрелу со стороны частей 2-й особой артиллерийской бригады, прибывшей из Архангельска через Брест и направлявшейся далее через Францию на Балканский фронт.

«У НАС БЫЛ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ»

Уважаемый тов. Жуков! Прочитав вашу статью, я очень взволновался. Ведь я тоже находился под этими орудийными выстрелами в лагере Ла Куртин. И я снова подумал, как и тогда: какую же черную неблагодарность к нам проявили в 1917 году наши союзники!

Я хорошо помню, когда мы приехали к ним на выручку, их начальство кричало: «Русь! Париж в опасности!» Когда в 1916 году президент Пуанкаре принимал парад нашей бригады, он приветствовал нас на ломаном русском языке: «Здоровье, братцы!». Тогда нам дарили сигареты и шоколад, потому что немцы наступали, и мы были нужны.

И вот наша бригада под командованием генерала Лохвицкого и начальника штаба Ракитина пошла в бой, и мы нанесли поражение стоявшей против нас немецкой дивизии, которую называли стальной. Товарищ Р. Я. Малиновский был тогда пулеметчиком, а я связным при штабе, и жизнь моя, как и всех солдат, была каждую секунду под пулей, и мы не щадили себя.

Но когда мы узнали, что в России настала революция, и увидели, что и французы заволновались, тут мы поняли, что войну на чужой земле пора кончать, и надо подаваться домой, к Ленину. И у нас образовался исполнительный комитет, председателем которого стал солдат Балтайс.

Помню, в последних числах апреля 1917 года я дежурил как связной при штабе бригады. Вдруг раздался телефонный звонок. Телефонист поднимает трубку и слушает,— оказывается, по телефону Занкевич разговаривает с Лохвицким[1]. Занкевич спрашивает: «Какое настроение солдат?» Лохвицкий отвечает, что солдаты готовятся выйти 1 мая на демонстрацию при полном боевом снаряжении. Занкевич обрывает разговор Лохвицкого и говорит, что никаких демонстраций быть не должно. «Пусть,— говорит он,— бригада 1 мая выйдет на плац к 10 часам с вещевыми мешками и со скатками, но без оружия». На этом разговор окончился. Тут связист И. В. Андреев, который подслушивал этот разговор, рассказывает мне о нем и говорит: «Ты, т. Есьман, поезжай и доложи об этом т. Балтайсу». Я так и сделал. Он тут же связался с верными людьми в полках и в батальонах, и исполнительный комитет учел этот разговор.

Утром 1 мая в штаб бригады прибыл Занкевич. Ординарцы подали ему и Лохвицкому коней, и они помчались туда, где уже построилась бригада. Но бригада вышла на плац при полном боевом вооружении, да еще с флагами, на которых по-русски и по-французски были написаны революционные лозунги.

Занкевич хотел что-то сказать, но тут первый полк поднял шум и раздались выкрики «Долой!». Второй полк поддержал эту демонстрацию. Товарищ Балтайс отдал команду: «Всем офицерам и полковникам — три шага вперед. Подпрапорщикам, фельдфебелям и унтер-офицерам занять места командиров в полках, батальонах и ротах».

Занкевич и Лохвицкий были ошеломлены. Они ничего не могли сделать, поскольку мы были вооружены. И вот мы строем с лозунгами и флагами пошли в места расположений частей, проводя первомайскую демонстрацию, а все офицеры остались на плацу.

После этого офицеры опять начали уговаривать нас остаться на фронте, но мы упорно отказывались воевать и требовали отправить нас в Россию для защиты своей родины. Тогда нас и отправили в лагерь Ла Куртин, где мы и подверглись артиллерийскому расстрелу.

Но дух наш все же генералам сломить не удалось, хотя нам было очень трудно. Водяную сеть нам закрыли, и воды не стало. Хорошо, что на территории лагеря был водоем (ставок), хотя вода в нем была нехороша, но за неимением лучшей нам приходилось ее пить. И то пойти к ставку и набрать котелок воды было очень рискованно. Один раз солдат Б. Петренко из Таврической губернии рискнул пойти по воду днем и тут же был ранен пулей в ногу.

Очень трудно было и с едой: наш запас продовольствия быстро истощился. Правда, в огородах местных жителей оставалась картошка, но мы ее не трогали. Был строгий приказ т. Балтайса — за один вырытый куст картошки пойманный будет наказан согласно закону. В общем, много трудностей нам пришлось пережить, но дух наш остался несломленным.

С приветом к Вам

Иван Игнатьевич ЕСЬМАН.

Одесса, ул. Подбельского, д. 26, кв. 3.

[1] Занкевич — представитель Временного правительства; Лохвицкий — генерал, командовавший бригадой.

«МНЕ УДАЛОСЬ ВЫРВАТЬСЯ»

Мне удалось прочитать в журнале «Огонек» Ваш рассказ о русских полках, которые царь продал за границу и которыми командовал генерал Лохвицкий.

Я был солдатом 1-й роты 2-го особого полка. Воевал в составе 1-й особой русской бригады на франко-германском фронте. Когда же грянула революция, нас отвели в тыл и расформировали, потому что боялись нас, как большевиков.

Мы все стремились на родину, и вот мне посчастливилось с большим трудом вырваться с группой раненых и больных — повезли нас через Северное и Балтийское моря в Петроград. Из Франции нас везли под конвоем.

Помню, в Копенгагене нас, словно чумных, не подпустили к порту на полтора-два километра и так в открытом море пересаживали с французского парохода на русский, принадлежавший «Российскому пароходному обществу». А с подошедших к борту катеров нам кричали: «Куда вы едете, сумасшедшие? Оставайтесь здесь!» Но задержать нас не удалось. И мы вернулись на родину. В мирное время я 28 лет проработал на геологоразведочных работах.

Я пишу очень сокращенно, потому что я не литератор.

Петр Петрович РЫКОВ.

Москва, Октябрьский район, Старомонетный переулок, 27, кв. 1.

«МОИ ВОСПОМИНАНИЯ»

Уважаемый товарищ редактор «Огонька»! Я прочел в Вашем журнале статью корреспондента Юрия Жукова «Одиссея штабс-капитана Васильева», и эта статья пробудила у меня, семидесятисемилетнего старика, воспоминания о моем нахождении во Франции по службе в Русском экспедиционном корпусе и о тяжелых переживаниях в лагере Ла Куртин в июле — сентябре 1917 года.

Я служил во 2-м особом полку, который сформировался в городе Самаре, ныне Куйбышеве. Его отправляли во Францию частями. Наш 3-й батальон выехал из Самары 29 января 1916 года и прибыл в порт Дальний. Там мы погрузились на пароход вместе с солдатами 1-го особого полка. Прибыли в Марсель в начале апреля. Нас расквартировали в военном лагере. Там были проведены тактические занятия, после чего нас отправили на фронт.

Сражались наши солдаты храбро и доблестно. Помню, в первых числах апреля 1917 года наша бригада пошла в наступление. Немцы не выдержали русского напора и отступили. Мы заняли деревню Курси и преследовали отступающего противника. Но французы, участвовавшие в наступлении вместе с нами, замешкались, и дальнейшее продвижение было остановлено. После боя наши солдаты шутили: «Мы забрали деревню Курси, французы не сказали нам мерси».

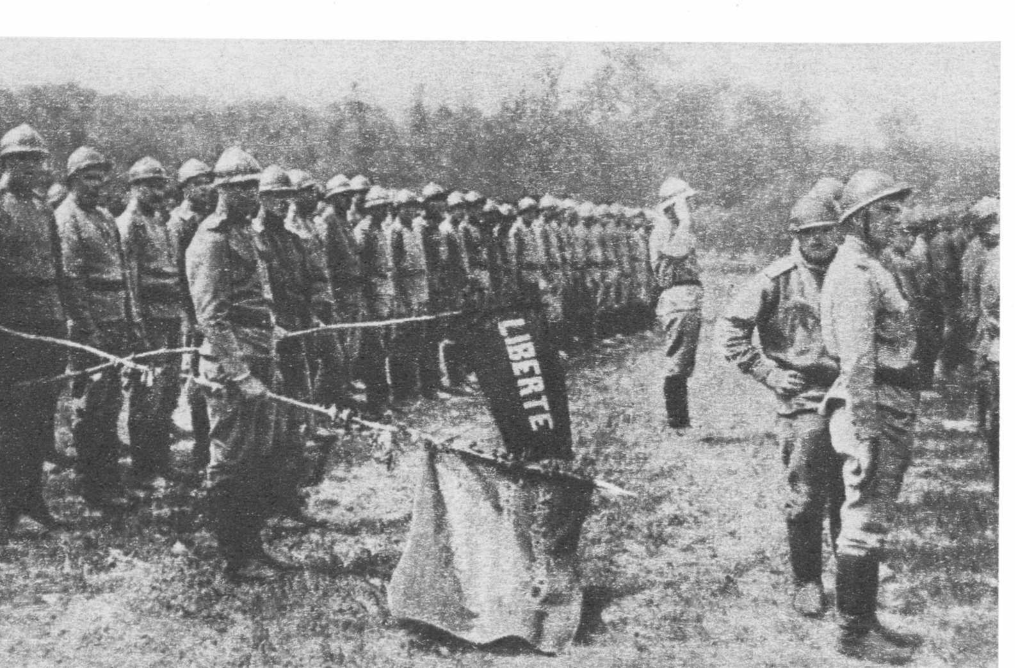
В это время на фронт стали доходить слухи, что в России произошла революция,— об этом офицеры нам не сообщали. Сами они явно боялись революции. И вот восьмого апреля 1917 года весь наш экспедиционный корпус был снят с фронта, нас заменили французскими и колониальными африканскими войсками. Под видом отвода на отдых ставших неблагонадежными русских солдат удаляли все глубже в тыл, переводя наши полки из одного селения в другое. А революционные настроения у нас усиливались.

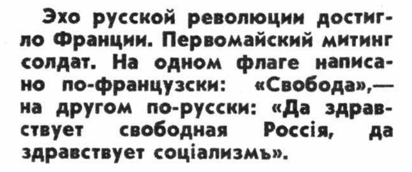
Помню, когда мы прибыли в село Фербриаж, там состоялось общее собрание солдат, на котором были избраны полковой, батальонные и ротные комитеты. Через четыре дня опять состоялось общее собрание солдат экспедиционного корпуса. Мы потребовали скорейшей отправки на родину, отказываясь дальше воевать на чужой земле. Обстановка обострялась.

12 июня мы прибыли наконец в лагерь Ла Куртин. Снова начались частые сходки, на которых мы все громче и настойчивее требовали отправки домой. Помню, 23 июня состоялось очередное общее собрание. На нем выступили представители командования вооруженных сил Временного правительства генерал Занкевич и комиссар от Временного правительства Евгений Ропп. Занкевич требовал, чтобы мы беспрекословно подчинялись распоряжениям командиров, и говорил, что войну мы обязаны довести до победного конца. Его поддерживал Ропп. Но их речи нас не убедили. Мы уже поняли, что эта война — империалистическая, и хотели одного: скорее вернуться на родину, чтобы помочь рабочим, крестьянам и солдатам России довести революцию до полной победы.

Мы освистали Занкевича и Роппа. Ропп начал жалобно кричать, что он сам революционер. Тогда мы закричали ему в ответ: «Ты не революционный комиссар Ропп, а фарисейский арап!» И снова потребовали отправки в Россию.

Генерал Занкевич начал нам угрожать. Он сказал, что те, кто признает законную власть Временного правительства, должны выйти из

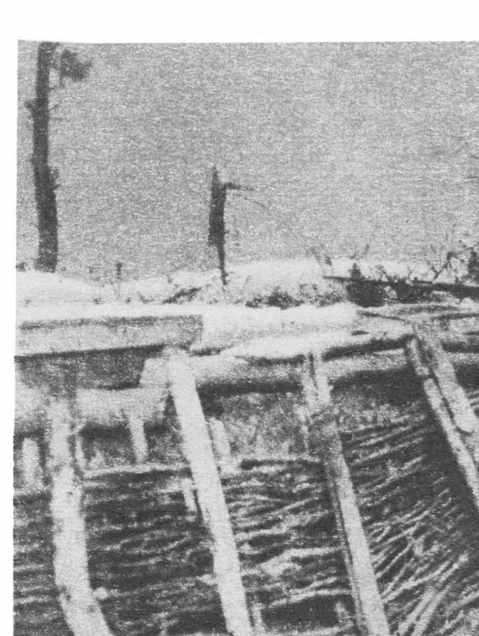
Эхо русской революции достигло Франции. Первомайский митинг солдат. На одном флаге написано по-французски: «Свобода»,— на другом по-русски: «Да здравствует свободная Россія, да здравствует соціализмъ».

Русские на франко-германском фронте:

1916 год. В окопах.

1916 год. Письмо с родины.

Этот снимок мне прислал из Одессы 80-летний ветеран Русского экспедиционного корпуса во Франции И. И. Есьман. Таким он был в 1916 году.

лагеря, а те, кто эту власть не признает, могут оставаться, но к ним будут приняты строгие меры по законам военного времени. И тут же офицеры покинули Ла Куртин.

Кое-кто из солдат струхнул. В полках началось брожение, и 25 июня третья бригада в составе пятого и шестого полков капитулировала перед генеральским диктатом, вышла из лагеря и была расквартирована в палатках в селении Фельтен, в шести километрах от Ла Куртин. Но остальные — более девяти тысяч солдат! — не устрашились и остались жить в лагере. Теперь мы сами хозяйничали там, без офицеров.

Прошло несколько недель. В лагере было спокойно, но чувствовалось какое-то нервное напряжение — было ясно, что назревают какие-то события. И вот 20 июля в Ла Куртин снова явился генерал Занкевич. На этот раз его сопровождали три комиссара — Светиков, Морозов и Смирнов. Все они агитировали нас признать власть Временного правительства, безоговорочно подчиняться приказам командования и продолжать воевать на Западном фронте до победы.

Мы твердо стояли на своем: домой, и только домой! В ответ на это Занкевич приказал нам сложить оружие. Мы отказались выполнить этот приказ. Тогда генерал пошел на хитрость. Он предложил нам продолжить собрание в местечке Фельтен, но с условием, чтобы мы пришли на это собрание без оружия.

Мы построились в колонны и в строгом воинском порядке прибыли в Фельтен, где и построились для продолжения собрания. Но к нам вместо генерала Занкевича вышел полковник Котович. Он указал нам на чистое поле и сказал: «Вот ваше место расквартирования. Сейчас сюда привезут палатки, и вы здесь будете жить». Тогда наш солдатский руководитель, избранный нами, закричал: «Это подлый обман! Ребята, обратно в лагерь!» И мы, опять-таки в четком воинском строю, с песнями вернулись в Ла Куртин.

Генералы поняли, что нас ни уговорами, ни хитростью не одолеть, и решили применить силу. 27 августа был издан приказ № 172 о немедленной сдаче оружия. Мы были названы в этом приказе мятежниками. Приказ подписали генерал Занкевич и комиссар Ропп — тот самый, которого мы прозвали «фарисейским арапом». Было ясно, что затевается что-то очень серьезное.

5 сентября все жители селения Ла Куртин, в котором находился наш лагерь, были эвакуированы. Движение поездов в этом районе было приостановлено. Десять дней спустя лагерь окружили военные части, сохранившие верность Временному правительству, в том числе 2-я артиллерийская бригада, только что прибывшая из России и еще не участвовавшая в боях. Их поддерживали французские войска. И вот назавтра началось побоище — лагерь был подвергнут артиллерийскому и пулеметному обстрелу. Были убитые, раненые... Мы сопротивлялись, но силы были неравные, и после четырех дней борьбы уцелевшие куртинцы были вынуждены сдаться карателям.

Нас, обезоруженных, окружили французские солдаты. Они вывели нас в чистое поле, где мы находились под конвоем семь-восемь дней. Потом нас загнали обратно в лагерь, но теперь мы уже находились на положении арестованных,— всех перемешали и заново разбили по ротам. Помнится, командиром роты, в которую я теперь попал, был назначен Болотин — русский, служивший во французской армии.

9 декабря 1917 года командующий 12-м военным округом генерал Комби издал приказ о том, что лагерь Ла Куртин должен быть немедленно очищен от русских. В приказе говорилось примерно следующее: те русские солдаты, которые согласятся работать во Франции, будут разосланы в соответствующие места, а те, кто откажется от работы, будут вывезены под конвоем в Северную Африку и останутся там на положении заключенных; все русские солдаты должны сегодня же, 9 декабря, прибыть командами или поодиночке к французскому командирскому управлению в деревню Ла Куртин.

Мы все же этот приказ не выполнили и с места не тронулись.

Назавтра, 10 декабря, нас выгнали из казарм и построили поротно и побатальонно. Прибыл полковник Котович и зачитал новый приказ, в котором говорилось, что, поскольку 1-й батальон, назначенный на работы, выполнить приказ отказался, он будет немедленно окружен французскими солдатами и отправлен в Африку; та же участь ждет и других, если будет продолжаться неповиновение.

Наш ротный командир Болотин все же проявил гуманность и добился, чтобы нас не угоняли на африканскую каторгу, а оставили работать во Франции. Я попал в группу из 50 человек, которая была направлена в деревню Шарю, на лесозаготовки. Мы рубили и пилили лес и отправляли его на железнодорожную станцию — это было в районе города Монтаржи.

Затем нас в количестве 25 человек переслали в город Орлеан, куда доставили и другие группы русских солдат, работавших все эти месяцы в разных местах. В Орлеане были сформированы 42 рабочих команды, использовавшихся на различных работах. Мы находились под руководством так называемого Русско-Французского бюро во главе с пожилым русским капитаном Казаковым, который состоял на службе во французской армии. В Орлеане обосновался и подполковник Буренин, который занимался вербовкой русских солдат во французский Иностранный легион. Он писал и распространял воззвания, но они на нас не действовали,— в этот легион почти никто не записался.

Тут появилась еще некая старуха по фамилии Брешко-Брешковская, которую рекламировали как «бабушку русской революции». Она печатала в издававшейся для нас газете «Русский солдат — гражданин во Франции» свои статьи, призывая нас поддерживать Временное правительство и выступить против большевиков. Но тут уже грянула Октябрьская революция, Временное правительство было свергнуто, и мы поняли, что правы мы, а не те, кто нас уговаривал.

Разгоралась интервенция и гражданская война. Русских солдат, находившихся во Франции, начали готовить к отправке в Россию, на территорию, занятую белыми, рассчитывая, что мы все же пригодимся как подкрепление врагам Советской власти. Правда, нам прямо этого не говорили, но мы-то знали из газет, что юг России занят белогвардейцами, и понимали, куда мы угодим. Поэтому мы были охвачены тяжелыми переживаниями.

И вот в начале 1920 года нас отправили из Орлеана в Марсель, а 9 января пароход, на который были погружены бывшие солдаты Русского экспедиционного корпуса во Франции, отплыл на восток. Позади остались Средиземное море, Дарданеллы, Мраморное море, Босфор, Черное море, и наконец мы приблизились к Одессе.

Но что это? Наш пароход почему-то не подошел к причалу, а остановился на рейде. Как выяснилось впоследствии, Красная Армия в первых числах февраля сбросила деникинцев в море и освободила Одессу. Капитан парохода, видимо, растерялся и не знал, что ему делать. И тут вдруг на судне вспыхнул пожар, то ли кто-то совершил поджог умышленно, то ли огонь загорелся случайно. Возникла паника. Люди кричали: «Спасайся, кто может!» За борт полетели всевозможные спасательные предметы, люди раздевались и прыгали в воду.

Я спрыгнул с парохода во всем военном обмундировании. Меня потянуло на дно, но, к счастью, рядом оказался деревянный спасательный плот. Я вскарабкался на него, а со мною еще четверо раздетых солдат. Мы начали грести к берегу. А вокруг творились страшные вещи: некоторые не умели плавать, тонули.

На помощь с берега поспешили на лодках работники порта. Пожар на пароходе удалось погасить, его подтянули к причалу. Спасенных солдат собрали, построили, привели в пересыльную часть и взяли там на учет. Здесь мы выяснили, что находимся уже в Советской России, и очень обрадовались.

Но мои злоключения на этом не кончились: в Одессе была эпидемия тифа, и я заразился. Перенес я эту болезнь очень тяжело — долго лежал без сознания. После выздоровления 17 марта 1920 года мне выдали справку — кто я такой и как оказался в Одессе — и отправили меня в мое родное село М. Карай, Саратовской области.

Там я отдохнул два месяца, а затем был призван в Красную Армию и служил в городе Балашове письмоводителем Отдельного коммунистического батальона при штабе особого назначения. В 1922 году демобилизовался и работал в своем родном селе делопроизводителем волостного исполнительного комитета.

В дальнейшие годы по семейным обстоятельствам я переехал в Среднюю Азию, в город Ташкент, где жили мои родственники, поступил работать на железную дорогу, закончил курсы бухгалтеров и работал по этой специальности всю свою жизнь вплоть до ухода на пенсию.

Все же мне пришлось еще раз повоевать — я участвовал в Великой Отечественной войне — это была уже наша, кровная война, и хотя я находился в преклонном возрасте, но ушел на фронт добровольно. Служил в 134-м отдельном железнодорожном строительном батальоне. Демобилизовался в 1946 году.

Вот так и сложилась моя жизнь.

С уважением

бывший солдат 2-го особого полка Русского экспедиционного корпуса во Франции —

Максим **МИЛОВАНОВ**.

700037, Ташкент, 37, массив Юнус-абад, В-4, дом 25, кв. 63.

Окончание следует.

Рисунки И. УШАКОВА.

ДЕЛО О ТЕЛЕФОННЫХ ЗВОНКАХ

Руфь ЗЕРНОВА

ПОВЕСТЬ

VII

Гулять в Ленинграде под ноябрьским снегом — дурацкое занятие. Особенно если на вас куртка из кожзаменителя, а на голове — промокший берет. Никулин согласился с женой, которая не скрыла от него свое мнение по этому поводу, однако сам этого не думал. Во всяком случае, во время этой прогулки. Он только морщился иногда, если мерзлая крупа сыпалась ему за воротник.

Он, честно говоря, очень любил эти прогулки. А жене объяснял это тем, что они ему профессионально полезны. Давно миновало то время, когда он смотрел с некоторого столичного высока на благодушного, толстеющего, так и не приобретшего военной выправки одессита. Миновало то время, когда «словечки», манеры, интонация, которые вдруг пускал в ход Всехсвятский, заставляли его поднимать брови в некотором недоумении. И миновало то время, когда он любовался элегантным красавцем Щавинским и бессознательно ему подражал.

Когда в прошлом году начальник следственного отдела вышел на пенсию и прошел слух, что кандидат на эту должность — Всехсвятский, Никулин удивился: настолько неподходящим казался он ему. Конечно, выслуга лет, опыт, военные заслуги, звание подполковника... Но Щавинский, когда Никулин заикнулся об этом, только рукой махнул:

— Опять откажется — пришлют нам варяга. И ведь не уговорить его.

— А разве уже предлагали? Бывало?

— Бывало. Он хочет не руководить, а расследовать. Он, видишь ли, любит эту работу.

Никулин и сам начинал любить именно эту работу, а не свое студенческое о ней представление. И ощутил нечто вроде симпатии к Всехсвятскому, а ощутив, стал к нему присматриваться да прислушиваться, что о нем говорят. Говорили часто, но мало, только намеками: ну, это дело похоже на то, что Гень-Ванч вел... Пойти, Гень-Ванчу рассказать... Тот свистит, заливает — заслушаешься, а Гень-Ванч его так спокойно обрезал, знаешь, как он умеет...

А что за дела, какие ответы — неясно. Все всё и так знали и заранее смеялись дружно, как люди понимающие.

— Слыхали? Этот, новый, спрашивает: «Гень-Ванч, отчего вы на Утесова похожи?» «Разве? — говорит.— По-моему, Утесов похож на меня».

И опять все смеются. А острота, ох, не блеск!

Когда Никулину поручили его первое дело, начальник предупредил:

— Вы с Гень-Ванчем советуйтесь, на всякий случай.

Никулин не хотел советоваться, но допросы вел в присутствии Всехсвятского, и однажды тот сказал ему, как бы между прочим, что одного из свидетелей есть смысл вызвать повторно,— похоже, он знает больше, чем говорит. И оказался прав.

Все это было давно — больше двух лет назад. С тех пор было многое, и в частности это недавнее Ковалевское дело. Они все посмеивались: «никулинская интуиция»! Как будто нужна интуиция, чтобы заметить в квартире женские туфли чужого размера! Но посмеивались или нет, а туфли помогли. Конечно, это еще не бог весть что, но все-таки... Конечно, он только обратил внимание на туфли, а все остальное неторопливо распутал Гень-Ванч, но все-таки, когда говорят про это дело, не одного Гень-Ванча поминают. Конечно, он понимает, что... И все-таки человеку нужны удачи — они подстегивают рост. Такое наблюдение сделал Гень-Ванч и сказал еще, что уда-

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 40—43.

чу надо уметь приманить, но этому научаешься постепенно.

Может, он и шаманил немного, как всякий настоящий мастер, и в кухню свою не впускал, но вообще-то не скрывал ничего и дела вел открыто. Щавинский как-то сказал:

— Секреты ремесла! Анекдот есть: один человек на глаз точно определял, сколько в стаде баранов. Его спросили, в чем секрет. Он признался: «Я не баранов считаю, а ноги, и потом делю на четыре». Вот и пользуйся таким секретом!

Пока что Никулин изучил если не производственные секреты Всехсвятского, то его привычки, повадку, манеру, эту самую ленивую манеру, которая вводила в заблуждение новых людей. Он знал, что в начале расследования Всехсвятский ведет всевозможные посторонние разговоры и о деле вроде бы и не думает; что на какой-то стадии он вдруг выпадает из сферы общения, замыкается и заметно грустнеет; потом он и вовсе день-два не показывается в управлении. А потом все закипает: вызываются свидетели, трещат телефоны, выписываются командировки, и обвинительное заключение наполняется фактами, тяжелыми и убедительными, как щуки в неводе.

Никулин ходил с Всехсвятским и в столовую обедать и к метро «Площадь Восстания», хотя ему можно было добираться домой на трамвае, и даже в «Север» пить кофе, потому что ничего крепче кофе Всехсвятский не пил. Он звал Всехсвятского в гости, но тот никак не мог собраться: все то, да се. А какое то и какое се, не объяснял. Но гулять с ним любил и иногда приглашал: пошли пофилософствуем. Узнав, что Никулин — ровесник его сына, Всехсвятский стал говорить ему «ты», и обоим это «ты» было приятно. Никулин подозревал, что большой близости с сыном у Всехсвятского не было. Сын-инженер работал, имел свою семью, вероятно, они с отцом виделись нечасто.

Всехсвятский предложил дойти до площади Восстания. Никулин согласился. Они шагали рядом в дружелюбном молчании. Никулин думал о допросе Костурича, у него была некая концепция, но он помалкивал, ждал, что скажет Всехсвятский.

— Слушай, ты часто бываешь на похоронах?

Никулин украдкой посмотрел на Евгения Ивановича: куда тот гнет? Увидел не выражение лица, а лицо — полнеющее лицо с сеткой багровых прожилок на скулах, с ожиревшим подбородком, с седоватой растительностью, пробивающейся из ушей.

— Да нет, не очень.

— А все-таки?

— Ну... В этом году несколько раз. Двое из нашего управления. И моих родителей друзья. В общем, раз пять.

— Только в этом году раз пять? Такой молодой человек?

— Так я же не сверстников провожал, Гень-Ваныч.

Никулин сказал и смутился. Он опять сбоку взглянул на своего спутника, на этот раз не увидел ничего: ветер с колючим снегом хлестнул его по векам.

— А я в твоем возрасте никогда не бывал на похоронах,— сказал Всехсвятский задумчиво.— Тебе сколько? Двадцать два? Двадцать три?

— Мне уже двадцать пять, Гень-Ваныч.

— Двадцать пять? Мне было двадцать пять в сорок третьем году.

— Сталинград! — сказал Никулин.

— Сталинград, Орел, Белгород, все, что ты учил, проходил, сдавал. Может, ты думаешь, мы не знали, что потом про нас будут учить и заучивать? Как-нибудь, мы знали! Только немножко сомневались, что доживем. Но не о том речь. Так вот, мне сейчас кажется, что, когда я был молодой, люди не умирали.

Никулин спросил осторожно:

— Вы имеете в виду бессмертие, Гень-Ваныч?

— Я ему серьезно, а он мне из газеты! Я про смерть говорю. Люди погибали — это да. Или пропадали без вести — знаешь, что это значит? Но похороны... Какие похороны, откуда? Когда я был молодой, их не было. Понимаешь, что я хочу сказать?

— Не совсем,— признался Никулин.

— Не понимаешь. Ладно, объясняю. Похороны — это примета мирного времени. Устоявшегося мирного времени. Как свадьбы во Дворце бракосочетания. Понимаешь? Это все значит — мирное время.

— Смертей лучше бы поменьше.

— Что ты! Конечно, лучше поменьше и попозже. Тут мы с тобой полностью одного мнения. Но уж если умирать, то в постели. В мирное время человек имеет право умереть в постели. «Насытившись днями». В библии есть такие прекрасные слова, полновесные. Ты библию читал?

— Читал,— сказал Никулин.

— Молодец! — сказал Всехсвятский.— Понравилось?

— Я не все читал,— честно сказал Никулин.

— Ну, ты еще имеешь время. Так вот — «насытившись днями». И вот, когда я вижу, что человек, мой ровесник, все прошел, все времена, когда люди погибали и без вести пропадали, и жив остался — и вдруг его на лестнице какая-то сволочь...

Никулин сказал:

— Вы полагаете?..

Всехсвятский словно не услышал и продолжал:

— Это ж подумать надо! На лестнице, на собственной лестнице... Это дочь его говорит: лампочка не горела. Сто тысяч составляющих — лифт вниз не везет, лампочка не горит, пожилой дяденька из управления долдонит: мелкое телефонное хулиганство... Вот когда Ив Монтан приезжал, в пятьдесят шестом... Ты слушал Ива Монтана?

— Кажется,— неуверенно сказал Никулин.

— Мгм. Ну, ясно, вы, молодые, только своих рапсодов знаете! Так вот. У него песня такая была, у Монтана: шахтеры добывают уголь, литейщики льют металл, землекопы делают насыпи — и все для того, чтобы ты могла приехать ко мне сегодня. Ну, там не точно так, но в этом роде. Так вот, для того, чтобы человек погиб, теперь, в мирное время, на своей лестнице, тоже должно слиться вместе: лампочка, лифт, телефонный звонок, лопоухий дядька из управления и еще куча каких-то обстоятельств, которых мы не знаем... Которых мы еще не знаем...

Он замолчал.

— Которых мы не знаем по собственной глупости, мягкотелости, беспечности, слюнтяйству и ротозейству. Вот какие слова я знаю, и каждый мой ровесник их знает. А вы уже знаете другое. Ну там иностранные детективы, долгоиграющие битлы, долговязые девицы...

— Длинноволосые юнцы,— подсказал Никулин.

— Что? Да, и длинноволосые юнцы, если хочешь. Наверное, этот Костурич тоже был длинноволосый, пока не остригли.

— Какое у вас впечатление, Гень-Ваныч?

— Впечатление! Это ты у нас впечатлительный... Ну, и как, понравился он тебе?

— Что ж тут может понравиться?

— Ну, все-таки сверстник. Красивый, неглупый. Ты мне не слова, ты мне мысли давай. Есть у тебя теперь мысли?

— Кое-что есть.

— Ну?

Никулин задумался. Потом сказал:

— Он очень слабый человек. А слабые люди...

— Погоди. Что значит слабый?

— Воля слабая. Жизнь свою разбил из-за пьянства, жену свою потерял, ребенка... Но, как известно, слабые люди способны бывают на преступление... Иногда скорее, чем сильные. Они таким образом самоутверждаются.

— Конечно, конечно! — согласился Всехсвятский.— Ладно, хватит нам говорить о делах, тем более все еще неясно... Давай просто мозги проветривать и языки... Расскажи-ка мне, видел ты эту «Мольбу»? Все кричали, кричали... Ты видел?

— Да.

— Ну и как?

— Понравилось.

— Вот где проходит водораздел поколений. Почему понравилось?

— Поэтично.

— Здравствуйте, пожалуйста, поэтично! Непонятно — это да. А я люблю понимать. Вот Киплинг, например... Не скажешь ведь, что непоэтично! Почему вы все так любите не понимать? Какому тайному... какой тайной потребности в вас это отвечает?

— Вы... серьезно, Гень-Ванч?

— Я всегда очень серьезно, что ты! Ну?

— Ну... Сидите вы в зале, двести человек. И в другом зале еще двести. И показывают вам картину, скажем, идет теперь американская: «Если невиновен — отпусти». И вы сидите, двести человек, и сочувствуете красивому невиновному, а сочувствие ваше уже заложено в картину, запрограммировано. И назавтра вы встречаете, скажем Щавинского. Смотрел «Если невиновен»? Смотрел. И что? О чем вам говорить, взрослым людям? Вы получили вчера запрограммированную одинаковую пищу да еще сильно разжеванную.

— Так. Интересно. Ну, а вы что получили на «Мольбе»?

— Не только мы, но и вы. Толчок. Для мыслей, для чувств. Самое главное, для чего и существует искусство. Каждый получил толчок для себя.

— Искусство для некоммуникабельных,— сказал Всехсвятский.

— Искусство для взрослых.

— Для стариков?

— Для молодежи. Молодежь сейчас взрослее стариков.

Никулин замолчал, и лицо его выразило скромность, как всегда, когда он бывал собой доволен.

— Вы, значит, взрослые. А одна учительница только сегодня мне говорила — поколение инфантильных.

— Какая учительница?

— Соколовская. Ну, вдова этого... убитого.

— По поводу Костурича, наверное?

— Сработала твоя интуиция, ничего не скажешь. Ну, а возвращаясь к вашему искусству для взрослых... Стало быть, идем к бессловесному искусству? Простому, как мычание? Или сложному, как мычание?

— Мысль дороже слова,— важно сказал Никулин.

— Я с тобой не согласен по географическому признаку. В моем городе если что ценят бескорыстно, так это слово.

— В вашей солнечной Одессе,— сказал Никулин.

— В моей Одессе. На моей улице — на Гулевой-Карагозовой, Льва Толстого улице. В доме восемь.

— Любите вы Одессу? — спросил Никулин задушевно.

— Видно, недостаточно люблю, если уехал. Вот товарищи мои, которые там остались, те любят. У них на любой вечеринке первый тост: «За Одессу!» Как у запорожцев: «За Сечь».

— А отчего вы оттуда уехали, Гень-Ванч?

— Филфака не было в тот год. А я без филфака не мыслил жизни. А ты, между прочим, где родился?

— Я в Ленинграде. И отец тоже. Мама у нас, правда, москвичка.

— А дед?

— Дед — не знаю где. Он профессором был в политехническом.

— Значит, горожане, во всяком случае. И я горожанин. До того горожанин, что на природе даже плохо себя чувствую. Петухи, собаки лают... Ну, а ты, наверное, с природой дружен. Турист или охотник?

— Скорее рыбак.

— Да ну? И подледный?

— И подледный. Вот станет зима — привезу вам свежей рыбы.

— И что же ты ловишь подо льдом, интересно?

— Смотря где, смотря когда. Ну, корюшку, например. Любите свежую корюшку?

Всехсвятский глядел на него, как на чудо. Никулин принял скромный вид и сказал значительно:

— Корюшка, между прочим, на себя клюет.

— Как это — на себя?

— Куски корюшки на крючок насаживаешь — тогда клюет. Самоедка.

— Ну,— сказал Всехсвятский,— она же не знает... Она просто видит — мясо. А если целую рыбину на крючок насадить, клевать не станет?

— Не знаю, не пробовал.

— Не станет. Закон сохранения вида. Внутри вида друг друга не едят.

— Не едят, но бьются на смерть. Тетерева, олени...

— Дались вам всем эти тетерева и олени!

Такого, чтобы одно стадо оленей шло на другое,— такого в природе не бывает.

— А муравьи? А пчелы?

— С целью грабежа. С целью грабежа — это по-звериному понятно.

— Вы все думаете о Костуриче, Гень-Ваныч?

— Ничего подобного. Я проветриваю голову. Погода как раз подходящая. Скажи, а когда утром ты просыпаешься, ты сразу знаешь, где ты, с кем ты?

— Конечно.

— И я раньше так. А теперь, уже несколько лет, просыпаюсь и долго еще плаваю. Пока выплыву — все круги жизни своей пройду. Начну с детства — и старею постепенно. Раньше мне самые лучшие мысли в эту пору приходили. Тебе как, приходят?

— Как когда. Иногда ночью приходят, иногда действительно, когда просыпаюсь.

— Ну вот. А я должен, перед тем как проснусь, еще такое путешествие проделать. В пятьдесят лет длиной, шутка ли? Ну, все — вот и метро. Ты на трамвай?

Никулин понял, что Всехсвятский хочет остаться один, и сказал:

— Да.

Всехсвятский отложил ручку и задумался.

Он думал о корюшке. Такая с виду ничем не примечательная рыбка, а, оказывается, хищница. Хищный тип. Тоже классификация не хуже всякой другой — хищный тип. Полная противоположность слабому. Слабый вечно в обороне: отступает, прячется, жалеет себя и жертвует ради себя другими. К тому же расчищает почву для хищника, отступая, уступая, расслабляя...

А хищный не в обороне, хищный в нападении. Не всегда в открытую. Хитрость ему тоже ведома, не просто хитрость — коварство. И собой он тоже дорожит. И тоже может выглядеть этакой безобидной корюшкой: не обязательно это лев, который рычит и трясет головой. Шакал — тоже хищник. И крыса. Подпольная крыса, злая, осторожная, запасливая.

Кто из них приятнее? Пусть решает, кто хочет. Кто опаснее для общества? Пусть решает, кто может. Вероятно, и тот и другой — каждый в свое время.

Слабые тоже совершают преступления. Для самоутверждения, Никулин прав. Или в порыве отчаяния, в состоянии аффекта, как говаривали в суде когда-то. И даже оправдывали тех, кто в состоянии аффекта. И кое-кто из коварных наверняка этим воспользовался. Прикинувшись слабым.

Может ли хищник прикинуться слабым? Может ли волк прикинуться... не овцой, а, скажем, бабочкой-капустницей?

Волк не может, а человек?

И все-таки... Добродушный болтун, рубаха-парень, уязвленный и униженный, опустившийся и разложившийся алкоголик Костурич — никак не хищный тип.

Мог бы он убить? Сильно напившись, разъярившись, забывшись? Когда человек теряет, как говорится, человеческий облик? Собственный облик теряет, собственный характер, и лезет из человека черная, старинная злоба.

Ведь не помнил же он, что сделал с Фоминым. Даже допускал, что мог убить.

Допускал, но в действительности-то этого не было! Полез на Фомина с кулаками, и тот кликнул милиционера. Вот и все дело. И все пятнадцать суток. Да сам еще неподдельно тревожился, не нанес ли Фомину какого увечья.

Неподдельно?

А не проще ли, не мудрствуя лукаво, допустить, что этой самой нелепой дракой неопытный преступник хотел перекрыть серьезное преступление? Пока будут искать того, кто убил Соколовского на лестнице, он отсидится в ДПЗ и сможет предъявить свои пятнадцать суток как оправдание: да, был я там, но не тем был занят.

Не годится. На биографию, на психику парня не накладывается.

Если это он,— стало быть, преступление давно задумано и подогнано к телефонным звонкам.

Что звонил не он, установлено.

Предположить, что действовал в сговоре с Яковлевым. Маловероятно. Разные возрастные группы, разные сферы общения. Но все равно надо проверить такое допущение.

Тогда, стало быть, Соколовского на лестницу он вызвал тоже с помощью сообщника, потому что его-то голос Соколовский знал. Значит, уже второй сообщник.

И из дому отправился, оставив дома ребенка с соседкой, захватив с собой орудие убийства. Тот самый мешок или чулок с песком.

Мстил, стало быть, обдуманно мстил за свою разрушенную семейную жизнь?

И как все аккуратно подгоняется. О телефонных звонках знал, с Соколовским отношения были плохие, в самое подозрительное время оказался в районе преступления и даже не пьяный: по собственному утверждению, дома перед уходом не пил ничего. Так аккуратно к нему, к Костуричу, стягиваются все петли. Будто кто-то их заботливо стянул.

Яковлев?

Тут тоже есть мотив. Все тот же античный мотив: мщение. По-современному — сведение счетов.

Может, не он орудие в руках Костурича, а Костурич — орудие в его руках?

Но тогда для чего бы он, Яковлев, развлекался телефонными угрозами? Разве он позволил бы себе эту невинную шутку, если бы действительно собирался убить? Пожалуй, и тут убийство не по профилю.

Телефонные звонки эти... Все путают телефонные звонки. Мальчишество, несерьезность, непохоже все это на Яковлева, продувного мошенника, умеющего пожить. Доски, наряды, начес, молодая знакомая на Южной — и месть, и убийство, и телефонные звонки с предупреждениями! Какой-то собор Парижской богоматери!

Всехсвятский достал из кармана пиджака записную книжку, нашел номер телефона и набрал его.

Ему ответил молодой мужской голос. Яковлева не было дома.

— А что передать? — поинтересовался голос.

— Ничего,— сказал Всехсвятский.— Я еще позвоню. Скажите, что звонил Евгений Иванович.

Видимо, сын. Студент, вероятно.

...Костурич не подходит, Яковлев не подходит. О звонках Яковлева знал от Аллы еще ее приятель Жуков.

Что такое Жуков?

Год рождения — сорок седьмой. Второй послевоенный год, осень. Карточки отменены, толкучки кончают свое существование, в магазинах опять все есть. В домах восстановили паровое отопление. Газа, кажется, еще нет, на коммунальных кухнях горят керосинки. И керогазы. У них с Таней не было керогаза — был примус. И в комнате тайком — электроплитка. Они только что поженились, и у них была комната. У них была ее комната. Он кончал юридический, после войны он не вернулся на филфак, а пошел на юридический. Решил, что это важнее. Для них это был счастливый год.

Костурич, кажется, тоже родился в том году. И Никулин. В общем, все они ровесники. Хотя Костурич, кажется, на год-два постарше.

Странное это ощущение — ровесники. В детстве очень острое, потом оно притупляется, а где-то после сорока возвращается опять, то с плюсом, то с минусом. Генерал, герой, член правительства, а мои ровесники. Или вот: Всехсвятский помнил, как один майор, политработник, в сорок третьем году, после Тегеранской конференции, когда все рассуждали о возрасте, сказал: мне-то совсем стыдуха — мне Гитлер полный ровесник. В один день мы с ним родились, можете себе представить!

И Всехсвятский понял это ощущение: как же, мол, я допустил, чтобы мой ровесник натворил таких дел!

Как же он сам допустил, чтобы его ровесника убили!

Может быть, если бы он вызвал Соколовского, поговорил с ним, тот был бы теперь жив. Он мог знать то, чего не знала его дочь, его жена. Человек этого возраста не очень-то делится с домашними своими служебными тревогами,— хватает с него и домашних. Брак дочери, развод дочери...

Думать об этом теперь поздно. Итак, Жуков, Кирилл Андреевич, 1947 года рождения. Родился в Ленинграде, родители служащие, разошлись, окончил в Ленинграде восемь классов, окончил ПТУ, работал на часовом заводе, отслужил в армии, вернулся, учился на курсах повышения квалификации, работает в отделе ремонта часов в Доме быта, благодарности, премии поквартальные... Не женат, в быту скромен...

Что могло связать Жукова и Аллу? Жукова и Костурича?

Правда, теперь молодые компании не слишком замкнуты по профсоюзному принципу. У них разнообразные интересы. Музыка там, литература, искусство. Хотя литература, кажется, не в моде. Музыка на гребне. Джазы, джазисты, джазмены.

Джаз сейчас — дело серьезное, он требует всего человека. Бывает, человек даже бросает работу и становится джазменом.

Нет, тут не джаз, не музыка: тут что-нибудь другое. Да и мало ли что может найтись общего у молодых людей, сверстников! Тут и вообще может быть детская дружба. Может, жили когда-то в одном доме или в школе учились...

Инфантильное поколение, лишенное чувства долга...

Кто только не ругает это поколение! Потому что видно то, что сверху, а сверху — Костурич у каждого пивного ларька. Умницу, интеллигента, одаренного работягу Никулина не видно. Не выпало ему Сталинграда к двадцатипятилетию. Так хорошо же! Так о чем беспокоиться? Разве он хуже, чем был, скажем, Горя Полянский, студент, погибший в ополчении в сорок первом? Он знает больше, он одет и вымыт лучше, он больше прочел книг, повидал кинокартин, побывал за рубежом. Проще говоря, он счастливее,— проходит испытание не войной, а мирной жизнью. В конце концов живем-то мы не для войны, а для жизни. Мир шире войны. Даже само слово русское такое: «мир», то есть вселенная, весь мир — то есть все. И вечность прихватывает.

Никулин ясен, не ясен Костурич.

И чего это они все поперлись в кино? Алла со своим Жуковым — и Костурич. Ну, Алла с Жуковым — ладно. Но Костуричу-то зачем понадобилось?

Назавтра вызвана соседка Костурича Надя; потом Яковлев, потом «муж Марьи Николаевны» и еще кто-то из той же компании. Длинный, нелегкий день. Может, и даст что-нибудь. Потом Жуков. Про этого пока только известно, что ему не за что было мстить Соколовскому.

И вообще — что могло быть общего между Жуковым и Соколовским?

Запутала все эта девица — впутала и приятеля и мужа в это дело.

...Костурич — человек, лишенный чувства долга. Как ощущает жизнь человек без чувства долга? Мы вечные должники, такими родились, такими состарились, нам не понять.

VIII

Куда деваться? Куда деваться от себя?

Если бы кто-нибудь обвинял! Пусть бы кто-нибудь обвинял! Лучше всего по суду. Если бы была такая статья! Тогда можно было бы оправдываться.

Ну, пусть бы не по суду. Пусть бы соседи, знакомые, товарищи по работе обвиняли, нападали бы все гуртом, сколько их есть,— она бы выстояла и объяснила бы, убедила.

Пусть бы мама сказала. Вот именно, пусть бы сказала. Потому что она так думает. Она все время думает это, хотя никогда ни за что никому не скажет. Может быть, даже себе не говорит. Она из тех людей, которые думают, что вещь не существует, пока не названа. Чувство не существует, поступок не существует... Она не называет это даже про себя — и этого как бы нет. И все-таки:

— Почему же ты мне не рассказала, Алла? — И, предваряя ответ: — Почему ты боялась меня потревожить?

И сразу утешать:

— Нет, я тебя понимаю. Я и сама бы, наверное, не стала говорить. Нет, ты все сделала, как надо...

А ведь она не все знает. Всехсвятский, спасибо, не доложил ей, что она рассказала Кириллу, а тот зачем-то Алику...

Господи, если бы не только Алику! Если бы еще кому-нибудь! Еще двум, еще трем. Почему он не мог бы этого сделать? Ведь когда

она ему рассказывала, они не знали, что так будет.

Но это Яковлев. Что бы там ни думал Всехсвятский, на что бы он ни намекал, это Яковлев. Пусть не сам, но это Яковлев.

Кирилл не звонил ей, и она ему не звонила; после похорон она его не видела. Ей это не казалось странным, их отношения вдруг проявились во всей своей неистинности. Смерть отца — это была истина; мать, Лодька — это была истина, и Алик...

Об Алике думать не надо. Но до чего же, оказывается, он ей нужен. Со всеми своими разговорами и выяснениями, со своей странной наивностью, которую он дотащил до такого возраста. Он не всегда понимал, но всегда мог все объяснить — по-своему, и ему бы она могла все сказать про вину, и он, может быть, стал бы на нее нападать, а она бы защищалась, и все стало бы на место.

И он бы объяснил ей, хоть как-нибудь, почему он прошел мимо нее, не глядя.

Он объяснил бы, что он делал у них на углу тогда, как он туда попал, неужели мало гастрономов в городе, в его собственном районе? Он бы объяснил, потому что этому есть, конечно, объяснение. И не то, которое...

Но он тянет эти пятнадцать суток, и его не увидеть, и нет и не будет ей покоя, пока она его не увидит.

Всехсвятский, конечно, уже знает про пятнадцать суток. Он ее не трогает, не вызывает, не звонит. Он делает свое дело — ищет концы, чтобы связать из них петлю. Кому-нибудь эта петля придется по мерке, по шее: кому-нибудь, у кого не будет этого самого алиби. У Яковлева, уж конечно, будет алиби.

Если бы Всехсвятский спросил ее прямо, она бы сумела ему объяснить. Нет, не объяснить — она бы просто поклялась ему здоровьем сына или чем бы там он захотел, что это не Алик. Она присягнула бы, что это не Алик, если бы была у нас такая присяга. Она не верит... Нет, она именно верит. Верит, что это не он. Верит, хотя никто ее об этом не спрашивает.

Ее спрашивают о другом:

— В каких отношениях ваш муж был с вашим отцом?

Работа не очень спасает. Если бы поле... Но какое может быть поле в декабре! Надо ехать в контору. Автобус, потом метро, потом трамвай... Какой-нибудь час с лишним в плотном пчелином рое... Но потом — наконец-то! — несколько десятков метров пешком: по улице, по воздуху, по асфальту, еще не присыпанному, застекленевшему за ночь... Тут уже думаешь о работе: кто там, что там... И комната отдела: девять женщин, пять мужчин. Геология тоже становится женской профессией.

Девять баб, девять петрографинь, сидят, рассматривают шлифы под микроскопом, смотрят в бинокуляры, раскапывают зернышки на фракции. Мужики анализируют свои разрезы по канавам. Потом шефиня напишет блистательный отчет... Ладно, сочтемся славой!

Нет, не надо грешить, все-таки на работе легче. Уже потому легче, что здесь своя жизнь. И милая Галя — новая девочка, только что институт окончила: вчера, в разгар рабочего дня, на глазах начальства перегнулась к ней через стол и таинственно:

— Слушай, как ты думаешь, если мы все сейчас начнем гудеть?

— Зачем гудеть?

— Ну как зачем? Просто гудеть!

И хорошенькое ее личико выражает недоумение: неужели Алла не понимает, как весело это было бы: гудеть, не разжимая рта, на глазах у строгой шефини.

И когда она так на нее смотрит, Алла начинает понимать, что это и впрямь будет очень интересно.

На работе все ясно, четко, и самые неожиданности, в сущности, ни для кого не бывают особенно неожиданными. Развелись супруги Мелковские, Логинов защитил диссертацию и позвал на банкет только нужных людей, Корытов оказался-таки сволочью, когда дело пошло о том, кому ехать в экспедицию... Все известно, все предсказуемо. Новичков тут мало, и новички довольно скоро становятся понятны. Она сама еще не ветеран, но и новичком считаться не может — пять лет!

Очень емкие оказались эти пять лет. В личном плане. Сколько в них вместилось — целая жизнь. Целая супружеская жизнь, начатая и законченная. А на работе и не чувствуешь, что столько лет прошло. Текучести кадров тут нет, и поэтому никто не стареет. По-прежнему зовут друг друга: девочки, пошли обедать! И выглядят все девочками, как и пять лет назад: следят за собой. Шефиня — та даже моложе стала: красит волосы «гаммой», седины не видно, худая, энергичная, быстрая. В прошлом году сама в поле выезжала.

Ей-то, Алле, в этом году в поле не выехать: нельзя будет мать оставить одну. Лодька с детским садом на дачу отправится, и мать окажется совсем одна в квартире...

Нет, все-таки работа лечит. На работе — труд, а место это, институт, отдел, где, как бы там ни было, все свои.

Толя Иванчихин в экспедиции, Наташа одна справляется на работе, дома с ребятами... Даже бюллетенит редко. Правда, они у нее уже школьники. Близнецы, тоже Толя и Наташка. Оба на продленке. Вечером укладываются спать сами, если мать куда-нибудь уходит. Сознательные ребята. А когда к ним приходят гости, никогда не вылезают, не пристают. Отлично их воспитали. Лодька не такой. Правда, у них семья в полном комплекте: и отец и мать.

Есть же такие образцовые семьи!

И Толя защитил диссертацию, и Наташа тоже защитит через год. А ей вот о диссертации и думать нечего.

Ей Наташа скомандовала:

— Слушай сюда. Тебе надо мириться с Аликом, брать его в дом, устраивать к нам на работу — ну, хоть истопником, хоть механиком. Поскольку ты все равно его любишь.

Наташа всегда была такая: не чересчур логичная. Разве это любовь — то, что у нее к Алику?

Наташа не может забыть, как у них все было вначале.

Но это когда было! Разве могла она тогда подумать, во что это выльется? Чем закончится?

И все-таки нет, не может быть того, на что намекает Всехсвятский. Ему надо было бы объяснить другое, может, он тогда понял бы, что Алик просто ребенок. Очень большой, очень нелепый и с недостатками, даже пороками взрослых, но все-таки ребенок. А главное — добрый. А Всехсвятский этого никогда не увидит, потому что, если он будет допрашивать Алика, Алик наверняка начнет выдрючиваться.

Любовь! Для того, чтобы назвать то, что у нее к Алику, нужно было бы выдумать совсем какое-то новое слово. Пока что этого одного слова нет, никто не придумал. И хорошо, что не придумал. Не названо — значит, и нету ничего. Мама права.

Она поехала к Кириллу на работу.

Все кончилось — в тот самый день кончилось, когда они смотрели «Мертвый сезон». Когда она вдруг почувствовала, что ей тут не место, что она должна уйти.

Что это такое было? И он вроде бы не удивился нисколько. Что это было? Сидели рядом — и как будто за тысячу километров друг от друга. Отчего это случилось и почему одновременно у обоих?

Она приехала в Дом быта, где он работал, поднялась на второй этаж и сразу увидела его.

Он ее не увидел. Он разговаривал со статной девушкой в голубом рабочем халате. У нее было яркое лицо и короткие седые волосы. Она смеялась: закидывала голову, показывала белое горло, выпячивала грудь. А он смотрел на нее так, что каждому было ясно: это близкие люди. Женщины проходили мимо них в парикмахерскую, в маникюрный зал, в косметический кабинет, поглядывали — и сразу же отводили глаза: так все было ясно, что неприлично было глядеть.

И Алле тоже надо было бы отвернуться, но она стояла и смотрела.

Наконец, он ее заметил. Его оживленное лицо сразу остановилось и застыло. Потом он улыбнулся, что-то сказал женщине и подошел:

— Какими судьбами?

— Да вот, пришла...

— Я думал, совсем меня забыла. Не звонишь, не появляешься нигде...

— И ты ведь не звонишь,— сказала она, и это, помимо ее воли, прозвучало упреком.

Он сказал очень серьезно.

— Мне было неудобно.

— Я понимаю,— сказала она.

Она и правда понимала. Ей самой было неудобно: неудобно, что она пришла сюда, что зачем-то разговаривает с ним тут в холле, у всех на виду. Девушка с седыми волосами осторожно осмотрела ее, потом, видимо, успокоилась и ушла. Но молодая кассирша лукаво поглядывала на них со своего высокого табурета, и хорошенькие парикмахерши в голубых коротких халатиках то и дело шмыгали мимо. Она посмотрела на него, надеясь, что он поймет, как ей неловко тут стоять, что-нибудь скажет, уведет — ну, хоть в сторонку куда-нибудь. Но глаза его словно стеклянной пленкой покрылись — он ничего не хотел ни видеть, ни понимать, он, наверное, думал: зачем она пришла? Небось, выяснять отношения! Господи, неужели им всем делать нечего, этим парикмахершам, снуют, как муравьи!

— Мне надо спросить тебя...

— Да?

Вежливо, с легкой улыбкой.

— Зачем ты... Нет, я не то хотела сказать. Ты только Алику рассказал про звонки? Ну, про те звонки, помнишь...

— Только! — сказал он, пожав плечами.— А что, разве еще кто-нибудь знал? Понимаешь, меня этот твой следователь тоже спрашивал: не рассказывал ли я еще кому-нибудь? Зачем бы я стал рассказывать?

— Но ведь Алику-то ты зачем-то сказал!

И опять это прозвучало упреком. Что за странность, она вовсе не собиралась его упрекать ни в чем. Но на него это произвело неожиданное действие: стеклянная пленка растаяла, он посмотрел на нее очень серьезно:

— Но ведь я это ради тебя... Ты вспомни!

Она и так помнила. Но уж очень ей хотелось, чтобы он сказал: а, да, при этом было еще пять человек.

— А он влетел на пятнадцать суток! — сказал Кирилл сочувственно.— Бедняга. Там ведь и передач нельзя!

— А тебя вызывали? — спросила Алла.— Зачем?

— Зачем! Для галочки! Машина должна работать. Их ведь тоже, наверное, прижимает начальство: план давай, план. Как раз конец месяца был, самый аврал.

Алла махнула рукой.

— Все бесполезно. Совершенно ясно, кто это, но они ничего ему не сделают. Ах, да ты же не знаешь.

Она в двух словах рассказала ему про Яковлева.

— Значит, нашли-таки! — сказал Кирилл.— Хоть с опозданием, но нашли! А я и не спросил. Хотел спросить, но не спросил.

— Скажи,— спросила Алла — как ты думаешь: это Яковлев сделал?

— А кто же? Больше некому!

— А этот Всехсвятский думает, что...

Она остановилась. Даже Кириллу не надо было говорить об Алике.

Но Кирилл понял.

— Думаешь, тянет на Алика?

— Не то, чтобы определенно на него, но... В общем, он все время о нем расспрашивает.

— А! Он обо всех расспрашивает. Всех обо всех. Меня о тебе расспрашивал, о наших отношениях, давно ли знакомы.

Алла думала о своем.

— Знаешь, он ведь невыдержанный, Алик. Наверное, он ведет себя там как-нибудь вызывающе... Сказать бы ему!

— А как скажешь? Нет, у Алика все же есть голова на плечах, ты не переживай. Хватит с тебя переживаний.

И потрепал ее по плечу.

— Тут все дело в том,— сказала она, и ей трудно было это выговорить,— что Алик как раз в это время был недалеко от моего дома. Ну, с компанией этой, у гастронома...

— Этого я не знал,— сказал Кирилл.— В это самое время?

— Примерно. Его все видели у этого гастронома — знаешь, у нас на углу? Напротив кино, наискосок.

— Странно,— сказал Кирилл.— Ведь ты говорила, он ребенка взял на субботу?

— Вот так нелепо складывается,— сказала Алла.

И подумала, что ни к чему было сюда приходить.

Продолжение следует.

Алексей ХОДАНОВ

Платок для развода

ФЕЛЬЕТОН

Идет человек в магазин и покупает цветной телевизор. Привозит его домой, и сколько охов и ахов, сколько улыбок, сколько радостных эмоций!

Или покупает элегантную тройку. Или брючный костюм. Или кольцо... Да что бы ни покупал человек в магазине, всегда он испытывает чувство радости.

Поэтому можно понять, почему так улучшилось настроение гражданки В. Чаваниной из далекого поселка Южный, что близ города Байкальска, Иркутской области, когда она в своем хозяйственном магазине купила шкаф для белья.

Но через два дня в квартире раздался страшный грохот. Сначала испуганная Чаванина подумала, что герои очередного многосерийного телефильма где-то что-то взорвали, но дело было ранним утром, и телевизор не работал. Поэтому она решила, что в Байкальск пришло землетрясение.

К счастью, все оказалось гораздо проще и обыденнее. Отворив дверцы шкафа, Чаванина увидела такую картину: все три полки свалились и лежат друг на дружке.

Незадачливая покупательница с ужасом обнаружила, что угол шкафа дал трещину и что вообще покупка требует солидного ремонта.

С глубокой скорбью сидела гражданка Чаванина на полу и рассматривала приклеенную к шкафу этикетку с клеймом «ОТК 2», на которой значилось: предмет домашнего обихода ценою в 126 рублей выпущен 30 марта 1974 года Свалявским лесокомбинатом «Закарпатлес».

Но, честно сказать, гражданке Чаваниной еще повезло. Ведь все случилось у нее в тот момент, когда она была наедине со шкафом, и весь удар, так сказать, приняла на себя.

А гражданин Чумаченко Николай Николаевич из города Днепропетровска опозорился перед своими гостями прочно и надолго. И главное — совершенно неожиданно. Был человек в городе Горьком в командировке, зашел в магазин и купил вилки. Приехал домой, собрал гостей, сервировал вилками стол и гордо сказал:

— Вот прекрасные вилки из чистой нержавеющей стали.

Только видит, что гости переглядываются, шушукаются, а один встает и с оскорбленным видом говорит:

— Сами ешьте такими ржавыми вилками, а я здоровье свое поберегу и поужинаю дома.

Хлопнул дверью и ушел. А хозяин поглядел на вилки попристальней и, заметив на каждой из них ржавчину, ахнул.

На солидно оформленной коробке, в которой покоилась покупка в количестве двенадцати штук, было уточнено, что это «вилки столовые большие из нержавеющей стали с пластмассовой ручкой». Изготовил их находящийся в Беляйкове, Вачского района, Горьковской области, завод «Звезда». Все эти солидные надписи, увы, радости хозяину не прибавили. Впрочем, со временем рассерженные гости поймут, что хозяин тут ни при чем, ведь, в общем, если разобраться, и Николаю Николаевичу тоже повезло. Хотя бы потому, что издержки были только моральные.

Но то, что случилось с жителем города Смоленска Е. В. Максимовым, выходит за рамки моральных потерь. Евгений Васильевич приобрел прекрасные и наимоднейшие на вид туфли минской фирмы «Луч».

Вечером Максимов, надев новые туфли, в хорошем настроении вышел из дому. Он прошагал немного по Смоленску и почувствовал, что им пройден путь ни много ни мало от Тихого океана до истоков Днепра.

На второй день он уже не встал на ноги. Это побудило его взять туфли в руки и тщательным образом рассмотреть их. Евгения Васильевича повергло в такой ужас, что он схватил таблетку валидола и поспешно сунул под язык.

Вместо подметок перед новоявленным владельцем модерновой обуви были две доски с загнутыми кое-как гвоздями. Подошва, наклеенная на них, рассыпалась.

Надо сказать, что Евгений Васильевич, человек бывалый, не очень-то испугался, но пришлось немного все же полежать, а потом передвигаться с палочкой, пока не утихла ноющая боль в пальцах.

Короче, все закончилось более или менее благополучно. А вот радость челябинца Т. просто-напросто перешла в трагедию. И ничего тут не поделаешь! Кстати, мы не называем его фамилии в надежде, что, может, все еще и образуется...

Обуреваемый самыми светлыми чувствами, зашел он в магазин и купил в подарок жене капроновый платок Краснопахорской трикотажно-текстильной фабрики, что в Московской области.

И потом все было тоже очень хорошо. Обрадовалась жена, захлопала в ладоши, набросила на голову платок и пошла погулять.

На улице, как на грех, накрапывал слабый дождичек.

Прошло какое-то время, вернулась жена домой, вошла в комнату, а дети давай кричать в голос: не узнают, да и только! Краска-то вся от платка на лицо перешла. Вся и всех цветов.

Жена плачет, дети тоже, муж стоит бледный, растерянный. Ко всему еще краска не отмывается. Сошла с платка свободно, а к щекам — намертво.

— За что? — всхлипывает жена.— Что я тебе сделала? Ты меня перед всем миром опозорил!..

Словом, подала жена на развод, и ничего тут хуже не придумаешь.

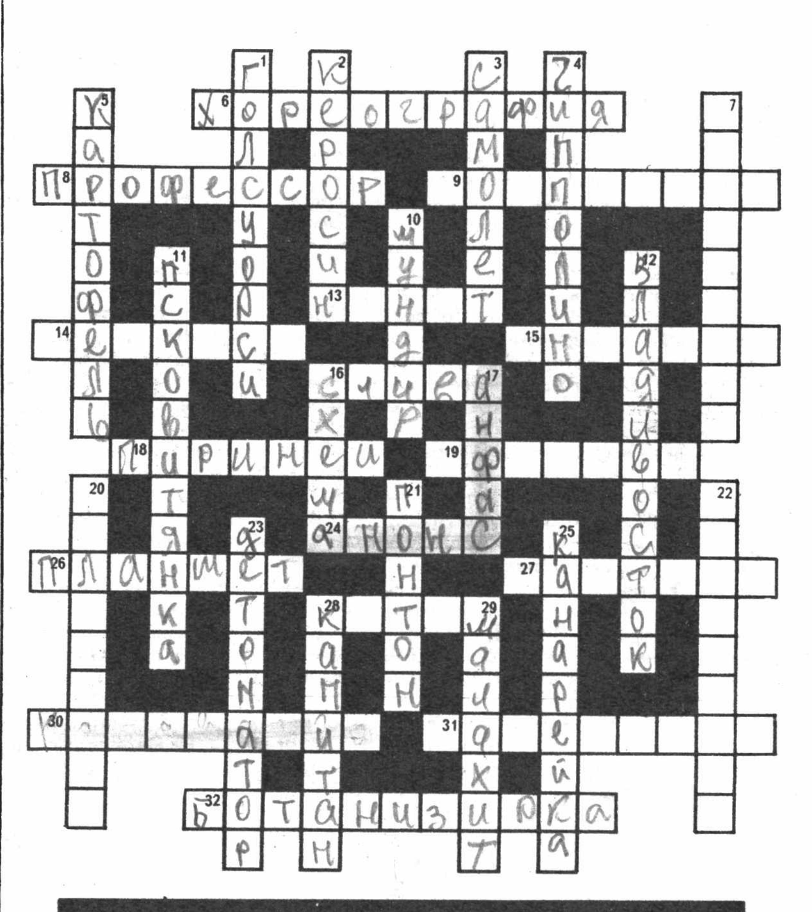
Долго был я под впечатлением письма из Челябинска. Доходили до меня и другие истории с покупателями...

Вообще-то если уж на то пошло, все это более чем грустно... Грустно от безразличия к покупателю. Грустно за обман покупателя. Грустно за головотяпов, которые могут вывести покупателя из строя в самом буквальном смысле.

Вот и получается: вместо радости — разочарование. Вместо удовлетворения — обида и долгие хлопоты, трата денег на ремонт, бесконечная переписка с изготовителем и магазином, поиски виновных, требования сатисфакции.

А главное — те моральные издержки, которые не восстановят ни деньги, возвращенные за покупку, ни ремонт за счет виновного, ни даже письменное извинение на официальном бланке.

В № 45 «Огонек» начинает печатать главы из нового романа Юрия Бондарева «БЕРЕГ»

КРОССВОРД

По горизонтали: 6. Искусство танца. 8. Ученое звание. 9. Автор картины «Устье Невы». 13. Музыкальный ансамбль из девяти исполнителей. 14. Поэма М. Ю. Лермонтова. 15. Звезда в созвездии Скорпиона. 16. Плодовое дерево. 18. Горная система в Европе. 19. Персонаж романа А. Фадеева «Молодая гвардия». 24. Объявление о предстоящем концерте, спектакле. 26. Сумка для карт. 27. Мягкие цветные карандаши. 28. Рыба семейства карповых. 30. Курорт в Костромской области. 31. Щипковый инструмент. 32. Коробка для сбора растений.

По вертикали: 1. Английский писатель. 2. Горючая жидкость. 3. Летательный аппарат. 4. Герой книг итальянского писателя Д. Родари. 5. Овощ. 7. Переносные часы с балансиром, применяющиеся в астрономии, геодезии. 10. Форменная одежда. 11. Опера Н. А. Римского-Корсакова. 12. Порт на Тихом океане. 16. Упрощенный чертеж. 17. Лицевая сторона монеты. 20. Прозрачный термопластичный материал. 21. Судно, служащее плавучей опорой мостов. 22. Русский скульптор, автор памятника Кутузову в Петербурге. 23. Взрыватель основного заряда в боеприпасах. 25. Птица. 28. Офицерское звание. 29. Минерал ярко-зеленого цвета.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 43

По горизонтали: 3. «Бурелом». 6. Достоевский. 8. Аллюр. 11. Очерк. 12. Хорей. 17. Челеста. 18. Истра. 19. Гусачок. 20. Межелайтис. 21. Педагогика. 23. «Москвич». 25. Акула. 26. Маслова. 27. Цедра. 28. Штрих. 29. Сокол. 31. Знаменатель. 32. Фартинг.

По вертикали: 1. Куртка. 2. «Корсар». 4. Кокарда. 5. Дифтонг. 7. Счастливцев. 9. Лахти. 10. Верстовский. 13. Черенок. 14. Мичиган. 15. Такелаж. 16. Морковь. 22. Курск. 24. Черешня. 26. Миткаль. 29. Сумбар. 30. Латунь.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Самар Абдрасулов — будущий джигит. См. в номере очерк Н. Быкова «Золотой скакун».

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Вечереет... Фото Дм. Бальтерманца.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

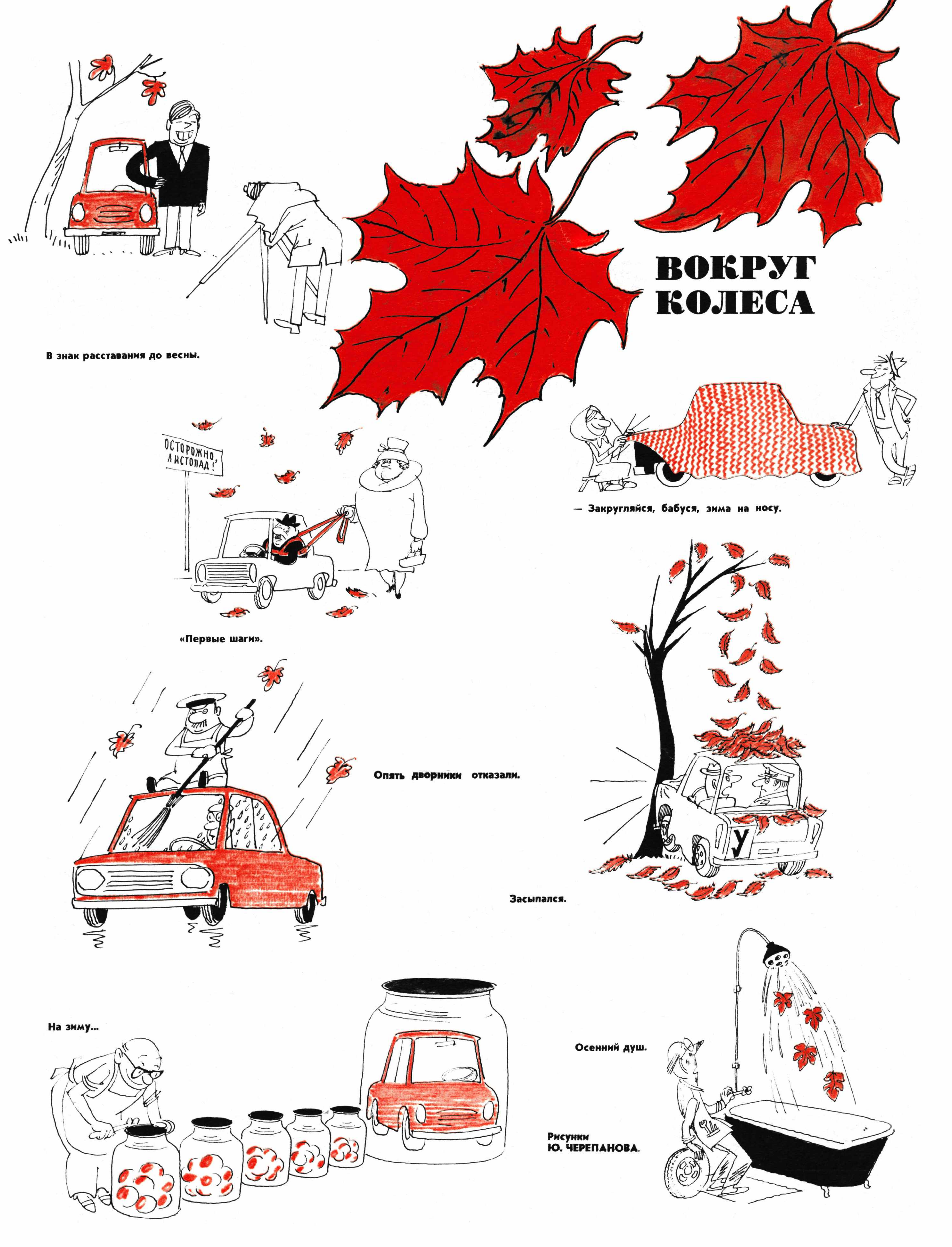
Оформление И. К. МИХАЙЛИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата —253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей —253-37-61; Международный —253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора —253-39-05; Спорта —253-32-67; Фото —253-39-04; Оформления —253-38-36; Писем —253-36-28; Литературных приложений —253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 7/X — 1974 г. А 00652. Подписано к печ. 22/X — 1974 г. Формат 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2455. Тираж 2 070 000 экз. Заказ № 2854.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 12865. Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

ВОКРУГ КОЛЕСА

В знак расставания до весны.

— Закругляйся, бабуся, зима на носу.

«Первые шаги».

Опять дворники отказали.

Засыпался.

На зиму...

Осенний душ.

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663